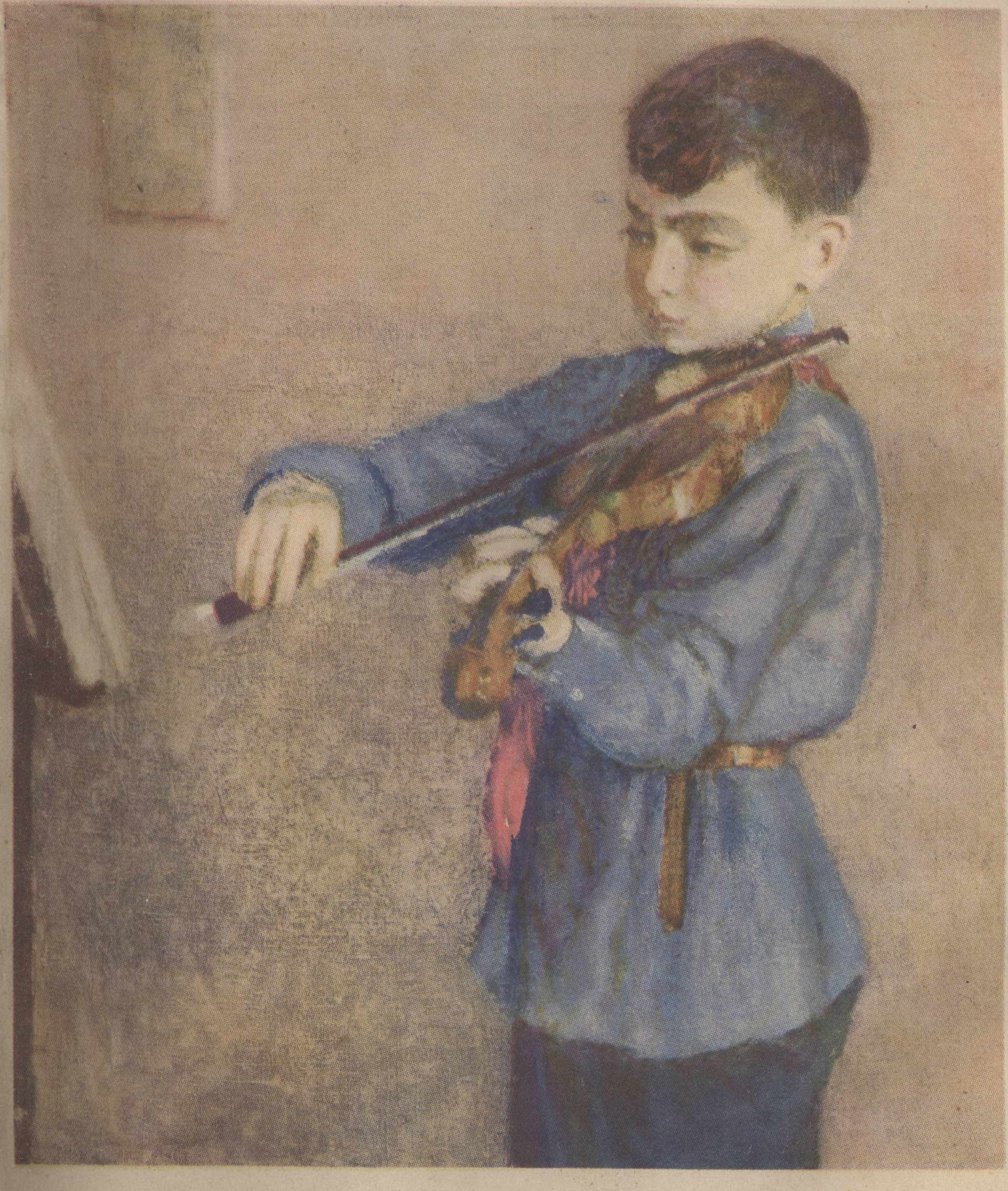
ПИОНЕР

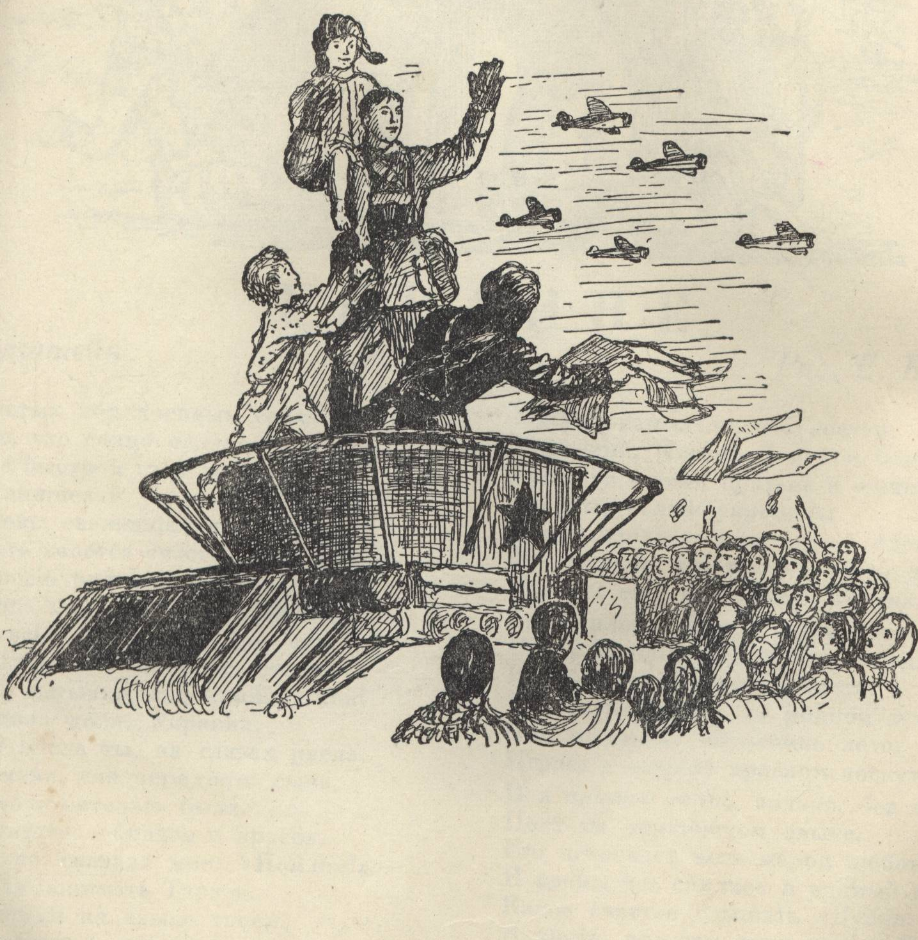
Октябрь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1939 г.

10

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 10

Октябрь 1939 г.

Издательство ЦК ВКП (б) „Правда"

УКРАИНЕ

А. Копштейн

Рис. Е. Бургункер

В безлистых абрикосовых садах,
В звезде, что сонно падает на шлях,
В полете быстрой стаи журавлиной
По-над вишневой утренней долиной
И в яблоке, свалившемся в траву,
В том, что зовется счастьем, Украиной,
Что я своею родиной зову,—
Есть кровь моя, мое сердцебиенье,
Березы вешней горьковатый сок,
Над колыбелью медленное пенье:
— Усни, дытынко, вырастай, сынок!
Моя родная доля, Украина,
Со мной росла ты, на глазах цвела.
Ты для меня, для неродного сына,
Заботливою матерью была.
Дала богатство образов и красок,
Приветливо сказала мне: «Пойдем!» —
И научила понимать Тараса,
Писать стихи на языке твоем.
И вот прошел я тропы и дороги
От Приднепровья до Надбужских скал,
На западной границе, на пороге
Шляхетской Польши, молча я стоял.
Там прошлое твое оцепенело...
В селеньях закордонной стороны
Воинственное «Польска не згинела»
Кичливо пели польские паны.
Там, в деревнях семнадцатого века,
Халупы запылали, что́ костер.
Потоцкий, Чарторыйский и Сапега
Громили наших братьев и сестер.
Забитые селяне-украинцы
Брели вдоль тесных улочек своих.
Мы верили, что так не может длиться,
Что мы еще заступимся за них.
Свершилось! И на запад мчится счастье,
Оно в колонне, за рулем, в седле.
Идут моторизованные части.
По безграничной, по родной земле.
Оно приносит солнечное лето,
Играет в каждом красном лоскутке
И в полный голос, вольно, без запрета
Поет на украинском языке.
Его встречает весь народ любовно,
И взоры все слились в единый взгляд.
Какое счастье слышать «Дубно, Ровно»
И знать, что там зоря краïни Рад! [1]
Вся жизнь моя в твоей единой власти.
Я без тебя не значу ничего.
Я буду жить твоим великим счастьем,
На смерть я выйду именем его.

17 сентября 1939 года.

[1] звезда Страны советов.

В Западной Белоруссии. Ребята угощают красноармейца яблоками.

Фото В. Темина.

Под сталинским знаменем

1. По сигналу красной ракеты

Предрассветную мглу прорезали красные вспышки ракет. И сразу ожили пустынные дороги пограничной полосы. Дрогнули гусеницы танков, затрещали моторы броневиков, помчались на запад кавалерийские эскадроны, потянулись колонны пехоты. Где-то впереди послышались первые выстрелы.

Выполняя решение советского правительства, части могучей Красной Армии перешли границу, чтобы освободить от многолетнего гнета своих братьев-украинцев и братьев-белоруссов.

На одном участке границы вышла вперед группа красноармейцев. Во главе ее младший лейтенант Погорелов. Он получил боевую задачу — незаметно подойти к польской стражнице и снять охрану. Бесшумно подкрались наши бойцы к полякам. Не успели часовые оглянуться, как командир отделения Ильинский и красноармеец Пробка схватили и связали их.

В соседней стражнице часовой поднял шум. Из бойниц показались язычки пламени: заговорили пулеметы. Но это продолжалось только несколько секунд. Артиллерист Бычков первыми же тремя сна-

рядами превратил стражницу в груду развалин...

Красноармейская часть вступает на землю Западной Украины. На пригорке бойцов встречает первый крестьянин. Он бос. На нем рваный армячишко и грязная войлочная шляпа. Он снял шляпу, низко поклонился, затем подошел к командиру и, подавая руку, сказал:

— По звездам вижу, что червоная армия. Дождались, наконец, мы вас.

Дальше, на перекрестке дорог, к бойцам вышла группа крестьян. Она вела управляющего панским поместьем Юзефа Юхно. Сам помещик успел удрать вместе с семьей. Одетый в рубище, крестьянин Степан Янкевич крепко держал управляющего за руку. Только вчера управляющий выпорол Степана за то, что он опоздал молотить панский хлеб...

У города Острога ребятишки, выстроившись вдоль моста, забросали красноармейцев полевыми цветами. А потом долго бежали за машинами. Наводчик Куликов не выдержал, спрыгнул с лафета орудия, поднял на руки одного мальчика и расцеловал его.

— Я не боюсь вас,— сказал на ломаном русском языке мальчик, глядя прямо в глаза бойцу,— вы не солдат, вы красноармеец!

Молодые бойцы Красной Армии, конечно, знали, что такое капитализм. Они читали об этом в книжках, им рассказывали политруки, но то, что увидели они своими глазами по ту сторону границы, превзошло все их ожидания. Только теперь они необычайно полно и ярко осознали, от чего избавила их Великая Октябрьская социалистическая революция. Они заходили из избы в избу и всюду видели ужасающую нищету. Они видели только лучину — и ни одной лампы, ни одной свечи. Молодые трактористы с удивлением разглядывали соху — единственную «машину» тамошнего крестьянина. В стражницах, где жили польские солдаты, наши бойцы находили много резиновых дубинок, нагаек со вшитыми в кожу кусочками свинца — и ни одной книги, ни одной газеты.

Жители освобожденных селений смотрели на наших бойцов с радостью и восторгом. Вначале им не верилось, что пришли они сюда навсегда, что наконец-то разрушено панское господство. А когда поверили, засыпали красноармейцев вопросами о Советской стране. Бойцы Красной Армии видели слезы радости, слышали приветственные клики в честь Советской страны, в честь нашей славной армии, в честь товарища Сталина.

Население Западной Белоруссии встречает наши танки.

Фото Ф. Левшина.

Вид города Львова. Фотоклише **ТАСС.**

2. Великая освободительная задача

А в эти часы по всей необъятной Советской стране — от Балтики до берегов Тихого океана — миллионы граждан, затаив дыхание, слушали речь главы советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова.

Он говорил о том, что, ввязавшись в войну с Германией, польское государство развалилось в самый короткий срок. Довели его до этого положения незадачливые правители. Они бросили население Польши на произвол судьбы, а сами скрылись неизвестно куда.

Он говорил о том, что Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР, о том, что советское правительство не может больше стоять в стороне, что оно решило взять под свою защиту единокровных украинцев и белоруссов, населяющих Польшу.

И когда товарищ Молотов сказал, что советское правительство отдало распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии, чувство радости и гордости охватило всех граждан великой Советской страны.

Ведь советское правительство своим решением выразило то, о чем думали все мы в те дни. Чувства и мысли всего советского народа воплощены в этом решении. Судьба 11 миллионов украинских и белорусских братьев, страдавших под панским сапогом, всегда глубоко волновала нас. И вот теперь настал для них час освобождения!

Рожденная в Октябре 1917 года Советская страна возмужала, окрепла, стала сильнейшей страной мира, и теперь она протягивает руку помощи своим измученным братьям, двадцать лет страдавшим под властью польских панов.

Западная Украина и Западная Белоруссия всегда были русскими землями. На заре истории нашего народа они входили в состав Киевского государства. После того как Северовосточная Русь была завоевана татаро-монголами, связь между этими и другими русскими землями была порвана. Земли нынешней Западной Украины и Западной Белоруссии были захвачены Польшей и Литвой. Потом польские паны захватили Волынь, Киевщину и Подолию. Они жестоко эксплоатировали украинских и белорусских крестьян.

Украинцы и белоруссы много веков боролись за свою свободу. Особенно широко эта национально-освободительная борьба на Украине и в Белоруссии развернулась в 1648 году. На Украине эту борьбу возглавлял Богдан Хмельницкий. Под давлением народа Хмельницкий обратился к русскому правительству с просьбой принять Украину под власть Москвы. В русском народе украинский народ видел ту силу, которая может защитить его от панского гнета.

Под власть России перешла только часть земель, населенных украинцами, другая часть осталась за Польшей. Прошло еще сто лет, и после трех разделов Польши Белоруссия и Украина отошли к царской России.

Положение крестьян от этого не изменилось. Польские помещики имели те же права, что и русские дворяне, они так же, а пожалуй, еще сильней эксплоатировали и угнетали своих крепостных. Вместе с русским народом боролись украинские и белорусские крестьяне против помещиков, и в борьбе против народа польские шляхтичи объединились с царскими чиновниками. Известного вождя восставших украинских крестьян — Кармелюка — выдал царским властям польский шляхтич Рутковский. За это Николай I снял с пальца бриллиантовое кольцо и подарил предателю.

Польша в таком виде, как она существовала до последнего времени, возникла в 1918 году после мировой войны. Она захватила земли, принадлежавшие раньше России, Германии и Австрии. Англия и Франция, создавая Польшу, ставили перед этим новым государством, скроенным из лоскутков, одну задачу — служить тараном, направленным против Советской республики.

Польша была государством, основанным на насилии и грабеже, государством, в котором польские помещики и фабриканты угнетали и эксплоатировали не только украинцев, белоруссов, евреев, литовцев, но и польский народ.

В 1919 году польские войска захватили Восточную Галицию. Вот как описывает эту грязную страницу из истории Польши французский историк Мартель:

«Поляки расстреливали, вешали, предавали пыткам, арестовывали, конфисковывали, просто грабили украинское население,— одним словом, забавлялись, как в «доброе старое время». Поляки не брали пленных, чтобы не стеснять своего продвижения... Настоящее имя тому, что преподносилось как «триумф непобедимой польской армии»,— это кровь, грязь, позор».

Так началась жизнь во вновь созданном польском государстве, так продолжалась она все 20 лет. У украинских и белорусских крестьян отбирали землю. На эту землю польские власти сажали особо отличившихся, т. е. особенно жестоко расправлявшихся с народом офицеров, унтерофицеров и солдат польской армии. Их называли «осадниками». Это были панские шпионы и помощники.

Больше половины всей земли на Западной Украине и в Западной Белоруссии принадлежало польским панам. За аренду крестьяне платили тяжелым неимоверным трудом. Они были совершенно бесправны. Пан-помещик был здесь царем и богом. Он мог сечь крестьян — крестьяне показывали нашим бойцам исполосованные спины,— он мог по своему усмотрению налагать на крестьян любые налоги, любые штрафы. Нашим бойцам крестьяне показывали штрафные квитанции, где было написано: «За зажигание света — штраф 2 злотых».

Леса принадлежали помещикам. Реки и озера — тоже. Нужен лес — плати помещику, хочешь набрать ведро воды — плати помещику. Не даром многострадальной называли свою землю украинские и белорусские крестьяне.

Мобилизованные в польскую армию, украинцы и белоруссы не захотели воевать за интересы польских панов и их союзников. Армия развалилась буквально в несколько дней. Окованное кандалами, польское государство рассыпалось, как карточный домик от дуновения ветра.

3. С достоинством и честью

И вот на эту многострадальную землю пришли бойцы Красной Армии, пришли как освободители, как друзья.

Польская армия развалилась. Но офицерье, жандармы, кулаки сопротивлялись ожесточенно. Под Гродно, под Вильно, под Пинском — во многих боях наши бойцы показали мощь советского оружия.

Танк под командой комсомольца Мухина преследовал убегавших поляков. Расстреляв все снаряды, бойцы направили танк на колонну неприятельских автомашин, в которых сидели приготовившиеся к побегу офицеры и жандармы, и стали давить их. Смяв два десятка машин, танк внезапно остановился: связка неприятельских гранат, брошенных под него, сбила гусеницу.

Озверевшие от злобы офицеры окружили танк.

— Сдавайтесь! — исступленно кричали они.

Вместо ответа башенный стрелок Ладовский послал в сторону противника последнюю пулеметную очередь.

Шесть раз польские офицеры предлагали танкистам сдаться и шесть раз слышали в ответ:

— Большевики не сдаются!

Красноармейцы раздают газеты населению. Фото В. Темина.

Потеряв надежду захватить танкистов живыми, офицеры сломали забор, завалили танк досками, облили бензином и подожгли. Негодяи стояли и ждали, что будет дальше.

Они надеялись услышать мольбы о пощаде, но услышали совсем иное. Комсомольцы-танкисты пели «Интернационал»!

Весть о героической гибели комсомольского экипажа быстро разнеслась по всем городам, местечкам и селам Западной Белоруссии. Рабочие и крестьяне, молодежь и старики с благоговением произносят имена славных советских патриютов Мухина, Ефимова и Ладовского, отдавших свои молодые жизни за счастье белорусских братьев.

Много ярчайших страниц вписали бойцы Украинского и Белорусского фронтов в книгу славы Красной Армии.

Звено наших танков, находясь в разведке, вошло в предместье Гродно. Впереди вырисовывались контуры чугунного моста, соединяющего предместье с городом. Вдруг к переднему танку крадучись подбежал мальчик.

— Под мост подложены снаряды,— шопотом сказал он командиру.

Поляки минировали мост, чтобы взорвать его, когда подойдут наши части.

Бойцы саперной роты, которой командовал лейтенант Ховрин, принялись очищать мост от мин. Внезапно затрещали пулеметы. Офицеры установили их на высоких домах и стали поливать мост свинцом. Несмотря на огонь саперы продолжали уверенно выполнять боевое задание. Сам лейтенант Ховрин направился на середину моста. Цепляясь одной рукой за крепления, он другой вытаскивал мины из-под чугунных плит. Прошло несколько минут, и тов. Ховрин выбросил последнюю мину. Танки двинулись в город, за ними пошла пехота.

Трудящиеся всюду горячо встречали наших бойцов и активно помогали им.

Часть, руководимая капитаном Лобачевым, с боем входила во Львов. По пути она разоружила целый батальон поляков и захватила много оружия. Офицеры, скрываясь за каменными укреплениями и уличными баррикадами, ожесточенно отстреливались из пулеметов и винтовок.

В разгаре боя капитан Лобачев с группой красноармейцев попал в узкую улицу между двумя баррикадами. Офицерье открыло ураганный огонь. Казалось, что из этой ловушки нет выхода. Но бойцы не растерялись, они пробили каменный забор, укрылись за ним и стали обороняться. В эту тяжелую минуту, рискуя жизнью, подошла к нашим бойцам женщина, местная жительница. Она сказала, что знает, где находятся в городе другие красноармейские части, и может передать им записку.

Капитан Лобачев быстро написал записку и отдал ей. Через час на помощь Лобачеву подошла красноармейская часть. Противник был уничтожен.

До позднего вечера в городе шли бои. Женщину, которая оказала помощь группе тов. Лобачева, видели и в других частях: она показывала красноармейцам вражеские укрытия, предостерегала от готовящегося нападения.

Сейчас, когда в городе наведен порядок, многие вспомнили эту женщину. К сожалению, никто не знает ее имени. В бою спрашивать об этом было некогда, а теперь неизвестно, где она.

Сотни и тысячи таких безыменных помощников Красной Армии находились в каждом селе, в каждом городе освобождаемой земли.

4. Жизнь начинается снова

По размытой осенними дождями дороге шла толпа крестьян. Они несли портреты Сталина, Молотова, Ворошилова. Миновав узенькие полоски крестьянских земель, толпа остановилась у большого, без края, панского поля. Земля, о которой раньше они могли только мечтать, земля, на которой пролили они столько пота, была теперь ихней. Крестьяне пришли делить панскую землю.

Такие картины наблюдались через несколько дней после прихода Красной Армии по всей Западной Украине, по всей Западной Белоруссии. Всюду организовались крестьянские комитеты и временные управления. Они установили порядок, пустили в ход фабрики и заводы, взяли под охрану имущество бежавших помещиков,— ведь это имущество теперь принадлежит народу,— раздали бедноте скот, сельскохозяйственный инвентарь.

Во временные управления в городах приходили тысячи людей. Многие из них в течение нескольких лет ходили без работы, теперь они получают ее. Во временное управление города Тарнополя поступило такое заявление:

«Я учитель, но не преподаю, не берут на работу: я украинец. Я умираю с семьей с голоду. Прошу, дайте мне работу. Я хочу воспитывать учеников в духе верности и любви к такому строю, как ваш, где все люди живут счастливо».

Получил работу и тот, кто написал это заявление, и еще много безработных учителей города Тарнополя.

Во всех селах, в бывших панских имениях открываются школы для украинских и белорусских ребят. День открытия такой школы в селе Темасчорд превратился в праздник. Все жители собрались на том месте, которое раньше из-за боязни обходили за две улицы,— у помещичьей усадьбы.

Председатель крестьянского комитета объявил, что в лучших палатах помещичьего дома открывается украинская школа. Ребята вошли в прекрасные, никогда ими не виданные комнаты. Сначала они робко озирались по сторонам, но вскоре освоились с новой обстановкой.

Среди учеников школы 50 впервые берутся за книгу. Их родителям нечем было платить за обучение. Теперь все они получили право на образование.

Над бывшей помещичьей усадьбой развевается красный флаг.

* * *

У деревни Сужа к проходившим бойцам Красной Армии подошла 10-летняя пастушка Стася Василевская, батрачившая у польского пана-помещика. Робея и смущаясь, она попросила, чтобы бойцы показали ей портрет товарища Сталина.

Все то новое, прекрасное, что пришло вместе с частями Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, трудящиеся освобожденных земель связывают с именем товарища Сталина. Они знают, что свободную, счастливую и радостную жизнь дал им товарищ Сталин. Поэтому, когда на собраниях, на митингах, в беседах произносится дорогое имя, радостью блестят глаза украинцев и белоруссов. Это имя звучит как символ новой жизни, как залог светлого будущего, которое открылось ныне перед народами Западной Белоруссии и Западной Украины.

Рис. Ю. Кискачи

Козак Нечай

Старинная украинская дума

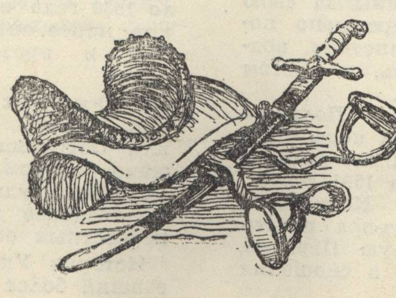

Из-за рощи, из-за леса, с темного кургана
«Убегай!» — кричат Нечаю други атаманы.
«Вы не бойтесь, не пугайтесь, други атаманы,
Я поставил по всем шляхам крепкую охрану.
Ни к чему бежать от панов козаку Нечаю —
Только славу козацкую даром потеряю».
«Коль тебе, Нечай, несладки шляхетские ласки,
Держи коня вороного под седлом черкасским!»
«Есть у меня Шпак мой верный, товарищ примерный.
Уж он меня не обманет, коли враг нагрянет».
«Коль тебе, Нечай, несладки шляхетские ласки,
Опояшься боевою саблею дамасской,
Чтобы было тебе, Нечай, чем оборониться,
Как приедут паны-ляхи с тобою рубиться».
«Седлай, хлопец, вороного, скачи за курганы:
Не видны ли на дороге серые жупаны?»
Из самого Полонного прискакал стремянный:
«Идет шляхты сорок тысяч, без одного пана!»
Только смелый козак Нечай тому не внимает,
Он с кумою Хмельницкою винцо попивает.
Он расставил по всем шляхам стражу боевую,
Сам с кумою доедает щуку разварную.
Ой, как глянет козак Нечай за тихие воды,—
Идет войска сорок тысяч, шляхетской породы.
Ой, как глянет козак Нечай карими глазами,—

А уж панов, детей вражьих, как кур на базаре.
Ой, как кликнет козак Нечай хлопца молодого:
«Седлай, хлопец, седлай, малый, коня боевого!
Седлай себе буланого, а мне вороного.
Порубаем вражьих панов, всех до единого!»
Как явился козак Нечай перед воротами,—
Повалились паны-ляхи, как снопы, рядами.
Как прошелся козак Нечай от дома до дома,—
Сложил ляхов десять тысяч с коней, как солому.
Размахнулся козак Нечай правою рукою,—
А из ляхов, а из панов кровь течет рекою.
Повернулся козак Нечай да повел плечами,
Ой, завяз во вражьих трупах верный конь Нечая.
Говорил тут козак Нечай тихими словами:
«Не касайся, конь козацкий, до земли ногами!»
Ой, как двинул коня Нечай шпорою стальною,
Стоит войска сорок тысяч за его спиною,
Спотыкнулся конь козацкий на шляху о камень,
Потянулся пан к Нечаю — да за чуб руками!
Ой, ударил козак Нечай о земь булавою:
«Приведется мне расстаться с детьми и женою».
«Где же твои, Нечаенько, вороные кони?»
«У гетмана, у польного, в дорогой попоне».
«Где же твои, Нечаенько, клады позарыты?»
«Под местечком Берестечком в поле позабыты».
«Где же твоя, Нечаенько, жена молодая?»
«Сидит себе в Берестечке, меня поджидает.
Ой, кто будет в Берестечке, кто поедет мимо,
Поклонитесь, козаченьки, жене моей милой.
Пускай она насбирает серебра да злата,—[1]
Мое тело выкупает за любую плату».
Ой не взяли вражьи паны выкуп за Нечая,
Приказали Нечаеньку изрубить мечами!
«Ой, кто будет в Берестечке, кто поедет мимо,
Поклонитесь, козаченьки, матушке родимой.
Не выплачет, родимая, хоть и горько плачет,
Ой, над сыном, над Нечаем, черный ворон крячет».

Валяются на базаре козацкие шлыки,
Качается нечаева голова на пике,
Не жалели паны-ляхи о красе да силе,
Рвали тело молодое, в мелкий мак рубили.

Перевод с украинского
Вл. Россельса

Дума про Нечая

Г. Шторм

Не день и не два терзали польские паны Украину. С 1569 года по самый тот день, когда соединилась она с Московским государством, грабили паны ее привольные земли и обращали украинских крестьян в своих «хлопов» — крепостных.

«Поляки, — говорит один украинский летописец, — всех живущих в ней (на Украине) людей обратили в рабство».

Но многие не снесли гнета и порабощения и потянулись в степи Днепра.

За порогами, на днепровских островах, вырубали они лес и основывали свои поселения — «сечи». Там становились украинские беглецы козаками. Там образовалась Запорожская Сечь.

Громадное пространство ниже острова Хортицы, на левобережье, козаки называли Великим Лугом. «Сечь — мать, а Великий Луг — батько», — говорили они. «Степь да воля — козацкая доля». Среди днепровских гирл, глубоких лиманов и необозримых плавней козак чувствовал себя в безопасности. Там не могли его настигнуть ни панкрепостник, ни польский король.

И запорожское войско стало непримиримым врагом панской Польши. Оно сыграло огромную роль в борьбе Украины за свою независимость. Козачество непрерывно пополнялось крепостным крестьянством, поддерживало с ним тесную связь, и в этом была главная сила «сечевиков».

Крестьянско-козацкие войны с Польшей не прекращались в течение всей первой половины XVII века. Начало им было положено восстанием, вспыхнувшим в 1591 году.

Его возглавил запорожец Косинский. Стремясь вырвать Украину из-под власти Польши, он занял Киев, Белую Церковь, Волынь и Подолию и вступил в сношения с московским царем.

Косинский был убит в Черкасах, окруженный вражеским отрядом. По преданию же, поляки взяли его в плен и казнили в Брест-Литовске: замуровали живьем в каменном столпе.

Дело Косинского продолжали Лобода и Наливайко. Это о них рассказывает народная песня:

«Вот и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое на Подолье; — ляхов на все стороны окрест себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковские козаки, чтоб прощенье дали...»

Но польский гетман Жолкевский разбил восставших под Лубнами и захватил Наливайко. Легенды говорят, что поляки придумали для него пытку: не давали ему спать и для этого днем и ночью под тюремным окном били в литавры, затем они предали его в Варшаве страшной казни: сожгли в медном быке...

Козак Игнат Голый ходил на панов мстить за кровь Наливайко.

Потом ходил на них гетман козацкий Жмайло.

Потом ходил гетман Тарас Трясила. Около 1630 года в ночной битве под Переяславлем нанес он полякам жестокое поражение. Так и прозвали эту битву — «Тарасова ночь».

В 40-х годах на Украине бушевали восстания Сулимы, Павлюка, Гуни и Остраника, или Остраницы. Немало побед было одержано народом. Но были и поражения. И если панам удавалось разгромить крестьянско-козацкое войско и захватить пленных, несчастных ожидала мучительная смерть.

Историк Украины Бантыш-Каменский, писавший более ста лет тому назад, рассказы-

вает об одной такой расправе с восставшими, происшедшей в Варшаве:

«...полковники Недригайло, Боюн и Риндичь были колесованы: им переломали сначала руки и ноги, потом медленно тянули из них по колесам жилы до самой кончины. Полковники: Гайдаревский, Бутрим, Запалей и обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами и подняты живыми на сваи. Есаулы полковые: Постылич, Гарун, Сутяга, Подобай, Харкевич, Чудак, Чурай и сотники Чуприна, Сколович, Сокальский, Мирович и Ворожбит прибиты гвоздями к доскам, облиты смолой и медленно сожжены огнем».

В другой старинной истории Украины говорится о зверской расправе с козацкими женами и детьми. Детей казненных козаков положили на железные решотки; под ними было разведено пламя, и шляхтичи шапками и метлами раздували огонь...

Но пытки и казни не сломили украинский народ. Он мужественно боролся за свое освобождение, и ненависть к панской Польше вскоре вылилась в мощное восстание, продолжавшееся с 1648 по 1653 год.

Во главе его стал сын чигиринского сотника, Богдан Хмельницкий. Имя его прогремело далеко за пределами Украины. Талантливый народный предводитель и полководец, он прослыл даже в Англии «грозою польских панов».

Восставшие одержали над польским войском четыре победы: близ Днепра — при урочище Желтые Воды и около Корсуни; при речке Пиляве в Подолии, и под Зборовом — в нынешней Западной Украине. Во время этих войн паны были изгнаны из всех своих украинских имений и лишились основы своего богатства — земель и крепостных.

В 1649 году под Зборовом был заключен мир. Несмотря на одержанную Хмельницким победу мир этот был невыгоден для народа: паны сделали некоторые уступки козачеству, однако выговорили себе право попрежнему эксплоатировать украинских крестьян.

Но народ не захотел идти в кабалу. Не захотели сложить оружие и сподвижники Хмельницкого — отважные предводители крестьянско-козацких отрядов. Эти отряды («загоны») рассыпались по всей Украине и, действуя за свой страх и риск, истребляли панов-крепостников.

Имена и дела предводителей этих «загонов» сохранились в народных думах и песнях. Народ крепко запомнил Илью Голоту, который «нагайкой отбивал вражеские стрелы»; смертельных врагов магнатов и шляхты — Ивана Богуна и Максима Кривоноса, полковника Нечая и других.

Нечай — один из любимейших украинских народных героев. О нем сложено семьдесят семь дум и песен. Все они по-разному говорят об одном и том же, рисуют один и тот же героический эпизод.

В 1651 году поляки нарушили зборовский договор и двинули войско в Подолию (тогдашнее Брацлавское воеводство). Навстречу панам выступил с трехтысячным отрядом Нечай.

Дорога проходила близ города Тульчина лесною поляной, так называемым Черным Лесом. Чтобы не встретиться с врагом в лесу, Нечай отошел к местечку Красному и расположился там со своим отрядом, ожидая подкреплений из соседних сел.

Наступила масленица. У козаков началось веселье. Впрочем, они выставили передовую стражу под начальством сотника Шпаченко оберегать дорогу со стороны Станиславова, где находился лагерь главных польских сил.

Поляки тихо вышли из лагеря, внезапно напали на отряд Шпаченко и перебили его. Вскоре затем в местечко Красное ворвались польские конные полки.

«Гей, Нечай! Убегай!» — так, по преданию, закричали козаки. Но он ответил: «Бежать? Что б Нечай бежал?.. Как можно славу свою топтать ногами?!.»

И принялся он с козаками «сечь ляхов на капусту». А жители местечка помогали им, стреляя с заборов и крыш.

Уже поляки начали отступать. Но тут подоспели к ним новые отряды. Они зажгли местечко Красное сразу в нескольких местах.

Враг стремился захватить Нечая живым, но он был убит выстрелом из мушкета. Товарищи подхватили его тело и унесли в замок, где отчаянно отбивались еще три дня.

В песнях говорится, что поляки, сломив сопротивление и взяв замок, завладели трупом Нечая. Они изрубили его «в мелкий мак» и пустили по воде останки. Уцелела одна нечаева голова.

И «разошлась по всему свету нечаева слава...»

Замечателен конец в одной из песен. Отрубленная голова неукротимого козака продолжает жить; она грозит своим врагам, качается и говорит:

«...еще буду жить я;
Как я билась с ляхами,
Так и буду бить их».

РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ

Ю. Герман *Рис. В. Константинова*

ОТЕЦ

В этом маленьком кабинете, за ширмой, стояла кровать. Когда не было больше сил работать — раз в двое суток, — Дзержинский уходил за ширму, стягивал сапоги и ложился. Он спал три—четыре часа. Никто никогда не будил его: он вставал сам, умывался холодной водой и отворял дверь в комнату секретаря.

— Ну, — говорил он, — я проспал, кажется, целую неделю.

И садился работать.

Он читал показания врагов молодой советской власти, читал о том, как эти враги обманывали советское государство, читал о заговорах, о нападениях на коммунистов и думал, расхаживая по своему кабинету. Думая, он держал руки за ременным поясом и ходил быстро из угла в угол так же, как ходил когда-то в тюремной камере.

Потом он писал.

Глаза его поблескивали, он писал быстро, иногда зачеркивал, иногда вновь ходил по комнате, сунув ладони за кожаный ремень.

В любой час ночи секретарь собирал в его кабинете чекистов на совещание.

Приходили молодые рабочие-коммунисты, плохо и бедно одетые, кто в обмотках, кто в огромных, похожих на бутцы ботинках, кто в пиджаке, кто в ситцевой косоворотке.

Приходили бывшие солдаты в гимнастерках, выцветших под галицийским солнцем, в порыжевших разбитых сапогах.

Приходили седоусые старики-путиловцы, приходили железнодорожные машинисты, приходили черноморские и балтийские матросы—замечательные большевики, первые чекисты.

Начиналось совещание.

Сидя за своим столом, поглядывая то на одного, то на другого товарища, Дзержинский докладывал. Негромким и спокойным голосом, очень коротко, ясно и понятно он объяснял, как надобно раскрывать какую-либо контрреволюционную вражескую организацию.

И чекисты слушали его, затаив дыхание.

Объяснив и рассказав, Дзержинский спрашивал:

— Вопросы есть?

На все вопросы, даже на самые незначительные, он подробно отвечал. Потом весь план обсуждался чекистами. Дзержинский внимательно выслушивал все предложения.

— Это верно, — иногда говорил он, — вы правы.

Или:

— Это неверно, если мы пойдем на это, все дело может сорваться.

И объяснял, почему.

Иногда во время такой беседы вдруг звонил телефон. Дзержинский брал трубку.

— Да,—говорил он,—слушаю. Здравствуйте, Владимир Ильич!

В кабинете становилось так тихо, что было слышно, как дышат люди. Дзержинский говорил с Лениным. Его бледное лицо слегка розовело. А чекистам в такие минуты казалось, что Ленин говорил не только с Дзержинским, но через него и с ними всеми.

Нередко после конца совещания Дзержинский находил что-нибудь на своем столе: два куска сахару, завернутые в папиросную бумагу, или пакетик с табаком, или в бумаге ломоть серого хлеба.

Это оставляли чекисты своему начальнику.

В стране был голод, и Дзержинский недоедал так же, как все. Было стыдно просто принести ему два куска сахару: вдруг еще рассердится. И чекисты оставляли на столе.

Но он не сердился.

Он разворачивал бумагу, в которой аккуратно были завернуты два кусочка сахару, и необыкновенная, грустная улыбка появлялась на его лице.

За глаза чекисты называли его отцом.

— У отца нынче совещание,—говорили они.

Или:

— Отец вызывает к себе.

Или:

— Отец поехал в Кремль, к Владимиру Ильичу.

———

Иногда по ночам он ходил из комнаты в комнату в здании Чека.

В расстегнутой шинели, в старых сапогах, слегка покашливая, он входил в кабинет молодого следователя. Следователь вставал.

— Сидите, пожалуйста,—говорил Дзержинский и садился сам.

Несколько секунд он пытливо всматривался в лицо своего собеседника, потом спрашивал:

— На что жалуетесь?

— Ни на что, Феликс Эдмундович,— отвечал следователь.

— Неправда. У вас жена больна. И дров нет. Я знаю.

Следователь молчал.

— И Петька ваш один дома с больной матерью, — продолжал Дзержинский. — Так?

Вынув из кармана маленький пакетик, Дзержинский весело говорил:

— Это сахар. Тут целых два куска. Настоящий белый сахар. Это будет очень полезно вашей жене. Возьмите! А с дровами мы что-нибудь придумаем. Сколько лет вашему Петьке?

— Семь.

— Читает уже? Пишет?

Час — два он ходил от работника к работнику. И никто не бывал забыт в такие обходы. Он разговаривал с машинистками, с курьерами, и для всех у него находилось бодрое слово, приветливая улыбка, веселое «Здравствуйте!»

— Отец делает докторский обход, — шутили чекисты.

Как-то поздней ночью он шел домой. Была промозглая осень. Моросило, стоял туман. Возле старого, полуразрушенного дома собралась небольшая толпа. Дзержинский подошел, послушал разговоры. Из подвала дома доносился глухой сердитый голос, там кто-то бродил, чиркал спичками и ругался.

— Что случилось?—спросил Дзержинский.

— Да вот мальчишка, беспризорный, что ли, — сказала женщина в тулупе, — залез в подвал, да, видно, и заболел тифом. Лежит без сознания, а вынести невозможно: окна высокие, а дверь завалило. Муженек мой там ходит, ищет выхода...

Дзержинский ушел и через четверть часа вернулся с десятком красноармейцев. Красноармейцы несли ломы, кирки, лопаты, носилки. Очень быстро разобрали часть стены и влезли в подвал. Дзержинский жег по нескольку спичек вместе.

Мальчика нашли в дальнем углу. Он был в забытьи и стонал едва слышно, птичьим голосом. Дзержинский встал возле него на колени.

— Его крысы искусали,—глухо сказал он,—вот руку и здесь тоже. Он заболел, видимо, тифом, потерял сознание, а крысы и накинулись на него... Посветите мне, я его вынесу.

Он поднял мальчика на руки и бережно понес свою ношу. Уже светало. Попрежнему возле дома стояла толпа народу.

Здесь Дзержинский положил мальчика на носилки, красноармейцы подняли носилки на плечи и понесли. Дзержинский пошел за носилками. Когда красноармей-

цы и Дзержинский исчезли в пелене дождя, женщина в тулупе спросила:

— А кто этот, который мальчишку вынес? Худой какой. И лицо серое-серое.

Женщине ответил матрос.

— Это Дзержинский, — сказал он,— председатель Чека.

———

А председатель Чека Дзержинский тем временем шел за носилками, изредка вытирал платком мокрое от дождя лицо и покашливал. Уже возле самой больницы он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Этого им никто не простит. Никто. Никогда!..

И красноармейцы поняли, о чем говорил Дзержинский: он говорил о том, что никто никогда не простит врагам советской власти того, что этот мальчик чуть не умер по их воле.

———

Домой в эту ночь он опять не попал. Прямо из больницы он вернулся в Чека, в свой кабинет, и сел за стол работать. До утра он пил кипяток и писал, а утром к нему привели на допрос бывшего князя. Этот князь скрыл от советской власти, что он князь, назвался бывшим солдатом, и его назначили заведывать складами продуктов для госпиталей. Из ненависти к советской власти князь облил всю муку, какая только была, керосином. Раненые и больные красноармейцы остались совсем без хлеба.

— Садитесь, — сказал Дзержинский бывшему князю.

Бывший князь сел.

Дзержинский медленно поднял на него глаза.

— Ну,—сказал он негромко,—рассказывайте!

И князь, который до сих пор не сознавался в своем преступлении, вдруг быстро стал говорить. Он говорил и все пытался отвести свои глаза от взгляда Дзержинского, но не мог. Дзержинский смотрел на него в упор гневно, презрительно и холодно. И было ясно, что перед этим взглядом нельзя врать: все равно не поможет.

Только один раз Дзержинский перебил бывшего князя, тогда, когда князь назвал его товарищем.

— Я вам не товарищ,—негромко сказал Дзержинский, и глаза его блеснули.

Дзержинский жег по нескольку спичек вместе.

КАРТОШКА С САЛОМ

Страна голодала, голодали и чекисты.

В доме на Лубянке большими праздниками считали те дни, когда в столовой подавали суп с кониной или рагу из конины.

Обедал Дзержинский вместе со всеми — в столовой — и сердился, когда ему подавали отдельно в кабинет.

— Я не барин,—говорил он,—успею сходить пообедать.

Но часто не успевал и оставался голодным. В такие дни чекисты старались накормить его получше, не тем, что было в столовой.

Один чекист привез как-то восемь больших картофелин, а другой достал кусок сала. Картошку почистили, стараясь шелуху срезать потоньше. Эту шелуху сварили отдельно и съели — тот чекист, что привез картофель, и тот, который достал сало. А вычищенные картошки порезали и поджарили на сале.

От жареного сала по коридору шел вкусный запах. Чекисты выходили из своих комнат, нюхали воздух и говорили:

— Невозможно работать. Такой запах, что кружится голова.

Постепенно все узнали, что жарят картошку для Дзержинского. Один за другим люди приходили в кухню и советовали, как жарить.

— Да разве так надо жарить?! — ворчали некоторые. — Нас надо было бы позвать, мы бы научили.

— Жарят правильно,—говорили другие.

— Нет, неправильно,—возражали третьи.

А повар вдруг рассердился и сказал:

— Уходите отсюда все. Двадцать лет поваром служу—картошку не сжарю? Уходите, а то я нервничаю.

Наконец, картошка сжарилась. Старик-курьер понес ее так бережно, будто это была не картошка, а драгоценности или динамит, который может взорваться.

— Что это?—спросил Дзержинский.

— Кушанье,—ответил курьер.

— Я вижу, что кушанье,—сердито сказал Дзержинский,—да откуда картошку взяли? И сало. Это что за сало? Лошадиное?

— Зачем лошадиное,—обиделся курьер,—не лошадиное, а свиное.

Дзержинский удивленно покачал головой, взял было уже вилку, но вдруг спросил:

— А другие что ели?

— Картошку с салом, — сказал курьер.

— Правда?

— Правда.

Дзержинский взял телефонную трубку и позвонил в столовую. К телефону подошел повар.

— Чем сегодня кормили людей?—спросил Дзержинский.

Повар молчал.

— Вы слушаете? — спросил Дзержинский.

— Сегодня на обед была картошка с салом,—сказал повар.

Дзержинский повесил трубку и вышел в коридор. Там он спросил у первого же встреченного чекиста:

— Что вы ели на обед?

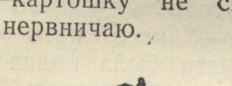
— Картошку с салом, Феликс Эдмундович.

И еще у двух людей Дзержинский спросил, что они ели.

— Картошку с салом.

Тогда он вернулся к себе и стал есть.

Так чекисты один раз за всю жизнь обманули Дзержинского.

ИЗМЕНА

Когда все выходили из дому, к крыльцу подъехал автомобиль. Из него выскочил чекист и сказал:

— Конный полк восстал и отказался выполнять распоряжения советского правительства. Попов—предатель и изменник. Александрович убежал и украл кассу; в кассе полтораста тысяч денег.

Дзержинский крепко стиснул зубы.

Что делать? Александрович, которому он, Дзержинский, доверял, оказался изменником и негодяем. Что делать?

Как был — без оружия, в гимнастерке с двумя медными пуговками у воротника, чем-то похожий на студента — председатель ВЧК сел в машину и приказал везти к штабу изменников.

— Феликс Эдмундович, вы даже без револьвера,—сказал шофер.

Дзержинский не ответил.

— Стоит ли,—опять сказал шофер,— если, допустим, целый полк восстал, а вы один, да еще безоружный...

— Поедемте быстрее,—негромко, но раздраженно сказал Дзержинский.

И машина помчалась по ухабам московских улиц.

Неподалеку от штаба изменников Дзержинский велел шоферу остановить машину.

— Если я не вернусь через полчаса,— сказал он,—значит, дело неважно. Ждите ровно тридцать минут. Через тридцать минут поезжайте в Кремль, пусть товарищ Ленин знает все. У вас есть часы?

— Есть! — ответил шофер.

— А чтобы вам не было скучно, нате газету,—сказал Дзержинский.

И, весело улыбнувшись, он зашагал по выщербленному тротуару. Походка у него была удивительно легкая, и шофер долго смотрел на него—такого тонкого и стройного, будто юноша.

Облупленный дом молчал. Все было тихо вокруг, стояло жаркое лето, тучами носилась пыль—от нее першило в горле. Парадная дверь была раскрыта настежь, за дверью был полумрак, тишина.

Дзержинский вошел в дом и поднялся по лестнице. В первой же комнате он увидел людей. Они играли в карты, и по их красным лицам он понял, что изменники пьяны.

Его узнали.

Он заметил, как они спрятали карты.

— Где Попов?—спросил Дзержинский.

Изменники молчали. Первый страх уже прошел. Один из них, рябой парень в красных галифе, сказал Дзержинскому:

— А вам зачем Попов? Он вам больше не подчиняется. Мы восстали.

Дзержинский, не торопясь, с головы до ног оглядел рябого. Потом тряхнул головой, усмехнулся и пошел дальше.

В другой комнате пьяные изменники пели песни. Когда он вошел, все замолчали. Вдруг сделалось так тихо, что стало слышно, как жужжит оса, бьющаяся о стекла. И здесь узнали Дзержинского.

Вдруг за своей спиной он услышал щелканье и тотчас же понял: кто-то взводил курок, чтобы застрелить его сзади, в спину.

Дзержинский обернулся.

Финн, беловолосый, с белыми ресницами, поднимал наган, чтобы выстрелить в Дзержинского.

— Ну, стреляй в грудь,—сказал Дзержинский,—стреляй же! Или ты умеешь стрелять только в спину?

Финн опустил револьвер.

— Негодяи! — сказал Дзержинский.— Даже детям нечего есть, а у вас тут попойка!

И, отшвырнув ногой бутылку с водкой, стоявшую на полу, он пошел дальше. Было так тихо, что он слышал, как булькает водка, выливаясь из бутылки.

— Негодяи! — повторил он.

Во всех комнатах было полно оружия: стояли винтовки, сложенные в козлы, лежали бомбы. Дзержинский видел несколько пулеметов... А он ходил тут без оружия, как хозяин, и ничего не боялся.

— Негодяи! — иногда говорил он, и светлые глаза его блистали.

У дверей следующей комнаты стояли двое часовых.

— Где Попов? — спросил Дзержинский.

В эту секунду дверь отворилась и на пороге появился Попов. Увидев Дзержинского, он побледнел, потом крикнул:

— Что вам здесь надо?

Дзержинский молчал. Его тонкое лицо сделалось розовым, глаза пылали, он смотрел на Попова так, точно видел его в первый раз.

— Изменник!—сказал вдруг Дзержинский.—Жалкий изменник, предатель революции!..

В это время на него накинулись сзади и стали крутить ему руки. Было очень больно, они почти вывертывали ему суставы. Но Дзержинский молчал.

— Отобрать у него оружие,—сказал Попов.—У него много оружия.

Комната была полна народом. Дзержинского обыскивали двое изменников: один — с прилизанной прической, другой — короткий и толстый, как пень.

— У него нет оружия, — сказал прилизанный.

— Ничего у него нет, кроме табаку,— сказал второй.

В комнате зашумели: никто не верил, что у председателя ВЧК нет при себе даже револьвера. Лицо у Попова покры-

лось потом: это было не очень-то красиво: целый полк испугался одного безоружного человека, и вот крутят ему руки и обыскивают его.

— Ищите, ищите,—сказал Дзержинский,—у меня в боковом кармане в гимнастерке шесть пушек и столько же пулеметов.

— Отставить!—скомандовал Попов.

Дзержинского отпустили.

Улыбаясь, он одернул гимнастерку, пояс и поправил волосы. Потом сказал Попову:

— Блюмкина тут нет, — сказал Попов.—И потом нам здесь неудобно говорить. Пройдемте туда—в свободную комнату.

Но из свободной комнаты Попов тотчас же ушел. Несколько минут Дзержинский сидел один. Потом подошел к двери. У двери, держа в руке револьверы, стояли часовые.

— Кого стережете?—спросил Дзержинский.

— Бывшего председателя ВЧК Дзержинского,—сказал часовой.

Когда вошел Дзержинский, все замолчали.

— Разве так организовывают восстания? Посмотрите на свой отряд: они все пьяны. Вы проиграли, Попов. Вам самое лучшее сейчас—застрелиться.

Помолчав, он опять заговорил:

— Шутки в сторону. Где Блюмкин?

— Какой Блюмкин?

— Не валяйте дурака,—сказал Дзержинский.—Вы отлично знаете: сегодня Блюмкин убил немецкого посла. Это сделали вы и ваши «левые» эсеры для того, чтобы вновь началась война с Германией. Мне нужен убийца посла. Весь мир должен знать, кто истинный убийца.

— И бывшего, и настоящего,—сказал Дзержинский,—и будущего.

Прошло ровно тридцать минут.

Шофер подождал еще полминуты, еще минуту.

Жив Дзержинский? Или проклятые изменники расстреляли его?

Больше медлить было нельзя.

Шофер ручкой завел автомобиль и помчался в Кремль. В Совете народных комиссаров он рассказал все, что знал. Бонч-Бруевич пошел к Владимиру Ильи-

чу, чтобы передать ему обо всех событиях.

Ленин стоял у окна и барабанил пальцами по стеклу.

— Что случилось?—спросил он, сразу заподозрив неладное.

— Дзержинский арестован, — сказал Бонч-Бруевич.

Кровь отхлынула от лица Владимира Ильича. Это случалось с ним только тогда, когда его охватывал гнев.

— Как? Юзеф[1]?

Несколько секунд Ленин молчал. Потом четко и ясно стал говорить о том, что надо делать для подавления мятежа и для спасения Дзержинского.

Мятежники — «левые» эсеры и изменники — засели в некоторых домах и оттуда отстреливались. Телеграф тоже был занят врагами. Но очень скоро доблестные красные части выбили врага из здания телеграфа и повели бои с теми из мятежников, которые засели в домах. Каждые четверть часа Владимиру Ильичу сообщали об успехах, он кивал и говорил:

— Да, да, хорошо, очень хорошо, но где же Дзержинский, что с ним?

Все молчали.

Никто не знал, что с Дзержинским.

А с Дзержинским было вот что: он стоял неподалеку от окна среди изменников и говорил им:

— Лучше сдавайтесь. Сейчас начнется обстрел, и вы пропали. Ну же, сдавайтесь.

Действительно, обстрел начался, но не сейчас, а поздней ночью, тогда, когда изменники совершенно перепились водкой и заснули кто где. Спал и Дзержинский. Он проснулся от страшного грохота, от звука бьющихся стекол и от воплей испуганных и пьяных изменников. Все они в ужасе метались по дому: кто хватал и тотчас же бросал оружие, кто одевался, кто кричал, что надо сдаваться.

Потолок был проломан, и тучи пыли и штукатурки носились по комнатам: это красная артиллерия только еще пристреливалась.

Какой-то полупьяный изменник трясущимися руками надевал на себя женскую юбку и повязывался платком.

— Все равно не удрать, — сказал ему Дзержинский,—чекисты поймают.

Несколько человек выпрыгнуло в окна. Попов со слезами на глазах бегал из комнаты в комнату, хватался за голову и стонал.

— Трус,—крикнул ему Дзержинский,— ничтожный трус! Отдайте мне ваш револьвер, я вас сейчас застрелю.

Ударил второй снаряд. Дом подпрыгнул, и одна стена—будто она была не из камня, а из теста—поползла вниз.

Дзержинский вышел в другую комнату — тут вовсе не было стены.

Оглянувшись по сторонам, он поднялся на груду кирпича и спрыгнул на улицу.

Еще один снаряд с воем и грохотом ударил в дом.

«Хорошо стреляют», — подумал Дзержинский и быстро пошел к Кремлю.

Дзержинский вошел в Управление делами Совнаркома и весело сказал:

— Вот и я!

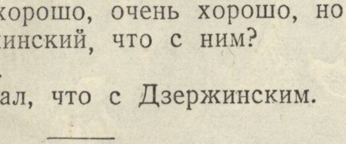
Попросил папиросу, покурил, потом засмеялся:

— Но какие это трусы, если бы вы могли себе представить!

Владимир Ильич улыбающимися глазами смотрел на Дзержинского, слушал его и не то укоризненно, не то ласково качал головой.

Через несколько минут началось заседание Совета народных комиссаров под председательством Владимира Ильича Ленина.

Слово получил Феликс Эдмундович Дзержинский.

ЯБЛОКИ

Он поднимался по лестнице, усталый, измученный. Его обогнали молодой чекист и женщина в пуховом платке.

— Погодите, — сказал Дзержинский.

Молодой чекист остановился. Остановилась и женщина.

— Это что, задержали? — спросил Дзержинский.

[1] Юзеф — подпольная кличка Дзержинского.

— Да, я ее арестовал, — ответил чекист.

— Почему?

— Она пришла узнать о своем брате.

— Ну?

— Я ее арестовал.

— Так, — сказал Дзержинский.

Несколько минут продолжалось молчание. Дзержинский молчал и смотрел то на молодого чекиста, то на женщину.

— Пойдемте, — наконец, сказал он.

Молча, не говоря ни слова, они дошли до кабинета молодого чекиста. Дзержинский бросил на стол портфель, снял шинель, фуражку, и женщина вдруг узнала Дзержинского.

— Садитесь, — сказал он.

Они сели все втроем вокруг стола.

— Дайте мне дело, на основании которого эта гражданка задержана, — сказал Дзержинский.

— Она спрашивала о своем брате, — начал было молодой чекист.

— Я слышал, но мне нужно основание...

— Ее брат арестован.

— Довольно, — сказал Дзержинский. — Мне надоело в десятый раз слушать одно и то же!

Его глаза потемнели, голос сделался жестким.

— Вы совершили непростительную ошибку, — говорил он, — непростительную для большевика-чекиста. Вы арестовали ни в чем не повинного человека...

— Но, Феликс Эдмундович...

— Не перебивать, когда с вами говорит ваш начальник! Что такое ВЧК? Вы можете сказать мне, что такое ВЧК?

— ВЧК, — начал молодой чекист, — наподобие быстрого суда.

— Неверно, — поморщился Дзержинский. — ВЧК — прежде всего орган партийный и вовсе не суд. ЧК — это орган защиты революции, как Красная Армия, поняли? В гражданской войне по дисциплине, по сознательности, по героизму красноармейцев, по любым их действиям обыватели судят о том, что такое не только Красная Армия, но и советская власть и наша партия. Плохое поведение одного красноармейца может испортить представление о целой части нашей армии. Вы тоже красноармеец, а поступили неверно. Вы поступили не как чекист. За второй такой случай я удалю вас из аппарата ВЧК. Поняли?

Молодой чекист, опустив глаза, сказал, что понял. Дзержинский повернулся к женщине.

— А брат ваш — плохой человек, — сказал он, — негодяй-человек. В то время когда все мы голодаем, да не только мы, но и дети голодают, — братец ваш спекулирует хлебом, сахаром, солью, продает краденое у государства... Кстати, почему у вас такой истощенный вид? У вас дети есть?

— Есть, — сказала женщина.

— Один?

— Нет, трое.

— А муж?

— Мужа моего убили, — тихо сказала женщина. — Он под Петроградом убит. Когда Юденич наступал, его и убили.

Она смахнула слезу.

— А на что вы живете? — спросил Дзержинский.

— Стираю, — сказала женщина, — за больными хожу. Кто что даст.

— А брат вам не помогал?

— Нет, — сказала женщина, — он у нас скупой очень. Голодным детям куска не даст...

Она заплакала.

— Я ему тоже стираю, — говорила она, — так он платит как милостыню. Я, говорит, твой благодетель, я тебе зимой сколько пшена передавал, а ты все требуешь. Разве ж я требую? Я прошу: у меня дети голодные.

— Зачем же вы сюда пришли, — спросил Дзержинский, — ведь знаете, что он за птица, ваш брат?

— Все-таки брат, — сказала женщина и вздохнула, — был когда-то мальчик как мальчик, вместе в разные игры играли.

Дзержинский встал.

— Отправьте гражданку домой на моей машине, — сказал Дзержинский.

Через несколько минут женщина неумело и испуганно отворяла дверцу большого красивого автомобиля председателя ВЧК. Когда она уже села, к автомобилю подошел красноармеец и, передав ей пакет, сказал:

— От товарища Дзержинского.

Автомобиль двинулся.

Дома женщина развернула пакет: там было полтора фунта мокрого черного хле-

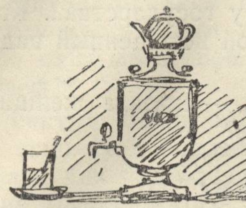
ба, ржавая селедка и шесть вялых сморщенных яблок.

Женщина заплакала.

Понемногу в холодную, нетопленную комнату собрались соседи. Дети жадно ели яблоки с хлебом, на столе лежала селедка, а соседи переглядывались и вздыхали.

Женщина все плакала и, плача, рассказывала о том, как сам начальник, комиссар, посадил ее в свой автомобиль и послал ей пакет.

В это самое время Феликс Эдмундович Дзержинский ехал домой. Ему было холодно, он чувствовал себя плохо. В кармане его шинели лежали два плохоньких яблока: он вез их своему сыну.

У КСЕНДЗА

В 1920 году Дзержинский был на польском фронте. Однажды пришлось заночевать в небольшом местечке. Ни комнаты, ни квартиры нигде не было. Лил нудный дождь, земля разъезжалась под ногами, шинель на Дзержинском намокла.

Долго ходили по местечку.

Наконец, один из товарищей Дзержинского сказал, что переночевать можно у местного ксендза.

Дзержинский поморщился.

— Не люблю я попов,— сказал он,— ну их!

— Тогда придется ночевать на улице.

Волей-неволей пришлось идти к ксендзу. Ксендз жил один, с батраком и женой батрака—кухаркой. У кухарки был сын—мальчик лет семи,—по странному совпадению тоже Феликс.

Обсушившись и переодевшись, Дзержинский вышел из комнаты в кухню и сел за большой, гладко выструганный стол. Рыжая статная и красивая кухарка Стеся налила ему чаю в большую чашку и пододвинула хлеб. Ее муж удивленно поглядывал на большого большевистского начальника, который, вместо того чтобы гордо сидеть с паном ксендзом, пьет чай на кухне, за кухонным столом.

Дзержинский был весел, на кухне хорошо пахло хлебом, уютно горела маленькая керосиновая лампа, а мальчик Феликс чем-то напоминал ему собственное детство.

Вначале Дзержинский только переглядывался с мальчиком, потом заговорил с ним, потом построил ему большой корабль из бумаги и, наконец, начал рассказывать разные истории — да так, что заслушался не только мальчик, но и его родители. Постепенно товарищи Дзержинского, которые уже легли, стали одеваться и выходить на кухню, привлеченные смехом и весельем. Кухарка Стеся поставила еще два самовара чаю. Большевистские комиссары пили чай вприкуску, ели хлеб и так хохотали, что старый ксендз не выдержал и просунул голову в кухню.

— Заходите, заходите, — сказал Дзержинский, — мы, большевики, не кусаемся.

Ксендз с опаской вошел и сел на скамью, рядом с Дзержинским оказалось свободное место.

— Так, так, — сказал ксендз, —веселиться — это очень хорошо. Я думал раньше, что большевики не веселятся, а только сердятся. Может, угостить панов хорошим молоком?

— А чего ж, — сказал Дзержинский,— можно и молока.

Стеся сбегала в погреб, и опять началось чаепитие, но уже с молоком.

А Дзержинский вдруг разговорился с ксендзом.

— Ничего, ничего, — говорил он, — отлично будете работать. Вон у вас мускулы какие: будете дрова пилить, и настроение у вас будет хорошее. А то ведь неловко. Сами же поймете, что занимаетесь обманом народа...

Заспорили и спорили до поздней ночи.

Уже пожелав Дзержинскому спокойной ночи, ксендз сказал:

— Но мы даже с вами и не познакомились. Позвольте узнать вашу фамилию?

— Дзержинский, — сказал Феликс Эдмундович.

— Вот у вас мускулы какие: будете дрова пилить, и настроение у вас будет хорошее.

Ксендз поморщился, как бы что-то припоминая, но, так и не вспомнив, пошел спать.

Утром он спросил:

— Скажите, а тот большевистский комиссар из Чека, самый главный,— это ваш родственник или просто однофамилец?

— Это просто я,— сказал Дзержинский.

— Вы?

— Я.

— Тот — он — вы?

— Я, я,— смеясь, сказал Дзержинский.

— Не может быть, — сказал ксендз,— вы шутите.

Он так и не поверил.

Поверили только кухарка Стеся да ее муж.

Когда Дзержинский со своими товарищами уезжал, кухарка Стеся, обняв за плечи сына, сказала ему:

— Вот еще какой Феликс есть на свете!

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Это было время голода на Волге.

Как-то рано утром Дзержинский приехал в ВЧК, вошел к секретарю и, положив на стол маленький акуратный пакетик, сказал:

— Отошлите это от меня голодающим в Поволжье.

Секретарь развернул бумагу. В пакете была небольшая чернильница с тонким серебряным ободком.

Весь день Дзержинский работал, и только ночью секретарь спросил, что это за чернильница.

Дзержинский поглядел на него своими прекрасными глазами, потом сказал:

— Как-то давно, выходя в очередной раз из тюрьмы, я долго искал, что бы купить сыну. Знаете, думалось, вот уморят тебя где-нибудь в ссылке или в тюрьме и ничего у мальчика от отца не останется. Никакого наследства. Денег было немного, искал, искал — и вот купил ему

чернильницу. Не какую-нибудь, а с серебряным ободком. Это единственная ценность у нас в доме. Вот мы с женой и решили послать... Серебро — хлеб.

Секретарь ушел к себе.

Поздней ночью Дзержинский вышел из кабинета.

Чернильница стояла на столе у секретаря.

— Что же вы ее до сих пор не отослали? — спросил Дзержинский.

— Может быть, не стоит? — неуверенно ответил секретарь.

— Нет, стоит, — сказал Дзержинский.

Повертел чернильницу длинными тонкими пальцами, поставил ее на стол и больше никогда не упоминал о ней.

ИЗ ПЕТРОГРАДА В МОСКВУ

Секретарь молча вошел в кабинет к Дзержинскому и положил на стол телеграмму:

«В Петрограде убит Урицкий».

Дзержинский прочитал, потер лоб ладонью. Потом взглянул на секретаря. Секретарь хорошо знал это мгновенное выражение глаз железного Феликса: детское, непонимающее. Это выражение появлялось в глазах Дзержинского тогда, когда совершалась какая-нибудь ужасная, непоправимая подлость, непонятная его чистому уму.

Зазвонил телефон.

Дзержинский взял трубку:

— Да, Владимир Ильич. Хорошо, Владимир Ильич.

Повесил трубку и сказал секретарю:

— Еду в Петроград.

В Петрограде, в Смольном, ему дали вторую телеграмму

Он долго читал ее, не веря своим глазам. Ему казалось, что он сошел с ума, что это дикий, страшный сон.

В Москве тремя выстрелами, тяжко, может быть, смертельно, ранен Ленин.

Ленин при смерти.

В Ленина стреляли.

Вчера он слышал голос Ленина, а позавчера Ленин, весело посмеиваясь глазами, говорил с ним вот так, совсем близко...

Еще и еще раз он перечитал телеграмму. Потом спросил:

— Когда идет поезд на Москву?

И, не дослушав ответа, пошел на вокзал. Ему говорили о специальном вагоне, он не слушал. За его спиной была солдатская котомка, фуражку он низко надвинул на глаза. Он шел в расстегнутой шинели, в больших, со сбитыми каблуками, болотных сапогах. И никто не видел, какое выражение было в его глазах —там, под низко надвинутым козырьком фуражки: может быть, опять то детское и чистое выражение непонимания?

В Ленина... Стрелять в Ленина!

Так он пришел на вокзал.

Это был вокзал тех лет — грязный, закоптелый, проплеванный.

Медленно, вместе с толпой, он вышел на перрон, добрался до какого-то стоящего на дальних путях состава. Состав был смешанный: и пассажирские вагоны, и товарные, и даже угольная платформа. Все было занято. На крышах лежали вплотную, тело к телу. В тамбурах, на тормозных площадках, на буферах были люди.

Люди облепили даже паровоз.

Раз и другой Дзержинский прошел вдоль поезда, нигде не было места. Потом сказал бородатому красноармейцу:

— Подвиньтесь, товарищ.

Бородатый подвинулся и уступил Дзержинскому часть ступеньки. Потом они вместе перешли на буфер.

Знал ли бородатый красноармеец, с кем он ехал в эту ночь из Петрограда в Москву?

Вероятно, нет...

О чем думал Дзержинский в эту звездную, холодную августовскую ночь?

Может быть, вспоминал о том, как много лет назад ехал на извозчике с Лениным и с Надеждой Константиновной? Как беспокоился Ленин, что Дзержинскому неудобно сидеть на облучке, и какие у Ленина были веселые и милые глаза, когда он говорил:

— Да вы держитесь. Разве можно так? Или давайте все слезем и пойдем пешком. А?

Может быть, он вспоминал тюрьмы, в которых провел одиннадцать лет? Варшавские Павиаки и Александровский пересыльный централ? Орловскую каторжную тюрьму? Тюрьму в Ковно? Ссылку в Сибирь?

Или думал о том, что он, Дзержинский,—председатель Чека, что его долг—охранять жизнь вождей революции и что самый великий вождь мира, быть может, умирает сейчас, в эти самые минуты?

Или он думал о честном слове врага?

О том, как отпущенные под честное слово враги клялись, что они больше не будут бороться с советской властью, и как, едва выйдя из тюрьмы, заливали Советский Союз кровью лучших людей?

Вероятнее всего, что он представлял себе Ленина: его лицо, его фигуру, его манеру говорить, его глаза, как они виделись в последний раз. О чем говорил Ленин? Кажется, это был недлинный разговор. Точный, ясный и простой, как всегда.

Никто не знал, о чем думал Дзержинский в эту августовскую ночь. В Москву он приехал еще более похудевшим, с крепко сжатыми губами, с резкой морщиной на лбу.

Вошел к Ленину и встал у двери.

Ленин был без сознания.

Дзержинский постоял у двери, сунув ладони за ременный пояс, недолго, минут пять. Потом вышел и спрятался за угол дома. Тут ему показалось, что его кто-то взял за горло. Он тряхнул головой. Он не понимал, что с ним, и еще раз тряхнул головой. Он стиснул зубы и прислонился спиной к стене дома. Он задыхался и мотал головой. Потом из его глаз выкатились две слезы. Только теперь он понял, что плакал. Но ему не стало легче. Пожалуй, ему стало тяжелее. Он вышел из-за дома и быстро пошел к воротам Кремля. Навстречу шел Алексей Максимович Горький. Они молча поздоровались.

— Да,—сказал Горький,—вот какие дела. Да.

Махнул рукой и пошел к Ленину.

А Дзержинский пошел в Чека.

В эти дни враги советской власти узнали, что такое красный террор.

□ □ □

В. Гвайта

В октябрьские дни

Рис. Ю. Коровина

Глава 1

Мать Верочки Эвальд была не такая, как все другие матери. Верочка знала родителей свох школьных подруг, ребят во дворе их дома и разных знакомых девочек и видела, что мать у нее необыкновенная, непохожая на других женщин.

Трудно было понять, что она думает, потому что она очень мало говорила, никогда ни на кого не сердилась и никогда не смеялась. Все соседи, сослуживцы и знакомые уважали верочкину мать и приходили к ней за советами. А некоторые перед ней робели.

Она казалась очень строгой в своей неизменной английской блузке с мужским галстуком, в узкой черной юбке, с гладкой прической и неулыбающимися губами. Верочку она не ласкала, не баловала, как ласкают и балуют своих детей все другие матери. И все-таки Верочке хорошо жилось с мамой.

Мать ее никогда не провожала в школу, даже в первом классе; отпускала вечером одну к подруге, далеко, за Смоленский рынок; не заставляла носить калоши, шарф и валенки; открывала на ночь окна в спальне и вообще ничего на свете не боялась: ни воров, ни сквозняков, ни сырых фруктов и немытых ягод.

Верочка не играла во дворе, а ходила одна гулять по городу, стараясь зайти далеко, в незнакомые места, открывая неведомые переулки со странными, смешными названиями: Курносов, Хухриков или Щипок.

В двенадцать лет она знала почти все улицы в Москве, даже самые дальние. Мальчики из чужих переулков не задевали ее и не обижали. И Верочка просто не верила подругам, когда они рассказывали, что мальчишки им не дают проходу. Она так привыкла ничего не бояться, что даже злые собаки ее не трогали, потому что собака редко кусает человека, если он не пугается и не убегает.

Верочка вообще старалась во всем подражать своей матери, хотя это было не так просто, потому что мама всегда поступала не так, как поступили бы все другие женщины на ее месте. И хотя Верочка научилась не бояться собак, коров и гусей, она никак не могла достичь маминого полного хладнокровия перед действительной опасностью.

В пятницу 27 октября Верочка проснулась веселая.

Утро начиналось как всегда: еще не открывая глаз, Верочка услышала привычный ровный шум типографии и пение за стеной. Это жиличка Таня, продавщица в

магазине, собирается на работу и поет, причесываясь перед зеркалом. Когда Верочка повернулась, под одеяло проникла струйка холодного воздуха из открытого окна. Верочка поежилась, закуталась покрепче и уткнула лицо в подушку. Но спать уже не хотелось. Мама звенела чашками в соседней комнате, в коридоре хлопнула дверь, и стук ее отозвался басовым гуденьем где-то внутри черного пианино.

Верочка решительно откинула одеяло, встала на коленки и потянулась через спинку кровати посмотреть в окно.

Во дворе, как всегда по утрам, уже лежали большие белые рулоны газетной бумаги. Двор этот, залитый асфальтом, с узорной железной решоткой, пыльными кустами акации и узкой полоской затоптанной травы, Верочка видела каждый день. Но сегодня за окном что-то не так, как всегда. Тихо. Пусто. И железные ворота почему-то заперты. И нет ребят, которые всегда подстерегают по утрам грузовик с бумагой и вертятся около рулонов, собирая обрывки и лоскуты. Верочка тоже подбирает бумагу, когда не проспит.

Весь дом пишет на этой бумаге, а Таня вырезает из нее кружева и салфетки.

Верочка взглянула на небо, на полуоблетевшие кусты акации и опять на двор.

«Где же это все ребята?» — удивилась она.

Два солдата с винтовками прошли через двор и скрылись в парадном. В прихожей зазвонил звонок.

Верочка соскочила на пол и стала одеваться.

Входная дверь хлопнула, и в прихожей послышался звонкий голос Франи, прислуги из третьего номера, которая ходила каждое утро с большой бельевой корзиной за хлебом для всего дома. Мама сама развешивала хлеб на весах для всех восьми квартир и акуратно раскладывала кубики хлеба на обрывках белой бумаги.

Когда Верочка прибежала в прихожую, Франя еще стояла там, держа пустую корзину за одно ухо, и отдавала маме пачку хлебных карточек, завернутых в платок.

— Хлеба сегодня не будет! — сказала она Верочке веселым голосом.— Юнкера за решоткой ходят и никого не пропускают. Сказали, чтобы никто из нашего дома не смел выходить!

Она поставила корзину и решительно затянула под подбородком белый платочек. Мама молча убирала карточки в ящик под зеркалом.

— А солдаты? — спросила Верочка, вспомнив двух солдат во дворе.

— А солдаты — большевики. Они ночью нашу типографию забрали.

В это время дверь позади Франи приоткрылась и в нее заглянул солдат в папахе. Он посмотрел на Франю, на Верочку и сказал, обращаясь к верочкиной маме:

— У вас, гражданка, окошко... Вы бы его притворили, а то юнкера стрелять будут.

— И выйти из дому нельзя? — спросила Верочка.— Как же я в гимназию пойду?

— В гимназию сегодня не надо,— сказал солдат, усмехнувшись.— Революция! — и затворил дверь.

— Еще революция? — обрадовалась Верочка.

Революция уже один раз была, когда в Петрограде прогнали царя. Верочка запомнила ее как большой, веселый праздник. Девочек в гимназии отпустили перед большой переменой, и старушка-начальница со страху больше чем обычно трясла своей стриженой седой головой.

А потом все ходили по городу, и никогда еще на улицах не было так много народу, как в этот день. Было весело и необычайно, что студенты, неловко держа винтовки, ведут арестованных городовых. Толпа шла посреди улицы, затопляя тротуары, и пела незнакомые бодрые и грозные песни.

Верочка целый день бродила с подругой по городу, толкалась в толпе, останавливалась на площадях, ловила новые, непонятные слова, обрывки речей на перекрестках, запоминала мотивы незнакомых песен.

Потом стали приходить с фронта письма от Гори, верочкиного старшего брата. Не такие, как прежде: «Жив, здоров и не ранен».

Настоящие длинные письма, которые мама долго перечитывала по вечерам под лампой, интересные и непонятные.

Верочке очень бы хотелось знать, сколько немцев Горя убил за это время и как он ходил в атаку. Сначала брат ничего не писал о сражениях потому, объясняла мама, что это запрещено было писать. Но и сейчас, когда письма прихо-

Было весело и необычайно, что студенты, неловко держа винтовки, ведут арестованных городовых.

писем и часто с сомнением качала головой. Но уже Верочка знала, что война скоро кончится и начнется что-то новое, совсем небывалое.

Все это она вспоминала сейчас, пристраиваясь на подоконнике и жадно глядя на пустой двор, чтобы увидеть своими глазами новую революцию, о которой говорил солдат.

Двор как будто вымер Дом притих и замкнулся. В главном корпусе, где помещается редакция, опущены плотные белые шторы. Во флигеле не видно ни одного человеческого лица. Решотчатые узорные ворота заперты на замок и задвинуты железной полосой.

По ту сторону решотки, в переулке, юнкера.

Бумагу уже укатили через сквозные ворота на задний двор.

дили не почтой, а с какими-то солдатами, которые всегда появлялись поздно вечером, брат не описывал никаких атак и сражений. Он писал про холодные мокрые окопы, про худую обувь, недостачу снарядов и про полковой комитет. А немецкие солдаты, выходило из писем, — уже не враги, а обманутый трудовой народ. И есть другие враги — в Москве — помещики и капиталисты.

Верочка все старалась сообразить, не видела ли она в Москве капиталистов? Но не могла припомнить. К маме ходили обычно корректорши, дядя Эрнест — инженер. Вот Морозов, должно быть, капиталист. Мама всегда покупала мануфактуру у Морозова на Арбате, но сам он в магазине не торговал.

Мама не всё читала Верочке из гориных

Верочка побежала к другому окну. Комната ее угловая. В ней два окна в две разные стороны. Из второго окна виден задний двор и в глубине его трехэтажное кирпичное здание типографии.

Вся жизнь сосредоточена здесь. Типография гудит всеми своими машинами, и кажется, что самое здание ее дрожит от этого гула. Двор полон солдат. Они возятся у грузовика, катают бумагу, выносят тюки газет и совещаются о чем-то, заглядывая в сквозные ворота. Как всегда по утрам, у дверей типографии стоит грузовик, нагруженный газетами. Но сегодня ему, вероятно, не удастся уехать. Выход со двора только один: сквозными воротами, через передний двор на улицу, где юнкера.

Верочка вглядывалась в движения солдат, стараясь угадать, что они делают и

зачем, и прижималась изо всех сил в угол окна, силясь увидеть то, что происходило за углом дома.

Снова раздался звонок Верочка оторвалась от окна и побежала в прихожую. Обычно она не очень любила отворять двери, особенно по утрам, когда приходили друг за другом жильцы из всех восьми квартир за своими хлебными пайками. Но сегодня каждый звонок мог принести интересную новость. И действительно, за дверью снова стоял солдат. Не тот, что приходил раньше, а другой, маленького роста, смуглый, с веселыми черными глазами. «Хитрый какой»—определила Верочка.

— Мамаша ваша дома будет, барышня? — вежливо спросил солдат.

Польщенная, что ее назвали барышней, как большую, Верочка с готовностью бросилась в коридор, но мама уже сама вышла в прихожую.

— Нет ли у вас, мамаша, картошечки? — спросил солдат и быстро оглядел своими живыми глазами прихожую.

Лицо у него все время как будто смеялось под примятой фуражкой.

— Не знаю, кажется, нет...— ответила мама.

— А мы бы деньги заплатили! — предложил солдат и сунул руку в карман.— А то нам сейчас нельзя выйти на улицу... Просто не хочется! — прибавил он, совсем уж усмехаясь и лукаво подмигивая Верочке.

Верочка была в восторге, что солдат обращается с ней, как с сообщницей, и поспешно вытащила из угла за сундуком рваную сумку без одной ручки. Но там среди земли и мусора перекатывались только три картофелины.

Солдат заглянул в сумку и покачал головой.

— Хотите? — нерешительно спросила мама.— Больше нет. Мы ведь тоже не могли сегодня выйти.

— Нет, куда уж? — солдат махнул рукой.— Нам столько не съесть!

Верочка засмеялась, и мама тоже немного улыбнулась. Из коридора выглянула Таня и осталась в тени у притолоки.

— А ворота на улицу у вас одни? — спросил солдат и поглядел на Таню.

— Одни,— ответила мама и прибавила: — А может быть, у соседей картошка есть?

— Это напротив-то? Были уж... там собачка очень злая!

Теперь засмеялась и Таня и даже мама. Неизвестно почему, все так смешно получалось у этого солдата. Он уже успел поглядеться в темное зеркало над сундуком и скорчить уморительное лицо, когда оказалось, что зеркало кривое, покачал пальцем чашки весов на сундуке, положил на весы свою фуражку, удивился:

— Тяжелая! — и подмигнул Тане.— Ну я пойду... А в других квартирах тоже собачки есть?

— Да вас не пустят! — засмеялась Таня.— Я лучше сама пойду, попрошу у соседей. Погодите, я сейчас,— и она живо накинула на плечи платок.

— Да мы уж были,— остановил ее солдат.— Все квартиры обошли. Вот и руки пустые,— и он развел руками, как будто показывая, что они действительно пустые.

— Как же вы будете?—встревожилась Верочка.

— Не пропадем, барышня, живы будем! — и солдат пошел к двери.— Счастливо оставаться,— прибавил он уже на пороге и посмотрел назад.

Дверь хлопнула. Таня сделала движение, как будто хотела тоже пойти, но передумала, сняла платок и вернулась в свою комнату.

Верочка снова пристроилась на подоконнике. Веселый солдат прошел через двор и исчез под верочкиным окном.

Между тем во дворе что-то готовилось. Солдаты появились из сквозных ворот и стояли теперь кучками, переговариваясь между собой и поглядывая за решотку. Двое даже подошли близко к воротам. Юнкера закричали на них. Солдаты засмеялись и отошли.

Верочка не могла понять, что они собираются делать. Они были безоружны и ходили взад и вперед или стояли праздно с самым мирным видом. А юнкера забеспокоились, засуетились, перебежали все с той стороны улицы и сгрудились у решотки. Они кричали и грозили ружьями. Солдаты смеялись и поглядывали на улицу.

«Чего они ждут?» — думала Верочка.

И тут в переулке загромыхал грузовик. Дальше все произошло так быстро, что юнкера и опомниться не успели.

Верочка видела, как грузовик замедлил ход против дома и как люди, стоявшие на нем, наклоняясь, перебрасывают что-то поверх решотки, через головы юнкеров. Она не сразу поняла, что это такое. Ящики? Камни? Радостные крики раздались во

Солдат заглянул в сумку и покачал головой.

дворе. Солдаты бросились к решотке, протягивая руки, и тогда Верочка разглядела, что они ловят буханки хлеба.

Верочка в восторге соскочила с подоконника и захлопала в ладоши.

Юнкера заметались. Одни тыкали штыками сквозь решотку, другие бросились за грузовиком. И тут затрещали выстрелы, и двор мгновенно опустел. Солдаты скрылись в сквозных воротах.

Радостная и возбужденная выбежала Верочка из комнаты, чтобы поделиться с кем-нибудь захватывающими новостями.

— Мамочка! — закричала она, вбегая к маме.

Но мама была не одна.

Сосед из третьего номера, управляющий хозяйки дома, убеждал маму громким свистящим шопотом, делая страшные глаза:

— В подвальный этаж! Лучше всего в подвальный этаж,— шипел сосед каким-то неестественным, сдавленным голосом.— Если забить окна тюфяками и подушками, там будет почти безопасно. Они ведь не будут целить в землю. Поймите меня: оставаться здесь — безумие. Собирайтесь сию минуту и захватите тюфяки. Сколько у вас тюфяков?

— Но мы не пойдем в подвал! — сказала мама раздраженно.— Это совсем не нужно.

— Сумасшедшая женщина! — зашипел сосед.— Сумасшедшая женщина!

Мама повернулась к нему спиной, и сосед выбежал из квартиры, хлопнув дверью.

— Все это глупости,— ответила мама на верочкин вопросительный взгляд.— Если будет опасность для жильцов дома, нас об этом предупредят.

И она спокойно села к своему столику и принялась ставить птички на длинных полосах корректур.

А Верочка увела Таню в свою комнату, к окошку.

— Отсюда все, все видно,— убеждала она.

Таня с опаской подошла к окну.

Верочка жадно смотрела в окно, прижав нос к стеклу, на интересное, захватывающее зрелище и не понимала таниной осторожности. Таня, веселая певунья, с которой Верочка так любила петь по вечерам украинские песни, сегодня совсем притихла. И сейчас она только немножко заглянула в окно и, увидав суетившихся на заднем дворе солдат, отошла.

— Я боюсь, когда стреляют. Пойдем отсюда,— сказала она Верочке и потянула ее за руку.— Пойдем на кухне посидим.

На кухне было очень уютно, потому что Таня украсила все полки кружевами из белой бумаги. Но кухонное окно упиралось прямо в кирпичную стену, и из него ничего нельзя было видеть.

— Мы все пропустим! — беспокоилась Верочка.— Мы совсем ничего не увидим. А теперь начнется самое интересное!

— Ну что интересного, когда людей убивают?— сказала Таня.—Сиди здесь.

Вошла мама.

— Я звонила Русаковым,— сказала она,—там все спокойно. Дети собираются в школу. Марья Валентиновна очень удивилась, что у нас стрельба. Это, наверно, скоро кончится.

— Я боюсь, когда стреляют,— повторила Таня.

— Мамочка, я только посмотрю, куда они эти ящики потащили! — сказала Верочка просительно и побежала в свою комнату, не дожидаясь ответа.

Солдаты действительно носили в типографию какие-то плоские ящики. Они заметно торопились. Было как-то странно тихо, и Верочка не сразу догадалась, что это замолкла типография.

Улица тоже изменилась. Там уже была не кучка юнкеров, а целая толпа. Посреди улицы стояли два грузовика, и юнкера спешно разгружали их. Верочке показалось, что она узнает пулемет.

— Мама! — позвала она.— Мама, здесь сейчас война будет!

Но мама ушла в прихожую отворять дверь. Это был давешний солдат. Он нерешительно оглядел прихожую, как будто ища кого-то, и, наконец, сказал:

— Вы, мамаша, лучше подайтесь куда-нибудь... Здесь сейчас стрельба будет.

— Совсем из дому уйти? — спросила мама.

— Здесь стрельба будет,— повторил солдат.— Как бы в окна не попало.

— Ну что ж, пойдем,— сказала мама Верочке,— одевайся. Я сейчас позвоню дяде Эрнесту. Если у них спокойно, мы там посидим, пока все это кончится.

Верочка поморщилась. Мама водила ее иногда по воскресеньям обедать к дяде, и Верочка этого терпеть не могла.

— И другим жильцам скажите, чтоб поосторожней,— прибавил солдат и поглядел в коридор.

«Какие же еще жильцы? Одна Таня»,— подумала Верочка.

А Таня как раз вышла из своей комнаты.

— Вы куда, Наталья Павловна? — спросила она.

— К брату хочу пойти. А вы как?

— Неужели прямо в квартиру стрелять будут? — сказала Таня, не глядя на солдата.

— И в квартиру могут попасть барышня! — ответил он своим прежним веселым голосом и зачем-то снял фуражку.— Да вот тут в коридоре ничего, не достанет. К окошкам только не подходите.

— Ну как, Таня, пойдем?— спросила мама.— Я не дозвонилась,— сказала она Верочке,— но это все равно. Собирайся,— и начала одеваться.

— Нет уж я лучше здесь останусь, никуда не пойду. Лягу в коридоре на пол, уши заткну, чтобы ничего не слышать,— и Таня показала, как она заткнет пальцами уши.

— Гром не убивает! — засмеялся солдат.— Да мы потихоньку стрелять будем, не потревожим. Сидите себе, барышня, хоть книжечку читайте. А мы вас проведать придем.

— Так останетесь? — спросила мама.

— Остаюсь,— решила Таня.

— Вы по телефону звоните,— говорила Таня в прихожей.— Мне не так страшно будет. Что это как тихо стало во дворе! Ни за что не подойду к окошку! И в комнату не войду.

Мама взяла Верочку за руку и вышла из дому. Калитка возле ворот оказалась незапертой. Вышли на улицу.

— Вы куда? — схватил маму за плечо какой-то усатый.— Кто такие?

— Мы хотим уйти,— спокойно сказала мама.

— Только назад не пустим! Да скорее идите!

Мама поторопилась, и через минуту они с Верочкой уже вышли из переулка. Верочка даже не успела разглядеть юнкеров. На улицах было как будто спокойно. Только как-то тихо и мало народу.

Глава 2

Когда мама и Верочка пришли к дяде, вся семья его, кроме дядиной больной жены и старшего сына, сидела за завтраком. Старушка-няня хлопотала у самовара.

Дядя Эрнест, большой и толстый человек, пил чай, широко расставив локти на столе, и стакан, который он подносил ко рту, совершенно скрывался в его широкой ладони.

Кузина Соня, очень тихая и благонравная девочка, сделала движение, чтобы вскочить навстречу Верочке, но, взглянув на отца, осталась на месте. Витя и Митя, оба одинаково худые и длинные, поднялись со своих стульев и одновременн шаркнули ногами.

— Садись, сестра, сейчас тебе чаю нальют,— добродушно сказал дядя, не вставая, и подул на чай.

— Ты, кажется, даже не удивляешься, что мы пришли так рано утром,— сказала мама.

— А чего мне удивляться? Ну пришли, и очень хорошо. Я никогда ничему не удивляюсь,— ответил дядя, усмехаясь, и еще больше сощурил свои маленькие глазки за очками.— Напьемся чаю, тогда и расскажешь свои новости.

Мама села к столу:

— Нина все лежит?

— Да, по обыкновению.

— Подружка пришла! Вот и хорошо. Вот тут садись, рядом с Сонюшкой. Я тебе с молочком налью,— ласково говорила няня, усаживая Верочку.

— Ну, какие у тебя новости? — начал дядя, когда все уселись.— Только если политические, так уволь: пока не кончу завтракать, и слушать не стану. Политика мне на пищеварение действует.

— Ты все шутишь!

— А ты все умничаешь. От этого ты такая худая. Только веселые люди бывают толстыми. Смотри на меня! Впрочем, ты с детства не понимала шуток. Ну, сколько двоек получила, расскажи-ка! — обернулся он к Верочке.

— У меня двоек не бывает,— громко сказала Верочка.

— Жаль. Я б тебе поставил. Бойка ты очень! Тебе бы мальчишкой родиться. Вот мои молодцы не такие бойкие. Это тебя мать не умеет воспитывать. Я б тебя в угол ставил, на горох, носом к печке!— шутил дядя.

— Мы у тебя останемся, Эрнест,—сказала мама.— Может быть, даже на несколько дней.

— Милости просим. Места много. Почему же это?

— Мы не можем вернуться домой: у нас стрельба.

— То есть, как стрельба? — дядя перестал смеяться.

— Сегодня утром началась революция, и нас предупредили, чтобы мы ушли до начала стрельбы.

— Ты что-то путаешь,— сказал дядя и поставил на стол недопитый стакан.— Какая революция?

Мама коротко рассказала все, что случилось в это утро на дворе типографии.

Дядя уже не шутил. Он встал из-за стола, оттолкнул кресло и заходил по комнате. Верочка в первый раз в жизни увидела дядины маленькие, добродушно сощуренные глазки широко открытыми. Они смотрели испуганно.

— Что ж ты сразу не сказала? — говорил дядя растерянно.— По телефону могла позвонить. Мне нужно распоряжения сделать. Бог знает что такое! Дети, идите в спальню. Окна у нас, слава богу, на двор. Парадное на цепочку закрыто? Посмотри-ка, нянька!

Соня оставила недопитый чай, потянула Верочку за рукав и тихонько увела ее в свою комнату, Витя и Митя неловко загремели стульями.

— Ты что-то путаешь,— сказал дядя.— Какая революция?

Мама позвонила домой по телефону. Танечка сидела одна в темном коридоре, зажав уши, как и собиралась. Она не подходила к окнам, но слышала стрельбу.

«Только это не у нас стреляют,— объяснила Таня,—а в Александровском училище засели юнкера»,— и даже сообщила, что у них есть пушки.

«Это опять тот солдат к нам приходил»,— догадалась Верочка.

А Верочке, наоборот, невыносимо было сидеть без дела в сониной комнате, где даже в окно ничего не видно, в то время как там, дома, происходят какие-то большие и важные события.

В дядиной квартире была, как всегда, особенная гнетущая тишина, созданная бесконечным количеством запретов и правил хорошего поведения. Дети жили в крайних, самых дальних комнатах специально для того, чтобы их не было слышно. Они не смели играть в шумные игры и не должны были разговаривать за столом.

Тетя Нина считалась больной. Ей нельзя было перечить, ее нельзя было беспокоить и огорчать. И тетя Нина единовластно и строго управляла всем домом. Не выходя из своей комнаты, невидимая, она держала в трепете и повиновении прислугу, детей и даже мужа.

День проходил тоскливо.

С Соней невозможно было говорить о том, что интересовало Верочку: она ни-

чего не понимала и ничем не интересовалась. Впрочем, девочки никогда не были особенно дружны и встречались только как кузины.

Верочка томилась: в чужом доме ей нечем было заняться. К тому же нельзя было шуметь. Она слонялась по комнатам, тихонько проводила рукой по блестящему, гладкому боку рояля и вздыхала, разглядывая с завистью груду нот на этажерке. Играть на рояле, конечно, нельзя было.

К обеду за столом незаметно появился Рудя, старший сын дяди Эрнеста. Никто не обратил на него внимания. Верочка давно уже заметила, что дядя старается не смотреть на этого некрасивого, неудачного и нелюбимого сына. Отдавая распоряжения о том, чтобы никто не подходил близко к окнам, дядя даже не спросил про Рудю, которого не было дома.

Суп ели в полном молчании. Дядя сидел нахмуренный и ни разу не пошутил, как обычно. Тетя Нина совсем не вышла из своей комнаты.

— Сегодня утром бой начался на Тверской, — вдруг негромко заговорил Рудя, поднимая голову от тарелки, и обвел всех каким-то недоумевающим взглядом, как будто сам удивился своему сообщению.

Дядя перестал есть.

— Что ж ты был там? — спросил он сердито.

— Нет, я не дошел. Мне один сказал с винтовкой. Юнкера из пулеметов Московский совет обстреливают.

— Прикажешь верить этой информации, полученной от какого-то солдата? — насмешливо спросил дядя.— И как это ты на Тверской очутился?

— Я везде ходил,— задумчиво сказал Рудя, делая неопределенный жест рукой.— Дальше не пустили. Там все оцеплено. Переулки даже. Это не солдат был. Рабочий с винтовкой.

— У рабочих оружие! Это чорт знает, всего можно ожидать! — дядя шумно подвинул стул.— Что это тебе вдруг на Тверской понадобилось? Сидел бы лучше с ногой-то.

— Нет, что ж. Нога мне не мешает. Я люблю ходить.

— Ложку! — неожиданно крикнул дядя так громко, что все вздрогнули.

Сонечка покраснела пятнами, и черные глаза ее наполнились слезами, Витя и Митя растерянно задвигались на своих стульях. Все перестали есть.

— Ложку на скатерть не клади,— сердито, но уже тихо закончил дядя Эрнест.— Не видишь: капает.

Митя быстро поднял ложку и осторожно, чтобы не зазвенела, опустил ее в тарелку.

Верочка в первый раз слышала, чтобы дядя так кричал. Она поняла, что это он рассердился на Рудю. Но Рудю никогда не бранили и не наказывали, даже когда он был маленьким, потому что он хромой и нелюбимый. Его просто не замечали. Все свои честолюбивые отцовские надежды дядя возлагал на Витю и Митю — нескладных подростков четырнадцати и пятнадцати лет, которых дома считали детьми, хотя они были не ниже отца ростом.

После дядиного окрика никому уже не хотелось есть, и нянечка убрала со стола почти нетронутые тарелки.

Как только стемнело, она пришла в сонину комнату стелить девочкам постель. Ласково приговаривая, няня взбила мягкую перину на широкой сониной кровати, уложила рядом две пухлые подушки и умяла руками две уютные ямки в перине, так что Верочке сразу непреодолимо захотелось спать.

Проснувшись утром, Верочка увидела, что Сони уже нет в комнате. В столовой слышались голоса.

«Проспала!» — в ужасе подумала Верочка и стала торопливо одеваться. Больше всего в жизни она боялась пропустить что-нибудь интересное.

Кое-как накинув платье, неумытая, она побежала в столовую, на ходу заплетая волосы.

Мама говорила по телефону с Таней.

— Да, да,— говорила мама.

Верочка смотрела на трубку и с нетерпением дергала свою косичку. Ничего нельзя было понять, что там рассказывает Таня.

— Мама, дай мне!

Но мама уже положила трубку.

— Все по-старому, — сказала она. — Стреляют где-то около Каменного моста, у нас слышно. Таня так и спала в коридоре и говорит, что всю ночь дрожала.

Утро в «осажденной крепости», как определила для себя Верочка дядину

квартиру, тянулось бесконечно. Верочка не могла жить без внешних впечатлений. Она привыкла смешивать действительность окружавшей ее жизни с приключениями из книг и собственным воображением, так что получалась непрерывная увлекательная игра.

Но у дяди ничего не случалось. Вся жизнь сосредоточилась только в телефоне. Через час мама опять позвонила домой. Таня долго не подходила к телефону.

— Я в ванной прячусь! — кричала она тоненьким голосом.— Очень шибко стреляют. На Остоженке бои идут, как на войне. Окопов накопали на улице. Солдат сказал: и на нас сейчас пойдет наступление. Всех жильцов в погреб переселили.

— А вы что же?

— А я не хочу. В погребе страшнее: темно, и дети все плачут. Я там буду больше бояться. Я ему так и сказала. Я лучше в ванной запрусь.

И Таня снова ушла в ванную. А Верочка силилась представить себе «наступление» на узорную решотку и кусты желтой акации в родном дворе, но так ничего и не представила.

Потом мама ушла к тете Нине, а Соня забилась в свой любимый угол, в нянин чуланчик, на корзину с грязным бельем. Мальчики были у себя в комнате, и Верочка сама позвонила домой. В телефоне гудело как-то особенно, показалось ей, и барышня долго не подходила, а потом Таня крикнула где-то очень далеко:

— Наталья Павловна!

— Это я, Танечка, я, Вера!

Трубка трещала, и Таня говорила каким-то чужим голосом, очень тихо и очень далеко.

— Ну как?! — кричала Верочка, забыв, что нельзя кричать.

— Началось!— ответил далекий испуганный голос.— У нас стреляют! Наталья Павловна, слышите, стреляют?

Но Верочка не могла разобрать, слышит ли она выстрелы или это так в трубке трещит. Она еще несколько раз крикнула Тане, но ответа не получила.

— Ну что там у вас? — неожиданно спросил дядин голос, и Верочка замерла, опустив руку с трубкой.

Она и не заметила, как он вошел.

— Что, не отвечают? — спросил дядя, не замечая, что Верочка кричит так громко у самой двери тети Нины.— Да ты трубку повесь,— и вышел.

Еще через час мама тщетно звонила домой несколько раз подряд. Таня больше не подошла к телефону.

А потом и телефон перестал работать.

Рудя опоздал к обеду. Он сел за стол и начал торопливо глотать уже остывший суп. Дядя Эрнест посмотрел на него с минуту, как будто собираясь что-то спросить, но так и не спросил и сердито отвернулся.

— Ты, кажется, опять выходил сегодня? — сказал, наконец, дядя куда-то в пространство.

— Да, я в город ходил,— отозвался Рудя.— На заборах воззвания висят к населению. От Комитета общественной безопасности.

— Ну? — оживился дядя и внимательно посмотрел на Рудю поверх очков.

— Ну, призывают не слушаться большевиков. И военное положение объявлено,— как-то нехотя рассказывал Рудя, не поднимая головы от тарелки.— Юнкера перешли в наступление. Сегодня утром Кремль заняли.

— Ну вот! — обрадовался дядя, шумно вздохнул и заворочался на стуле.— Вот видишь, сегодня же все это будет кончено. Просто бунт каких-то уголовных элементов,— обратился он к сестре.— Пограбить захотелось. Выпустили арестантов из тюрьмы. Небось, обворовали квартиру твою, тем и кончилось!

— Какие глупости! — сказала мама.— Никаких арестантов я не видела, а приходили к нам вооруженные красногвардейцы. И никого они грабить не собирались, а, наоборот, заботились о мирном населении. А вот юнкера в нашу квартиру, кажется, стреляли, Таня по телефону сказала.

— Ну знаешь, сестра!— рассердился дядя.— Я с тобой об этом при детях и дискутировать не стану! Бог знает, что ты такое говоришь! Большевики о ней заботятся?!— и он сердито отодвинул блюдо, смяв своими толстыми локтями скатерть на столе.

Мама промолчала. И тогда Верочка вдруг сказала неожиданно для себя:

— Конечно, заботились! Они к нам три раза приходили: и про окно говорили и когда стрелять начнут!

Все сразу посмотрели на Верочку, но дядя даже не повернул головы в ее сторону, будто не слышал.

Когда девочки вернулись в свою комнату, Соня сразу же сделала серьезное лицо и, напряженно глядя в глаза Верочки, стала объяснять, что детям нельзя вмешиваться в разговоры старших и вообще говорить, когда их никто не спрашивает.

— Какие глупости! Почему нельзя? — удивилась Верочка, которая дома привыкла свободно обо всем разговаривать с мамой, как равная.

— Нельзя, нельзя! — повторяла Соня. — Ведь ты этого ничего не понимаешь и не можешь знать! Взрослые лучше знают. А ты непременно скажешь какую-нибудь ерунду, как сегодня, и всем будет неловко, и маме, наверно, стыдно за тебя,— объясняла Соня с испуганными глазами.

Верочка отошла к окну и стала сердито смотреть на серую стену.

«Вот я ей сейчас объясню, этой дурище», — подумала она сердито, однако объяснять не стала. Да и не могла она сейчас ничего объяснить, кроме того, что больше не любит дядю и хочет домой. Скорее, сейчас же! Дома бы мама, может быть, и ответила на все ее мучительные сомнения и вопросы, а здесь мама все время сидела у тети Нины, а когда и выходила, то подчинялась глупым порядкам дядиного дома и не стала бы, конечно, разговаривать с Верочкой, как с большой, о революции.

Из писем брата, полных непонятных слов и понятий, писем, которые мама ей прочитывала вслух не целиком, кое-что Верочка все-таки запомнила. Ей казалось, что она поняла: скоро начнется какая-то новая война и новая замечательная жизнь. Верочка не понимала, зачем нужна еще одна война, но новую жизнь ждала с нетерпением.

И когда в типографию, с ее знакомым шумом и катушками бумаги, пришли большевики, Верочка так и подумала, что это начинается новая жизнь.

Сомнения начались только в дядином доме. Верочка знала, что дядя Эрнест хороший и умный; мама всегда любила и уважала своего старшего брата. До сих пор Верочка и сама любила дядю, единственного из всех родных. Он был такой толстый, шумный и добродушный, знал много смешных песен, шутил с Верочкой и загадывал ей «армянские» загадки, в которых ответ всегда неожиданный и самый непохожий.

Но вот дядя почему-то не обрадовался новой жизни. Он вел себя совсем, как хозяйкин управляющий: все боялся чего-то, не позволял смотреть в окна и называл красногвардейцев арестантами.

«Если бы брат был здесь, он был бы тоже красногвардейцем,— думала Верочка, нетерпеливо расплетая и заплетая кончик косы.— Ах, если б знать, что там теперь дома, в типографии?»

Долго так простояла Верочка у потемневшего окна, раздумывая и разбираясь во всем новом, что случилось в эти два дня, но ничего не выяснила, а только устала и захотела спать.

— Ну что? Какие новости? — спрашивал дядя Рудю, усаживаясь утром к столу.

— Сегодня в город не пройдешь: там сплошные бои,— ответил Рудя.

— Как бои? Ты же говорил, Кремль взят! Значит, все уже кончено?

— Нет! Не кончено. Я так думаю, теперь только по-настоящему и начинается...

— Почему же ты знаешь, если в город не пройти?

— Да мне сказали. У меня тут знакомый один есть, в казарме... И по телефону позвонить позволил. В комендантской у них аппарат работает. Я Сереже звонил на Никитскую. Вот там теперь самое главное и происходит.

— Ну?

— У Никитских ворот самый бой. Юнкера окопались. Проволочные заграждения, пулеметы, как на фронте,— рассказывал Рудя, оживляясь.— Кинематограф там, на углу, у них—за крепость. Сережка говорит: такая трескотня все время — прямо голова болит. Угол отшибли у одного дома, там, напротив.

Рудя увлекся, поднял голову, говорил громко. Верочка никогда не видела его таким.

— Такая стрельба! Да вот, слышишь? — Рудя остановился.

Все прислушались. Действительно, сквозь закрытые двойные рамы отчетливо был слышен отдаленный грохот и треск.

Верочка не спускала восторженных глаз с Руди. Но он вдруг как-то неловко повернулся и вышел из комнаты, сильно хромая. Соня испуганно смотрела на мать.

Дядя отвернулся и торопливо, боком прошел к себе в кабинет. И с этой минуты новая тревожная, гнетущая тишина нависла над дядиной квартирой. Казалось, все не живут, а только прислушиваются к негромким раскатам, похожим на отдаленный гром.

Нет, дядя не такой, каким знала его Верочка,— добродушный и веселый,— теперь дядя больше не шутит, и за поблескивающими стеклами очков открылись настоящие дядины глаза: маленькие, круглые, испуганные и злобные. Шумный дядя теперь стал тихим: он ходит на цыпочках и все проверяет крючки и задвижки на окнах и сложные запоры на входных дверях.

Дядя думает только о грабителях. Он все прячет и перепрятывает наново какие-то свертки и бумаги. Переносит их на цыпочках из кабинета в спальню и снова в кабинет и, наконец, приходит в нянину каморку и там, наклонившись, долго роется в корзине с грязным бельем, засовывая что-то на самое дно.

В доме организуется домовая охрана.

— Ночью придут! — шепчет дядя с испуганными глазами,— нужно приготовиться.

— Мама, кто придет ночью? — спрашивает Верочка, поймав маму у дверей тетиной комнаты.

— По-моему, никто не придет,— спокойно говорит мама.— У нас дома идет бой за типографию. А это обыкновенный жилой дом, и никому он ненужен.

Но дядя уверен—придут. Вечером он не позволяет зажигать в комнатах свет, взбирается на подоконники и тщательно завешивает окна плотными одеялами.

Утром Рудя принес маленький листок грубой серой бумаги. Это была газета величиной не больше ученической тетрадки. Дядя радостно ухватился за нее.

Единственное, что Верочка поняла из газеты,—это то, что на сегодняшний день объявлено перемирие. Действительно, выстрелов не было слышно, и от этого стало особенно тихо, потому что не было и обычного уличного движения.

Витя и Митя, совсем расхрабрившиеся, выпросили у матери разрешения выйти в город посмотреть. Девочкам позволили выйти только во двор подышать свежим воздухом.

Прогулка взад и вперед по асфальтовому квадрату двора была тосклива. Верочка подумала было улизнуть в ворота, но Соня, конечно, испугалась и крепче схватила ее за руку.

Верочка оглядывала бесчисленные пустые окна, окружавшие ее со всех сторон. Дядин дом все больше и больше превращался в ее представлении в ненавистную тюрьму. Сонина болтовня вызывала у нее скуку и досаду, а поведение дяди: эти свертки в корзине с грязным бельем и одеяла на окнах — досаду и отвращение.

Еще разрешенные для прогулки полчаса не кончились, когда Верочка потянула Соню домой. Она просто не могла больше кружиться на одном месте, между кухней и помойкой.

В столовой ее ждала неожиданность: вся семья была в сборе, тетя Нина полулежала в своем удобном кресле, а посередине комнаты, на простом стуле, выдвинутом из-за стола, крепко сидел, расставив ноги, совсем неожиданный в этой квартире военный в помятой гимнастерке и грязных сапогах. Он сидел просто и прочно, как не сидели обычно в дядином доме, и лицо у него было уверенное и бодрое несмотря на усталость.

— Да, вот так и еду в Петроград, — говорил военный, обводя любопытным взглядом поочереди всех членов дядиной семьи. — Послан полковым комитетом к товарищу Ленину.

Тут он взглянул и на Верочку, стоявшую в дверях. И тогда Верочка узнала эти светлые глаза на скуластом бородатом лице:

«Макаров! Товарищ Горьки! — обрадовалась она. — Вот человек, который может на все ответить».

Верочка уже хотела было броситься к Макарову, но вовремя вспомнила, что она не дома, села в сторонке на мягкий стул и стала слушать.

— Я еще вчера приехал, — рассказывал Макаров,— да застрял на вокзале. В самую заваруху попал. Сейчас отправлюсь дальше, пока перемирие не кончилось. Мне бы только обчиститься немножко, вот... — говорил он, оглядывая свою измятую, запыленную одежду. — Хотел к вам в Ваганьковский завернуть, Наталья Павловна, думал, может, Горьку застану. Да куда там! Не проберешься. Кругом юнкера засели. Вспоминал, вспоминал, где у меня еще знакомые живут, и, наконец, решил к Эрнесту Павловичу нагрянуть. Авось, обедом накормит.

По середине комнаты, на простом стуле, сидел военный в помятой гимнастерке и грязных сапогах.

Дядя буркнул что-то вроде «милости просим». Тетя Нина улыбнулась любезной улыбкой.

— А что сейчас на фронте делается? — спросила мама.

— На фронте? А вот вернусь в окопы с инструкциями Ленина, тогда и посмотрим, что дальше делать будем. Солдаты больше войны не хотят.

— А офицеры? — спросил дядя, который все время угрюмо и опасливо поглядывал на Макарова, как будто он мог взорваться.

— Офицеров у нас уже нет, — сказал Макаров и посмотрел на дядю своими светлыми глазами.

Дядя вздрогнул и поежился.

— Ну а здесь? Мы вот живем в Москве, а не знаем хорошенько, что здесь происходит, — сказала мама.

— Здесь? Да то же самое, что в Петрограде: большевики берут власть в свои руки. Временного правительства уже нет, Керенский сбежал. Там все решено. Ну и в Москве дела тоже неплохи.

— Но ведь в Кремле, кажется, юнкера?

— Да, юнкера сейчас в Кремле, но они его не удержат,— сказал Макаров.

Рудя кивнул головой. Дядя отвернулся.

— Они ждут подкреплений, оттого так и стараются пробиться к вокзалам. Только ничего не дождутся. Если действительно есть какие-нибудь части, верные Временному правительству, они все равно до Москвы не дойдут. Вот какое положение.

Наступило молчание. Мама задумалась. Рудя застенчиво смотрел на Макарова, ему, очевидно, хотелось спросить еще что-то, но он не решался. Тетя Нина напряженно улыбалась.

— А Горя почему не приехал? — не выдержала Верочка.

— Вот уж этого не знаю,— улыбнулся Макаров.— Он ведь последнее время, кажется, под Гатчиной был? Ничего, найдется, не пропадет,— и прошел за мамой в ванную комнату.

Когда Макаров прощался, дядя буркнул себе под нос что-то невнятное, и только Верочка с мамой проводила Макарова до двери.

Потом Верочка пробралась в одну из пустых комнат и села в темном уголке, на стуле между двумя шкафами, чтобы подумать. Светлая полоска блестела на лакированном закруглении рояля. Верочка уже несколько раз скрывалась в этом убежище от надоедливой болтовни Сонечки и от всех утомительных обычаев дядиного дома. Комната эта была угловая и полутемная. Единственное ее окно находилось как-то странно в углу и было почти закрыто тяжелой драпировкой. Верочка уже убедилась на опыте, что может остаться здесь незамеченной, если даже кто-нибудь пройдет через комнату. Сегодня ей было, о чем подумать.

Хотя Макаров и не ответил на все вопросы, как она ожидала, хотя Верочка не поняла, что такое большевики, и не знала, кто это Ленин, она все же разрешила самое главное и основное свое недоумение.

Да, началась новая революция, та самая, о которой писал брат. И все хорошие люди этому рады, и только дядя один не рад, запирается сам и других ни-

куда не пускает от страха и ненавидит революцию. Все события проходят где-то там, за стеной, а она, Верочка, будет, как дура, сидеть в комнате за одеялами. Дядя — просто злой трус, и дом у него, как тюрьма, и слушаться его нелепо, и надо уйти.

— Мама! Уйдем отсюда! — сказала Верочка умоляюще, увидев в дверях свою мать, и быстро вышла на свет.

— Что это ты здесь делаешь в темноте? — удивилась мама. — Уйти мы сейчас не можем. Ты ведь знаешь: нас юнкера не пропустят домой. Придется подождать еще немного.

— Я пойду на улицу!

— Если ты пойдешь, то и Сонечка захочет. И потом тебе ведь там нечего делать. Ты можешь только помешать.

— Мамочка! Но дядя ведь — трус, просто трус! Разве ты не видишь?

— Об этом мы с тобой дома поговорим. Не кричи так, у Нины опять припадок, — ответила мама ровным голосом, но Верочка увидела по ее лицу, что она недовольна. — Я думаю, что это скоро кончится, — и тихо пошла из комнаты.

Верочка, вздохнув, пошла за ней.

В столовой мальчики, захлебываясь, рассказывали отцу и Сонечке, что они видели в городе. Они спешили и перебивали друг друга, так что трудно было что-нибудь понять. Дядя несколько раз досадливо переспрашивал, но так и не добился толку. По словам мальчиков, Москва была наполовину разрушена, все дома разбиты, а часовня в Охотном ряду снесена до основания.

— Понимаешь, папа, ее нет! Даже камней не осталось! — объяснял Митя, горячась и размахивая руками.

— Как же так ее совсем нет? Этого быть не может, — ворчливо недоумевал дядя, пожимая плечами.

— Ну нет, ну, папочка, мы же оба смотрели и совсем ее не видели!

— Да вы в Охотном ряду вообще были? Так далеко зашли?

— Ну, конечно, были. Часовни больше нет. Там теперь пустое место, — веско подтвердил Витя с положительным видом старшего.

— Как же это вы так быстро вернулись?

— Да ведь мы бегом! Туда и обратно бежали. Потому что убить может шальная пуля. Знаешь, когда стреляют, бывает такая шальная пуля, которая убивает, — объяснял Митя с испуганным лицом.

— Ну и нечего было бегать, если стреляют, — рассердился дядя.

С вечера стрельба возобновилась. Снова в квартире завешивали окна, притаились, не зажигали света. В темноте из комнаты в комнату, огромный и черный, грузно шагал дядя, проверяя запоры, поправляя одеяла и требуя тишины.

Витя, Митя и девочки сидели в гостиной без света и переговаривались вполголоса. Но дядя грозным шопотом велел ребятам разойтись по своим комнатам и ложиться спать не раздеваясь. Верочка подумала, что ослышалась. Однако няня, пришедшая, как всегда, укрывать и укутывать девочек в постели, как это она умела делать, подтвердила, что придется сегодня спать в платье.

— Мало ли что может ночью стрястись? — объяснила она, — пожар ли или стрельба, так чтобы сразу вставать. Да вы спите, птички мои милые, я уж вас взбужу, коли надо будет.

Девочки сняли только ботинки и черные школьные фартучки, в которых продолжали по привычке ходить все эти дни.

— И зачем это? — досадовала Верочка ворочаясь в постели и высвобождая запутавшуюся юбку. — Как глупо и как неудобно!

Ночью раздавались звонки, слышались голоса, дядины тяжелые шаги и еще много других непонятных звуков, и все время не прекращался далекий треск выстрелов, который позже слился с плеском дождя по стеклам и смешался в какой-то непрерывный хаос шума, так что Верочка перестала понимать, что происходит, и забылась. Но спала она плохо, ворочалась, просыпалась и встала утром с головной болью.

За ночь бой как будто надвинулся. Грохот стал слышнее. Тревога в доме усилилась. Все говорили шопотом. Дежурства в подъезде продолжались и днем. Дядя посерел и осунулся. Тетя Нина не показывалась, и мама бесшумно проходила из ее комнаты на кухню и обратно с какими-то склянками, грелками и компрессами. Верочка томилась невыносимо.

Незадолго до обеда, бесцельно слоняясь из комнаты в комнату, она очутилась одна в прихожей. Повинуясь мгновенному решению, Верочка схватила с вешалки свое пальтишко, быстро и бесшумно проскользнула в коридор, на ходу продевая руки в рукава, пробежала пустую кухню, вышла на черный ход через незапертую дверь и очутилась во дворе, прежде чем успела обдумать, что собирается делать.

Двор был пуст. Но Верочка все-таки проскользнула за помойку и вовремя, так как в ту же минуту увидела дядину кухарку, возвращавшуюся с пустым ведром.

«Так вот почему дверь была не заперта и кухня пустая,— поняла Верочка,— повезло!»

За помойкой оказался лаз в заборе, которым, вероятно, пользовались собаки, а также ребята в своих играх. Верочка вспомнила такой же лаз на школьном дворе, через который некоторые девочки убегали перед трудными уроками, наклонилась и решительно протиснулась между двух расшатанных досок. Она очутилась в пустом переулке.

Звонкие хлопки выстрелов слышались совсем близко, но Верочка, уже привыкшая к стрельбе за эти дни, почти не обратила на них внимания. Она жадно смотрела вдоль переулка.

Ничего. Переулок, как переулок. Пустой. В маленьком домике напротив окна закрыты снаружи зелеными деревянными ставнями. Заперты все ворота. Крыши мокрые и блестят. Моросит мелкий дождик. Все очень просто и буднично. Верочка поежилась в нерешительности.

— Что делать дальше? Куда идти?

Фантастические планы, которые она строила, сидя в запертой темной комнате, как-то сразу разлетелись. Обыденный вид знакомого переулка вернул ее к действительности. Домой теперь через весь город, конечно, не попасть. Пуститься наугад по улицам? Но куда? И пропустят ли ее?

Между тем дождик усиливался. Верочка еще раз взглянула вдоль переулка и внезапно решила:

«Пойду к Лидии Ильиничне. Мы давно у нее не были. Очень просто»,— и спокойно пошла вперед, как будто и вышла только для того, чтобы навестить знакомых.

Лидия Ильинична была верочкина учительница, которая когда-то готовила ее во второй класс. Она жила недалеко от дяди, в одном из переулков, по другую сторону Мясницкой.

Все сразу стало просто. И маме будет что сказать по возвращении. Мысль о маме немножко беспокоила Верочку. Что если она заметит исчезновение дочери, раньше чем она успеет вернуться? Где будет искать ее, что подумает? Верочка пошла скорее. Она вдруг испугалась, что ее могут догнать и вернуть. А может быть, попробовать, прежде чем идти к Лидии Ильиничне, пробраться к Кремлю и поглядеть, как его будут отнимать у юнкеров?

С этими мыслями Верочка завернула за угол на Мясницкую. И сразу же что-то затрещало ей в самые уши. Верочка оглянулась, оглушенная, но ничего не увидела. Дождик почти прошел. Улица казалась пустой. Верочка заметила только закрытые среди дня ставни и разбитое стекло витрины. Круглый белый дымок вырос впереди на церкви, под самой крышей колокольни. Потом еще и еще один.

«Что это? Пожар?» — соображала Верочка, машинально продвигаясь вперед.

Не успела она еще сообразить, что там дымится на колокольне, как впереди через улицу промчался громыхающий грузовик.

«Вот это кто так шумит»,— подумала Верочка.

Но грузовик исчез за углом, а треск был где-то над самым ухом, так что Верочка даже вздрагивала. Где-то близко кричали. Но она не разобрала слов и не поняла, откуда кричат.

И тут вдруг какой-то человек метнулся к ней от стены дома и рванул ее за руку, так что она чуть не упала и, споткнувшись, влетела в темную дыру подворотни. Под ногами всплеснулась глубокая лужа, и брызги попали Верочке даже в лицо.

Группа темных человеческих фигур жалась здесь у стены, и растерявшаяся Верочка уже не различала среди них того, который втащил ее сюда и сейчас же отпустил ее руку.

— Напугалась, девочка,— сказал бородатый.— Со страху и ноги поотнимались. Ей кричат, а она ни шагу. Это бывает.

Верочка смотрела удивленно. Так это ей кричали? Зачем? И чего ей, собственно, было пугаться?

Бородатый сказал еще что-то, неслышное за грохотом.

— Это кто ж тебя послал-то? — спросил другой и спрятал лицо в ладонях, которые осветились изнутри желтым огоньком спички.

Пока он закуривал, Верочка разглядела винтовку, которую он прижимал локтем. Она ничего не ответила, соображая, что это за люди и зачем они ее утянули в подворотню.

«Разве пули могут долететь до Мясницкой?» — думала она, представляя себе, что слышит перестрелку из Кремля.

Звуки выстрелов были разные: частый треск, редкие, громкие хлопки, отдаленный басовый грохот и даже какой-то свист. Близкую, но негромкую ружейную стрельбу Верочка принимала за самую отдаленную.

Теперь, привыкнув к полутьме, Верочка разглядела, что все люди, прятавшиеся в тоннеле ворот, были вооружены, хотя и не носили солдатской одежды. Она сосчитала: семь человек.

Между тем бородатый, который разговаривал с ней, осторожно выглянул из ворот. Обернувшись, он махнул рукой. Все зашевелились и придвинулись к выходу, осторожно ступая в черную лужу.

Бородатый выставил за угол дуло винтовки. Другой согнулся, прилаживаясь за ним. Третий опустил колено прямо в лужу. В общем шуме выделились несколько резких ударов, которые гулко отдались от низких сводов. Все снова подались назад. Молодой, который стрелял с колена, вскочил на ноги, разбрызгивая воду, и толкнул Верочку.

Там, за воротами, что-то забарабанило, и Верочке показалось, что по крыше скатывается горсть мелких камней.

— Постой-ка маленько,— сказал бородатый и отстранил Верочку в глубину ворот.

Верочка заглянула во двор: дровяной сарай, помойка, высокая стена дома с маленькими железными балкончиками. За спиной ее снова грохнули выстрелы. Весь свод наполнился едким дымом. Верочка прижалась к стене.

Трескотня на улице усилилась. К ней прибавилось еще нарастающее громыхание. Все вдруг побежали назад, чуть не сбив Верочку с ног, и в отверстии ворот показалась тупая морда грузовика. Он влетел во двор, качаясь, лязгая и скрежеща, ударился об угол ворот и стал около дровяного сарая, наехав одним колесом на камень.

И сразу его окружили выбежавшие откуда-то люди. Среди них были солдаты и даже несколько женщин. Верочка потеряла в этой толпе тех семерых, которых она уже считала знакомыми. Люди, толкаясь, разбирали сложенные на грузовике винтовки. Из подъезда в углу двора выбегали все новые. Многие дожевывали на ходу кусок хлеба. Несколько человек снова скрылось в тоннеле ворот. Верочка увидела среди них бородатого и, обрадовавшись, побежала за ним.

Снова стреляли, осторожно выглядывая на улицу, и выстрелы эхом отзывались в воротах, и дым щекотал в носу. Со двора подбежало еще несколько человек. Верочку толкали, хотя она прижалась к самой стене. На нее оглядывались удивленно.

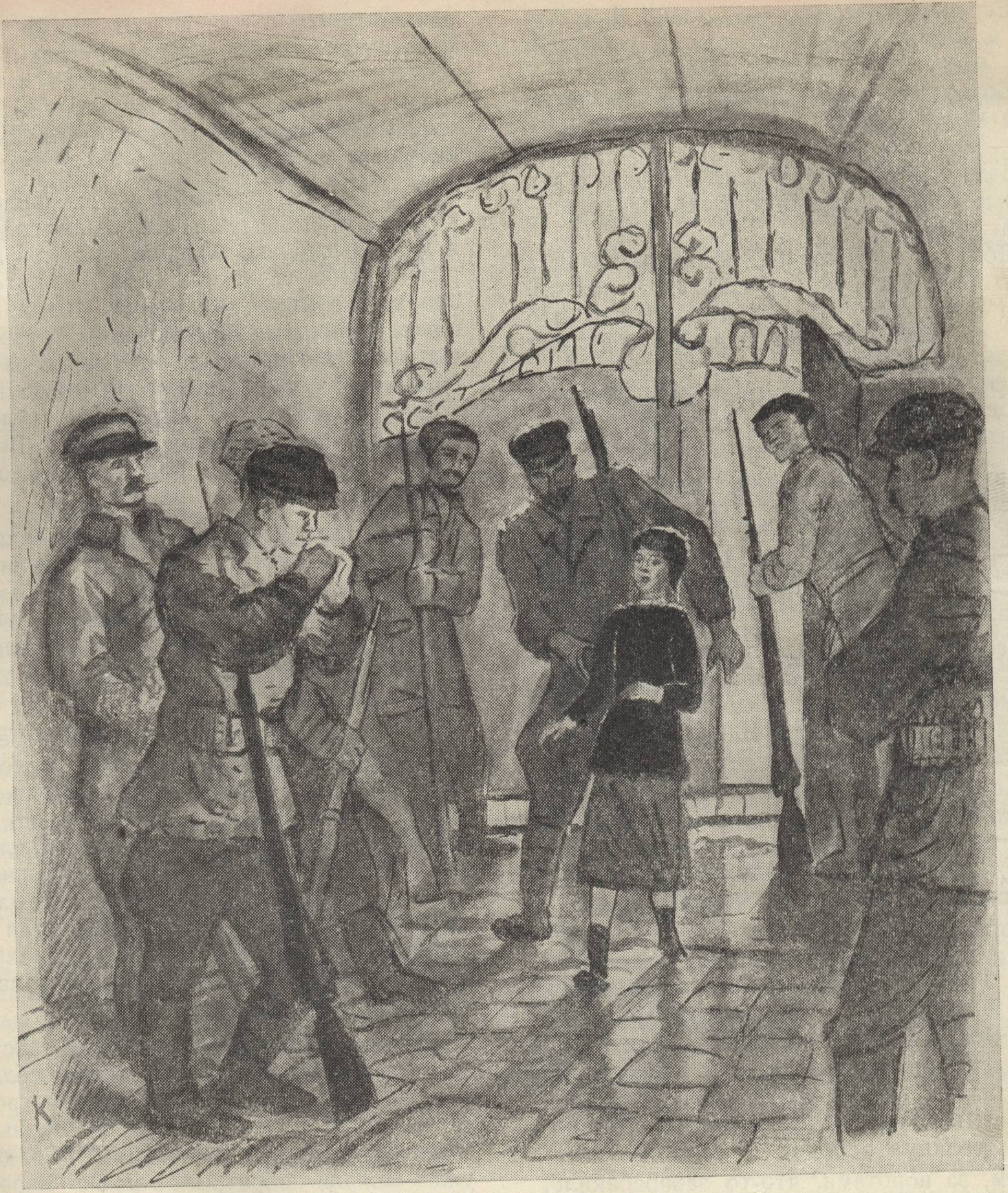
По улице приближался новый, все заглушающий томительный звук, похожий на вой сирены. Теперь уже от дождя и от дыма совсем ничего не было видно под воротами. Тени людей набегали и сливались. Верочку захватило общим движением и вынесло в толпе к самому выходу на улицу. Резкий высокий вой стал нестерпимым. Верочка увидела надвигающееся низкое чудовище, страшное своим незнакомым ей видом.

Люди из ворот бросились ему навстречу. Впереди бежало несколько солдат, взмахивая руками. В оглушающем грохоте вспышки огня казались бесшумными. Чудовище окуталось дымом. Солдаты уже бежали обратно. Больше Верочка ничего не увидела: врываясь в ворота, люди ее совсем затолкали. Она только различила удаляющееся гуденье.

Все вокруг возбужденно кричали. По смеющимся лицам Верочка угадала удачу. В следующее мгновенье она опять очутилась во дворе, посреди радостной и шумящей толпы.

— Удра-ал! — кричал высокий голос.

В общем говоре и крике повторялось слово «броневик». Верочка поняла, что его прогнали, хотя не заметила, кто и когда это сделал. Общая радость и воз-

— *Напугалась, девочка, — сказал бородатый.*

буждение захватили ее. Ей уже тоже хотелось кричать. Все мелькало у нее в глазах. Она совсем забылась.

Потом началось какое-то новое движение, толпа поредела, и Верочка неожиданно столкнулась с бородатым, который ее чуть не уронил.

— Постой-ка!—удивился он.— Это что же такое? Так нельзя,— и он взял Верочку за плечо и отвел ее в сторонку.

— Ну-ка, девочка, скажи мне: ты где живешь? — спросил он, заглядывая ей в лицо.— Надо тебя домой отправить.

Верочка немножко обиделась, что ею распоряжаются, как маленькой, но все-таки сказала дядин адрес.

— Ну, это тут рядом. Недалеко. Пошли.

Бородатый натянул на плечо ремень от винтовки, поправил его поудобнее, взял Верочку крепко за руку и зашагал в глубь двора.

Верочка очень плохо понимала все, что ей пришлось увидать в это утро. У нее были нелепые, детские представления о войне. Она была совершенно убеждена, что «противник» так и сидит всегда именно напротив, что солдаты метко стреляют в головы врагов и натыкают людей на пики.

Она не поняла, где сегодня скрывался враг и кто в кого стрелял. Обыкновенный двор с проходными воротами никак не вязался с ее представлением о боевой позиции.

Люди в воротах были тоже непонятны. Она даже приняла их сначала за домовую охрану. Потом они показались ей похожими на печатников из типографии.

Глубоко задумавшись, усталая и оглушенная Верочка шла машинально за своим провожатым. Занятая своими мыслями, она почти не замечала дороги. Бородатый ловко пробирался по узким проходам между сараями и помойками, пролезал сквозь щели и перепрыгивал загородки. В другое время Верочка удивилась бы, что взрослый человек пользуется лазами, которые обыкновенно известны только детям.

Бородатый неправильно истолковал ее молчание. Думая, что девочка очень напугана, он старался ободрить и успокоить ее ласковыми уговорами.

— Ну вот, сейчас и придем,— говорил он.— Сейчас дома будем. Ты не бойся.

Но Верочка не слушала его.

Она совсем не испугалась, потому что не поняла опасности и потому, что все произошло слишком быстро. Она ожидала другого и только очень удивилась.

— А почему он удрал? — спросила она неожиданно, останавливаясь у забора.

— Кто удрал?—не понял бородатый и тоже остановился.

— Броневик. Который гудел,— объяснила Верочка.

— Так ведь его гранатами закидали. Не видела? Двинцы, они молодцы. Как он обратно-то побег! Испугался.

Верочка вспомнила вспышку огня и то, как солдаты взмахивали на бегу руками.

В дядином дворе Верочка очутилась совсем неожиданно, слишком быстро, как ей показалось, и не с той стороны. Так что она и не поняла, что уже пришла, пока бородатый не постучал в знакомую кухонную дверь.

— Я сама! — спохватилась Верочка, опомнившись от задумчивости. Ей вдруг стало очень стыдно: привели, как маленькую, чуть не за руку, как будто она сама не найдет дороги. Но было уже поздно. Цепочка звякнула, и мама отворила дверь.

— Ваша девочка? — спросил бородатый, подталкивая Верочку.

— Моя,— сказала мама с легким удивлением.

— Ну, значит, ладно... На улицу сегодня нельзя ходить, дома пускай посидит,— и бородатый улыбнулся Верочке и вышел.

— Ты где ж это была? — спросила мама, запирая дверь, и опять как будто только с удивлением.

— Я хотела к Лидии Ильиничне пойти,— заговорила Верочка нерешительно, расстегивая и снова застегивая пуговицу на своем пальто. Она еще не знала, как себя держать, и смотрела на мать, соображая: давно ли ее хватились, ищут ли? Знает ли дядя?

Мама наполняла под краном клетчатый резиновый пузырь для льда. Завинтила крышку и обтерла ее полотенцем.

Верочка всю жизнь знала маму именно такой: всегда ровной, всегда невозмутимой, неспособной испугаться, рассердиться или расстроиться. Она привыкла к этому спокойствию и все-таки часто не понимала его. Так сейчас нельзя было угадать: знала ли мама о ее бегстве из дому и сердится ли она?

— Кто ж это тебя привел? — спросила мама, захватывая полотенцем какую-то кастрюльку с плиты. Верочка молчала. Она не знала, что ответить на этот вопрос, так же как и на все остальные, которые должны были последовать. Она вдруг поняла, что ей будет очень трудно дать отчет о своей прогулке. Где она была? Что произошло? Лучше всего было бы ничего не рассказывать.

Мама уже шла с пузырем через прихожую. Она, очевидно, торопилась к тете Нине. Верочка пошла за ней. В дверях гостиной она столкнулась с дядей.

— Ты куда? — изумился дядя, заметив на Верочке пальто, которое она так и не сняла.

— Никуда! — выдохнула Верочка с облегчением и стала проворно снимать пальто. По вопросу дяди она поняла: ни-

кто ничего не заметил. И понятно, что мама удивилась, увидав ее за дверью.

Дядя все стоял и смотрел на Верочку поверх очков. Он был небритый, старый и страшный. Седая щетина на подбородке совершенно изменила его лицо. Верочка смотрела на него, как будто в первый раз увидела.

— Ты зачем же пальто надевала? — спросил дядя. И голос у него тоже был совсем другой, незнакомый.

— Так просто,— сказала Верочка и проскользнула в дверь.

В дядиной квартире все было по-старому. Но Верочке, пришедшей с воздуха, показалось еще темнее, еще душнее и еще нестерпимее. Она забралась в свое убежище между книжными шкафами, чтобы приготовить связный рассказ. Ведь допроса все равно не избежать. Но чем дольше она думала, тем больше убеждалась, что ничего не может рассказать как следует.

Как ни перебирала Верочка в памяти все виденное, похвалиться, казалось ей, было нечем. В Кремле она не была, разрушенных домов не видела, даже до Лидии Ильиничны не дошла. И еще домой вернулась чуть не за руку с провожатым. Видела ли она большевиков? Этот вопрос интересовал ее больше всего. Она боялась ошибиться.

«Нет, уж лучше ничего не скажу»,— решила она твердо.

Но никто ее не спрашивал. Мама, очевидно, никому ничего не сказала. Она несколько раз внимательно взглядывала на Верочку за столом, но, вероятно, не хотела говорить при всех, а после не могла отлучиться от тети Нины. Ночью Верочке снились путаные, тревожные сны, просыпаясь, она видела, как ярким светом вспыхивает треугольник внизу окна, там, где завернулось одеяло. Это прожекторы шарили по городу, нащупывая маневры врага.

Утром в первый раз забухала тяжелая артиллерия. Ревели гудки заводов. Рабочие Москвы перешли в решительное наступление.

Сжатые в четырехугольнике: Кремль — манеж — Александровское училище — Никитские ворота, — юнкера защищались уже из последних сил. Тяжелые орудия били с Воробьевых гор по Кремлю. Две трехдюймовые пушки обстреливали «Метрополь». Телефонная станция была взята. По главным улицам Москвы к центру продвигались большевистские окраины: Замоскворечье, Хамовники, Дорогомилово и Пресня — шли на помощь городскому району. Лефортовские орудия открыли огонь по Спасской башне. Замоскворечье перешло Каменный мост и опрокинуло юнкеров у храма Христа Спасителя.

На Николаевском вокзале высадились из поезда посланные Лениным две тысячи балтийских матросов. Рано утром прибыл из Шуи эшелон рабочих и солдат. Фрунзе спрыгнул с паровоза, построил свой отряд и повел его к Лубянке.

С каждым часом борьба становилась ожесточеннее. Москва превратилась в настоящее поле военных действий.

Нарастание грозных событий отражалось в дядином доме все усиливающейся паникой и растерянностью.

Глава 3

В ночь на 3 ноября вооруженные рабочие Москвы входили в Кремль.

А утром мама просто и коротко сказала Верочке:

— Одевайся, пойдем домой.

Верочка чуть не задохнулась от неожиданной радости.

— Ступай, ступай. Не держу,— желчно говорил дядя сестре.— Ты, кажется, рада? Дождаться не можешь? На улицах еще стреляют. А впрочем, ступай, раз тебе так не терпится. Там тебя ждут эти твои... большевики. Посмотрим, что они оставили от твоей квартиры. Ступай, ступай. И сын у тебя большевик, и сама на старости лет сдурела.

Верочка с нетерпением слушала дядино злобное ворчанье. Никогда прежде он не бывал так груб и так зол. Но теперь ей уже было все равно: никогда она больше сюда не вернется, никогда в жизни!

Она холодно чмокнула Сонечку в щеку, пахнущую душистым мылом, сердечно расцеловалась с няней и открыла выходную дверь, нетерпеливо оглядываясь на мать.

А мама прощалась со всеми приветливо и спокойно, как будто ненадолго, как будто она скоро снова придет.

«Нет, нет. Ни за что»,— думала Верочка.

На улице она глубоко и радостно вдыхала свежий осенний воздух. День был холодный, но ясный.

Верочка так рада была освобождению и так стремилась домой, что сначала совсем не смотрела по сторонам. Она только раза два рассеянно взглянула на небо, по которому плыли высокие, легкие тучки. Но понемногу странная тишина и необычный вид знакомых улиц проникли в ее сознание. Верочка стала оглядываться. Разбитые стекла, осыпавшаяся штукатурка. Большой дом с часами, на Лубянской площади, весь оббит, и каменные ранки, как оспой, обезобразили его фасад. Булыжники вывернуты из мостовой. Подбитая легковая машина накренилась на бок, раскрыв дверцу. И вокруг — ни души. Пустой город под ясным небом.

А вот «Метрополь», красивый дом с цветной каменной картиной наверху, которую Верочка так любила рассматривать. Большие рваные дыры нарушили ровные линии его граней и карнизов. И в ранах виден красный кирпич. Стекла пробиты кружками и звездами, на земле, возле дома, блестят осколки стекла, валяются бесформенные куски железа.

— Мама, посмотри,— сказала Верочка упавшим голосом.

Притихшая шла она сзади матери, оглядывая с недоумением знакомые улицы. Только в Охотном ряду она внезапно рассмеялась, увидев серую часовенку. Целехонька! Значит, Витя и Митя наврали. Просто не заметили ее со страху.

А вот у края улицы стоит что-то железное, странного вида, с круглыми низкими башнями. Подойдя ближе, Верочка узнала чудовище, которое она видела только на один миг, окутанное дымом. Сейчас оно безвредно, и странно видеть эту окованную броней боевую машину посреди пустой улицы.

— Вот, мама,—сказала Верочка,—этот броневик мы тогда прогнали!

Здесь, посреди пустой, разбитой улицы, Верочка вдруг поняла все, что она видела на Мясницкой. Она уже знала теперь, где скрывался враг и кто стрелял из ворот.

Мама посмотрела на нее удивленно.

— Я видела,— сказала Верочка уверенно. Теперь ей уже хотелось рассказать маме о том уличном бое. Она поняла его значение. Но у нее было слишком много новых, еще не ясных мыслей, и она замолчала, не находя слов для своего рассказа.

Большие ломовые дроги, нагруженные кирпичом, медленно проехали через площадь мимо манежа и скрылись в круглой башенке у входа в Кремль.

— Вот видишь, уже чинят,— сказала мама с удовлетворением.

И Верочка поняла, что мама тоже переживает все раны улиц.

Свернув в знакомый переулок, Верочка не могла больше сдержать своего нетерпения и бросилась домой бегом. Взлетев одним духом на лестницу, она громко застучала кулаком в дверь. Ей казалось, что так будет скорее.

Таня, бледная, в белой кофточке и черной юбке, отворила дверь и, вскрикнув, порывисто обняла Верочку.

— Наталья Павловна, милая! — говорила она, как будто полгода не виделась с мамой.

И мама, всегда такая сдержанная, тоже горячо ее расцеловала.

Освободившись от таниных объятий, Верочка бросилась по коридору в свою комнату, рванула дверь и остановилась на пороге.

Комната была как будто та же, и все-таки не та. Что-то изменилось, но сразу нельзя было определить, что именно. Все вещи на местах. Кровать, комод, пианино, полка с книгами. Все в том порядке, какой она оставила, уходя семь дней тому назад. Один ящик комода не плотно задвинут, и из него свисает петлей плечико сорочки. Это Верочка тогда не закрыла ящик как следует.

И вдруг она увидела маленькую дырочку в стене, как раз над комодом. И еще одну повыше. Она перевела глаза на окно. Окно закрыто, как было, но в стекле тоже маленькие круглые дырочки. И от одной лучами расходятся тонкие трещинки.

Верочка медленно подошла к комоду и увидела белый фарфоровый черепок на вышитой дорожке. Она тихонько шевельнула его пальцем, не понимая, откуда он мог взяться, подняла, повернула и — вспомнила: здесь стояла фарфоровая собачка со смешными вытаращенными глазами, подарок Сонечки в день рождения. Так, значит, собачка разбилась? Верочка тихонько положила обратно черепок, так и не угадав, какую часть собачки он составлял, и прошла в другую комнату.

Вот еще дырочки в стене: над столом, где лежат мамины корректурные полосы. Она тогда ушла, не успела их убрать. Ве-

— Живой будет,— говорил он.— Только плечо ему маленько повредило.

рочка потрогала узкий листок с очень черными, жирными строчками. Посмотрела в окно. И здесь дырочка. Около самой рамы выбит маленький уголок стекла.

Значит, здесь действительно стреляли. И вот эта дырка над маминым столиком, тут мама сидела... Что же это? Ведь и в нее могло попасть, как попало в собачку? Вот над диваном еще дырка, побольше, и обои висят лоскутком. Верочка проследила глазами путь пули от окна до стены, через комнату, и вздрогнула.

Тут сидела мама. Ее могло убить. Верочка стояла посреди комнаты, сжав руки, с широко открытыми глазами. И вдруг плечи у нее вздрогнули и она, плача, опустилась на диван, закрывая лицо руками.

Только теперь, дома, в своей комнате, Верочка поняла, поверила по-настоящему, что пуля может убить, что тогда на Мясницкой ее спасли от смерти. И поняв, что такое опасность, Верочка в первый раз в жизни почувствовала холод страха, хотя сейчас ей уже нечего было бояться.

Мама вошла в комнату с Таней. Она как будто не удивилась, что Верочка вскочила с дивана с заплаканным красным лицом. У нее у самой, показалось Верочке, были слезы на глазах. Таня всхлипывала, сжимая в руке мокрый комочек платка.

— Помнишь, солдат к нам приходил? — спросила мама.

Верочка кивнула головой.

— Его убили. В типографии.

Таня всхлипнула громче.

«Такой веселый! Зачем же его?» — неясно мелькали мысли в верочкиной голове.

Таня зарыдала, скомкала платочек и убежала в свою комнату. Мама вышла за ней.

Оставшись одна, Верочка быстро заходила взад и вперед по комнате, глотая слезы. Ей было жалко веселого солдата, и обезображенных улиц, и разбитой фарфоровой собачки.

Все было тихо в квартире, и тишина эта казалась Верочке жуткой. Дырочки в стеклах заставили ее неприятно поежиться.

— Что ж это я реву, как маленькая? Надо взять себя в руки,— прошептала она распухшими губами, потянула носом и тряхнула головой так сильно, что косички разлетелись и больно хлестнули ее по плечам.— Дура какая! — сказала она самой себе почти вслух и решительно остановилась.

В прихожей позвонили. Верочка сделала движение к двери, но Таня уже промчалась по коридору, зашуршав юбкой. Слышно было, что она разговаривает с кем-то в прихожей. Мама тоже вышла, скрипнув дверью.

«Что это там случилось?» — подумала Верочка и побежала посмотреть.

Таня с раскрасневшимся лицом и еще не высохшими глазами торопливо застегивала одной рукой свой черный жакетик, поправляя другой волосы перед темным зеркалом. Она растерянно улыбалась.

Красногвардеец в накинутой на плечи шинели и серой папахе, большой и бородатый ждал ее у двери.

— Живой будет,— говорил он.— Только плечо ему маленько повредило. Доктор хороший, он вылечит.

Верочка взглянула на мать, на Танечку и по счастливому лицу ее догадалась, кто будет живой. Она быстро вытерла рукой глаза, еще мокрые от слез.

— Не надо плакать, девочка,— сказал красногвардеец,— теперь только самая жизнь начинается!

И вдруг всю верочкину тоску как рукой сняло.

«Кончился старый мир! — подумала она и вспомнила мрачный дядин дом.— И война кончилась, и брат скоро приедет, и теперь только начнется все самое хорошее!».

— Я пойду! — торопливо бросила Таня и стремительно вышла. Солдат в папахе последовал за ней.

— Мама, как хорошо! Правда? — сказала Верочка, прижимаясь к матери.

— Ну, конечно, хорошо, детка,— ответила мама, целуя ее в волосы. — Теперь, верно, скоро и Горя вернется. Ты подожди меня, я скоро приду. Только загляну к старушке Турчаниновой. Как она там прожила эти дни?

Когда дверь за мамой затворилась, Верочка побежала вприпрыжку по коридору и влетела в комнату, загремев дверью. Теперь она уже больше не смотрела на дырочки в стеклах. Радостно улыбаясь, Верочка ходила по комнате, трогая и переставляя вещи. Подвинула стул, поправила фотографию, выровняла книги на полке, взбила вышитую подушку на диване.

Потом она вытащила из нижнего ящика комода запрятанную под бельем клеенчатую тетрадку, дневник, и села за стол, чтобы записать в него события этих семи необычайных дней. Вывела красиво на чистой странице число и остановилась, задумавшись, не находя слов.

«С чего начать?» — недоумевала Верочка, подперев кулаком щеку.

Она перелистала тетрадку. Крупным почерком, с восклицательными знаками чуть не в полстраницы величиной там были записаны разные школьные происшествия: шалости на уроках, ссоры с подругами. Все это было теперь так далеко.

«Неужели это я писала?» — удивлялась Верочка. И ей стало стыдно этого смешного детского дневника, как будто прошло много лет с тех пор, как она в последний раз его открывала.

«Может быть, вырвать все это? — поколебалась она.— Ну ладно, пускай остается. Зато теперь пойдет настоящее».

Но настоящее было слишком сложно. Оно не укладывалось в слова. Верочка с досадой грызла зубами ручку.

Ей казалось, она видела слишком много. Этого совершенно невозможно записать. «Хотя бы самое главное только сказать»,— облегчала она себе задачу, уже отказываясь от мысли передать на бумаге все, что произошло в ее жизни за эти дни.

И она написала большими буквами посреди страницы: «Случилась революция, и кончился весь старый мир»,— и прибавила еще подумав: — «А к дяде мы больше не пойдем!»

Автопортрет Лермонтова 1837 года.

Лермонтов в Грузии

Ираклий Андроников

Первая ссылка на Кавказ

О пребывании Лермонтова в Грузии в 1837 году почти ничего неизвестно.

Начнем с того, о чем мы знаем. Мы знаем, как Лермонтов выглядел в то время.

Портрет в бурке Лермонтов нарисовал с себя сам, глядя в зеркало. Одет Лермонтов в форму Нижегородского драгунского полка: в черкеску с газырями на груди и бурку. Таким его видели в Грузии.

Мы знаем, что за стихи на смерть Пушкина Лермонтов был арестован и что вскоре последовало «высочайшее повеление» царя о переводе Лермонтова в Нижегородский драгунский полк. Полк этот стоял на Кавказе, в Грузии, и часто ходил в экспедиции против горцев, с которыми царское правительство вело тогда продолжительную кровопролитную войну. Ссылая Лермонтова на Кавказ, под пули горцев, царь и его приближенные рассчитывали на то, что оттуда трудно вернуться: горская пуля быстро прекращала жизнь, которая была неугодна царскому правительству.

По дороге на Кавказ Лермонтов заболел и получил разрешение остановиться в Пятигорске для лечения. Когда, поправившись, он приехал к месту своего назначе-

ния, военные действия на время затихли, и полк возвратился на зимние квартиры в Кахетию.

В письме к приятелю Святославу Раевскому Лермонтов рассказал о своей жизни на Кавказе, о поездках вдоль линии военных действий, о путешествии по Кавказу. Только описал он все это очень коротко: «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...»

Ни о своих произведениях, ни о новых замыслах, ни о том, с кем познакомился, ни о том, что передумал и перечувствовал он в ссылке, Лермонтов ничего не написал. Только в одном месте упомянул: «хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные».

Имен Лермонтов не назвал, конечно, сознательно. Раевский, которому адресовано письмо, был сослан из Петербурга в Олонецкую губернию за то, что распространял стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». Другие письма Лермонтова к Раевскому пропали. «Либо мои два письма пропали на почте,— писал ему Лермонтов,— либо твои ко мне не дошли». Повидимому, перепиской двух сосланных друзей интересовались жандармы. Понятно, что Лермонтов из осторожности говорил в письме не о главном, а сознательно описал только внешние события из своей жизни на Кавказе. Поэтому-то так трудно восстановить сейчас этот пробел, восстановить то, о чем Лермонтов сам сознательно умолчал.

Мы знаем, что на Кавказе Лермонтов задумал поэму «Мцыри», сказку «Ашик Кериб», новую, окончательную редакцию другой поэмы — «Демон», на Кавказе стал писать роман «Герой нашего времени». А эти произведения относятся к числу его лучших, самых зрелых произведений.

Не даром Белинский писал о том, что Кавказ стал колыбелью поэзии Лермонтова.

Жизнь Лермонтова на Кавказе, в Грузии,— не случайный эпизод, а очень важный период в его творчестве. А именно об этом-то периоде нам почти ничего неизвестно.

Неужели ничего уже нельзя восстановить?

Осталось много воспоминаний и записок современников, рисунков, в которых описаны и зарисованы и Кахетия, и Тифлис того времени, и Нижегородский драгунский полк. Сохранились описания быта и нравов. По описаниям, по картинкам мы должны установить, что видел, что мог видеть Лермонтов в Грузии. Впечатления, образы, темы, которые возникли у Лермонтова за время пребывания в ссылке, легли в основу его новых произведений. Поэтому-то и важно установить, какова была Грузия того времени, с кем мог встречаться Лермонтов, что он видел и слышал.

А как путешествовали в Грузию в те времена?

Лермонтов не мог попасть в Тифлис иначе, как по Военно-Грузинской дороге, которая соединяет через главный Кавказский хребет Владикавказ (теперь город Орджоникидзе) с Тифлисом.

Путешествуя по этой дороге, вы на протяжении двухсот с небольшим километров наблюдаете все разнообразие природы. Вы будете подавлены, ошеломлены величием Дарьяльского ущелья, где пляшущий Терек среди угрюмых, безжизненных скал с грохотом стремительно несется, разъяренный, сдавленный неприступными утесами, навстречу путнику. В некоторых местах скалы сдвигаются так близко, что ущелье кажется трещиной в горах, а дорога, выдолбленная по самому краю ущелья, вьется, прилепляясь к горам над крутизной, как по карнизу. Ущелье так глубоко, так холодно и мрачно, что небо кажется оттуда голубой лентой. Солнце заглядывает в Дарьяльскую теснину часа на три. Все остальное время там полумрак. Терек бурлит, не умолкая, сотрясая холодный воздух и скалы. Выехав из ущелья, долго не привыкаешь к тишине, кажется, будто мир вовсе лишился звуков.

Проезжая через Дарьяльское ущелье, Лермонтов делал зарисовки. Он хорошо рисовал.

Ехал он на перекладных. Так назывались казенные лошади, на которых путешественники ездили от одной станции до другой. На станциях ночевали. Путешествовать по Военно-Грузинской дороге было небезопасно. Горцы много раз пытались прервать сообщение с Грузией. С утра на станциях закладывали новых лошадей в удобную тележку. В этих тележках совершали путь от самого Петербурга. За день успевали миновать две станции, иногда три. Путешествие от Владикавказа до Тифлиса длилось несколько

дней. А иногда по многу суток сидели на станции Коби, потому что между этой станцией и Крестовым перевалом часто бывают снежные обвалы. Приходилось ждать, пока расчистят дорогу от снега. Бывали случаи, когда обвалами засыпало и путешественника, и ямщика, и повозку. От станции Коби едут тихо, стараются громко не говорить: от звука голоса, от слабого сотрясения воздуха лавина может стронуться с места — и тогда пиши пропало. И до сих пор езда по Военно-Грузинской дороге безопасна только в летние месяцы.

Дарьяльское ущелье.
С автолитографии Лермонтова.

От станции Коби дорога идет на Крестовый перевал. Путешествие через Крестовую гору Лермонтов описал в «Герое нашего времени», в повести «Бела». На Крестовой горе лежит снег даже летом.

Другая страна

Перевалив через Крестовую гору, дорога, невидная в море тумана, спускается вниз, к Гуд-горе. И вдруг прорываются окна в тумане, слепит голубое небо, в лицо пахнуло теплом — и вы видите Кайшаурскую долину, всю сразу.

Вы над нею. До нее еще далеко, и с высоты она, окруженная со всех сторон безмерным кольцом гор, кажется вам прозрачным морем с зазубренными берегами под другим опрокинутым морем неба. Мутная, молочно-белая стремительная Арагва скачет и плещет в каменном ложе. Развалины старинных башен с бойницами, аулы, прилепившиеся к неприступным утесам, кажутся отсюда ласточкиными гнездами.

Из всего путешествия Кайшаурская долина произвела на Лермонтова, наверно, самое сильное впечатление. Не даром он описал ее в поэме «Демон». А разве первая страница романа «Герой нашего времени», которую Лермонтов начал с описания Кайшаурской долины,— не самый замечательный пейзаж во всей русской литературе?!

Спустившись в долину, вы миновали половину Военно-Грузинской дороги, а дальше идет уже настоящая Грузия: припекает солнце, дорога становится пыльной, по обеим сторонам ее появляются плодородные виноградники, поля, разноцветными лоскутами взбегающие на склоны гор. Скрипят арбы, запряженные равнодушными буйволами, слышны голоса песен, шум Белой Арагвы, которая, посторонившись, то отдаляясь, то приближаясь, провожает дорогу до Мцхета.

Из бесплодного Дарьяла вы попадаете в новую страну.

Когда вы впервые едете по Военно-Грузинской дороге, вам все время приходят на память стихи Пушкина и стихи Лермонтова. Они предупреждают вас на всем пути. А в то время эти впечатления от путешествия были еще новее, еще необычайнее. Ведь в то время, когда ехал Лермонтов, были только стихи Пушкина.

Перевалив через Крестовую гору, Лермонтов бросил тележку и «стал ездить верхом».

«Лазил на снеговую гору (Крестовая), на самый верх, что не совсем легко,— писал он Раевскому,— оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке... Так сидел бы да и смотрел целую жизнь».

Из целой коллекции рисунков, которые Лермонтов сделал в Грузии, сохранилось только пять. Один из них изображает развалины на берегу Арагвы.

На Военно-Грузинской дороге нет не только больших городов, но даже и селений. Суровая погода Дарьяла, каменистые утесы Гуд-горы не способствуют хлебопашцу. Жители этих мест хлеба почти не сеют, виноград не вызревает в холодных ущельях. Поэтому здесь занимаются скотоводством, пасут овец на сочных горных лугах, на неприступных кручах.

Станции Ларс, Казбек, Коби, Гудаур в то время были маленькими крепостями, в которых можно было обороняться от нападения горцев. Несколько домов, сложенных из крепкого камня, составляли селения Казбек и Коби. У слияния Арагвы с рекой Курой расположилась первая большая станция — Мцхет. Отсюда не больше двадцати верст до Тифлиса.

Мцхет основан задолго до нашей эры. До IV века этот город был столицей Грузии, но уже в V веке столица была перенесена в Тифлис. Сохранился мост, построенный во Мцхете римскими легионерами Помпея, которые шли через Грузию на Восток.

Лермонтов осматривал сумрачные стены старинного Мцхетского собора, украшенные древними фресками. Тысячелетней историей веяло под его сводами. Пол был вымощен могильными плитами с именами грузинских царей. Этот собор Лермонтов описал в поэме «Мцыри»:

«Немного лет тому назад
Там, где сливаяся шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ».

Мцхетский собор, в полу которого вделаны могильные плиты с именами грузинских царей, цел до сих пор; его можно осматривать. А на высокой остроконечной горе за Курой находится полуразрушенный монастырь Джварис Сакдари. Очевидно, описывая в «Мцыри» мцхетскую обитель, Лермонтов имел в виду и этот монастырь и как бы объединил в один два собора, потому что могильные надписи он мог видеть в одном, а «столбы обрушенных ворот» — в другом.

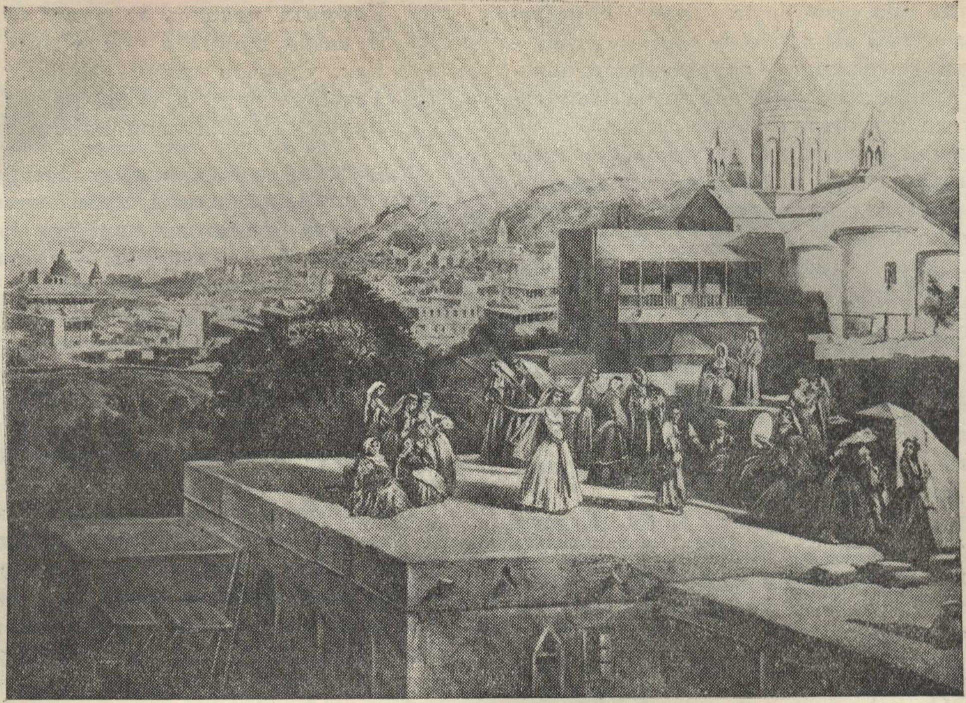
Военно-Грузинская дорога кончалась. С последнего пригорка у Гартискарской заставы Лермонтов увидел Тифлис. После многих дней пути по дикому ущелью Дарьяла и садам долины Арагвы Лермонтову должно было казаться, что раскинувшийся меж склонами гор этот необычайный город с плоскими кровлями домов и остроконечными куполами церквей стоит на краю света. Тбилиси считался в то время большим городом. На самом деле он был совсем маленьким: население его едва превышало 30 тысяч. Эриванская площадь, по которой теперь, в дни наших праздников, сомкнутым строем проходят перед трибунами танки и бронемашины, артиллерия, пехота и сотни тысяч тбилисцев,— эта главная площадь города представляла собой в то время громадный пустырь, перерезанный оврагом. Здесь были расположены двухэтажное здание Главного штаба, дом полиции, ресторация Матасси и здание духовной семинарии.

Посреди площади были сложены бревна для новых построек, на них по вечерам располагались покурить и покалякать жившие в ближайших кварталах тифлисцы и русские офицеры и чиновники. Иногда приглашали зурну и устраивали танцы тут же, на площади. Молодежь танцовала, а все собравшиеся хлопали в ладоши в такт музыке. Город жил по-домашнему.

А там, где сейчас обсаженная платанами, асфальтированная Сололакская улица, был другой овраг. Отсюда начинались в то время знаменитые сололакские сады, а по ночам за оврагом выли шакалы и волки.

По ночам город не освещался. Исключение составляло здание полиции, около

4*

С рис. Г. Гагарина.

Лезгинка.

которого горел один фонарь. Два другие фонаря освещали дом главноуправляющего Грузией барона Розена. Русские офицеры много лет спустя вспоминали о том, как, возвращаясь по вечерам из гостей, не раз падали в овраги и буераки. Наверно, и Лермонтов падал.

Мостовых в Тифлисе в то время не было. В сухие, жаркие дни стояла невообразимая пыль. А когда шли дожди, грязь была невылазная — пешком трудно было выбраться из дому. Экипажей в то время в Тифлисе было мало. Только восемь — девять грузинских аристократических семей имели собственные выезды. Остальные жители ездили на тряских дрожках. Садились на них боком или верхом. Когда дрожки начинало подбрасывать на ухабах, удержаться на них с непривычки было очень трудно. Но тифлисцы настолько к ним приспособились, что даже девушки ездили вчетвером и впятером на этих дрожках. Две садились на дрожки верхом, лицом друг к другу, а две другие, сидя у них на коленях, сплетали руки и, обнявшись, этаким букетом неслись по городу на дрожках, на которых и крепкий офицер мог усидеть с трудом. А сзади, на запятках, непременно помещался маленький мальчик — «бичо»,— без которого девицам выходить на улицу считалось неприличным.

Так девушки и ездили в гости друг к другу. У большинства из них только и было развлечений, что ходить в церковь и в баню, ездить в гости на дрожках, а по вечерам танцовать на крыше лезгинку. А каждый четверг, с утра, чуть ли не все женщины Тифлиса шли на гору к церкви святого Давида. Около этой церкви похоронен великий писатель Грибоедов.

Грибоедов — русский посол в Персии — погиб в Тегеране в 1829 году. Его тело перевезли в Тифлис, и жена Грибоедова похоронила его у подножия монастыря святого Давида. С тех пор для каждого, кто любил русскую литературу, Давидовская гора стала местом поклонения.

Лермонтов очень любил Грибоедова, и нельзя допустить, чтобы он не побывал на его могиле.

Девушки и женщины белой вереницей поднимались на гору к источнику, который, как гласило поверье, приносил счастье влюбленным и утешал несчастных. Они шли по дорожкам в белых платьях.

Совершив обряд, они располагались на горе для отдыха. И снизу, из города, гора казалась белой, как от снега.

Но самой замечательной была восточная часть тогдашнего Тифлиса. Европейского города, собственно, еще и не было. Во времена Лермонтова город еще только начинал застраиваться европейскими домами. Дома строились на большом расстоянии друг от друга и разделялись садами.

Восточный город — Армянский базар и Майдан — начинался от Эриванской площади и состоял из целого лабиринта узеньких переулочков, застроенных маленькими лавочками. Переулочки были такие узкие, что в некоторых местах можно было коснуться руками обеих стен сразу, такие кривые, что можно было пройти по переулку и вернуться на то место, откуда ушел. Как будто нарочно строили такие кривые переулки. Тут чеканили серебро, чернили оружие, торговали хлебом и фруктами, варили плов из рису и тут же, под открытым небом, жарили шашлыки из баранины, ковали лошадей, стригли головы, тачали обувь, топили сало, разливали вино.

На низких плоских кровлях играли дети, ругались между собой соседки. Говор, гомон, топот, стук молотов по наковальням, шум кузнечных мехов, крик ослов, острый запах дикого чесноку, аромат фруктов, чад от жаровень, терпкая прохлада винных погребков поражали и слух и обоняние. А глаза... глаза разбегались от неожиданности. Тут можно было увидеть пеструю, разноречивую толпу, услышать смешение языков: грузинского, армянского, азербайджанского, персидского, турецкого. Толпа говорит на всех языках, кричит, спорит, а двигаются все очень медленно; эта черта отличала в то время южные народы. Особенно на базаре медленно двигались, не торопились жить. Над городом висела жара.

Дальше, где с горы уступами сбегают развалины старой стены, защищавшей Тифлис от нашествия персов, была Майданская площадь. Тут располагались караваны из дальних краев: из Персии и Турции. Здесь торговали зерном, солью, вином в бурдюках. Караваны верблюдов и лошадей, арбы, запряженные парой, двумя или тремя парами буйволов,— все это толпилось на Майданской площади. Погонщики били верблюдов по шее, чтобы заставить их лечь. Кричали погонщики, ревели жи-

С рис. Г. Гагарина.

Площадь на Майдане.

вотные. Тут же, собравшись в кружок, народ слушал ашуга. Конечно, Лермонтов не раз бродил здесь, ведь он даже нарисовал эту площадь. Рисунок найден недавно, несколько месяцев тому назад.

Площадь на Майдане нарисовал и художник Гагарин. Крепость на горе, которую вы здесь видите,— это Метехская крепость. Она прежде была резиденцией грузинских царей, до тех пор пока Грузия не присоединилась к России. Направо Караван-Сарай, большое двухэтажное торговое подворье: в нижнем этаже его были лавки, а наверху жили купцы. В Караван-Сарае целый день толкался торговый люд.

На Майдане можно было встретить и грузина в черкеске с позументами, перепоясанного поясом с дорогим набором, и перса в маленьких зеленых туфлях и в халате, опоясанном шолковой шалью, и ремесленника-азербайджанца с походным мешком, в который укладывалось все его имущество, русских, армян, турок, черкесов, представителей самых разных народов.

С наступлением темноты Караван-Сарай запирался, жизнь замирала на площадях и в переулках. Зато оживали крыши. На плоских кровлях начинались вечерние танцы. Танцовали девушки и женщины под звуки бубна.

В Тифлисе можно было, не спускаясь на улицу, обойти целый квартал по плоским кровлям: закон тифлисского гостеприимства, одинаково свойственный и грузинам, и армянам, и азербайджанцам, позволял незнакомцу пройти по кровле чужого дома, и тот, кто попал на крышу, сразу становился гостем хозяина дома.

За Майданской площадью и сейчас находятся знаменитые серные бани. Помните, как описал их Пушкин в «Путешествии в Арзрум»? Помните безносого банщика Гасана?

И Лермонтов в письме к Раевскому писал с восторгом: «Что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани!» Лучшими в те времена считались бани «архиерейские», доходы с которых поступали в пользу тифлисского архиерея.

Когда затихал базар и умолкали звуки зурны и песен, Тифлис погружался в сон. Только изредка проскачут всадники, залают собаки или проскрипят порожние арбы. Потом затихало все. Луна наводила черноту теней на окрестные горы, на сонные башни, да Кура крутилась и буйно плескалась у скалистых берегов и мчала мутные воды под высоким мостом.

Наверно, Лермонтов стоял по ночам на мосту, наблюдая, как утекает вода, как засыпает город, убаюканный шумом реки. Ведь он хорошо знал Тифлис и замечательно описал его в стихотворении «Свидание»:

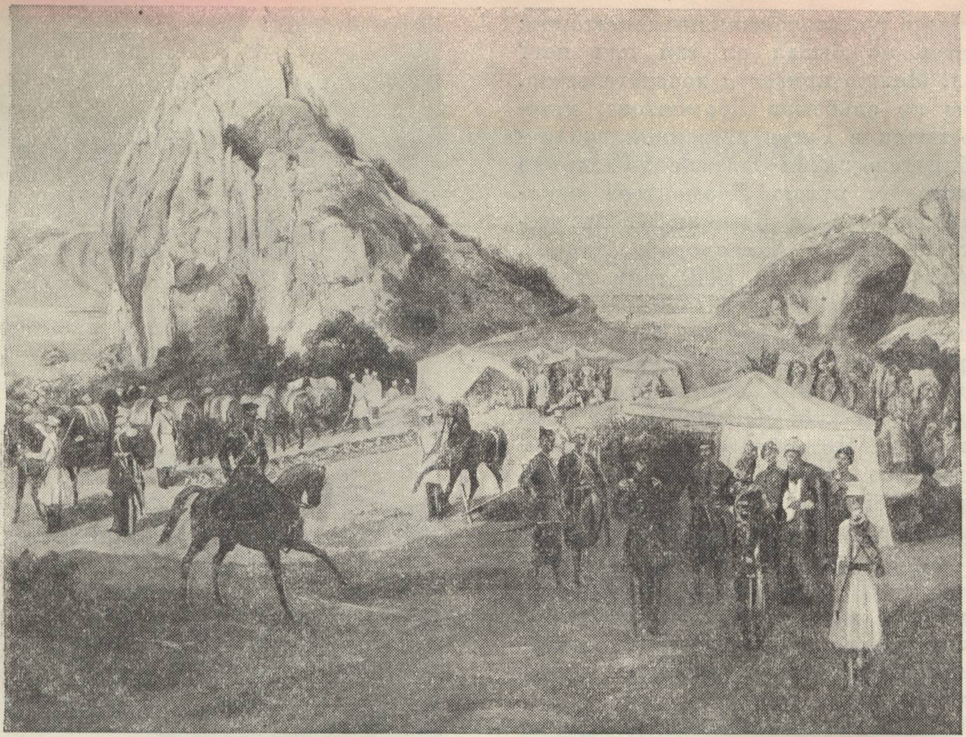
«Уж за горой дремучею
  Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
  Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
  Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
  В ущельи мгла и дым.
. . . .
Внизу огни дозорные
  Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
  Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
  Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
  Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
  Бредут, едва скользя...
Но под чадрою длинною
  Тебя узнать нельзя!..»

Цинандали

Из Тифлиса Лермонтов уехал в Кахетию, к месту стоянки Нижегородского драгунского полка. Постоянная «квартира» полка была в местечке Караагач.

Отсюда открывается вид на Алазанскую долину, на серебряные петли Алазани и на нежно-синий хребет, отделяющий Грузию от Дагестана. Селения, пирамидальные тополя, деревья грецких орехов, чинары, разбросанные по долине, кажутся отсюда черными точками, темными черточками — так широка долина, так ве-

С рис. Г. Гагарина.

Стоянка Нижегородского полка в Кахетии.

личественна перспектива, разделяющая горы.

Природа Кахетии располагает к созерцательной жизни; глаз невозможно оторвать от долины, исчерченной линиями полей и виноградников, от гор, поминутно меняющих окраску, величественных и мягких. От восхода и до заката царят над миром эти живые горы.

Здесь служил Лермонтов.

Нижегородский драгунский полк с давних пор стоял в Караагаче.

Среди его офицеров были люди, серьезно занимавшиеся науками, выписывавшие из России книги.

Русских офицеров, служивших в Кахетии, сблизил с грузинским обществом Александр Герсеванович Чавчавадзе, который был офицером, а в одно время даже командиром полка.

Но Чавчавадзе знаменит не тем, что он служил в Нижегородском полку, он один из самых замечательных грузинских поэтов.

Когда Лермонтов был сослан в Нижегородский полк, Чавчавадзе давно уже не служил в нем. Он вышел в отставку еще в 1820-х годах. Но мы знаем, что офицеры попрежнему ездили к Чавчавадзе в его имение Цинандали. Может быть, и Лермонтов бывал там? Одна из дочерей Чавчавадзе, Нина Александровна, была вдовой А. С. Грибоедова. Неужели Лермонтов не познакомился с ней? У нас нет об этом никаких сведений, но разве нельзя доказать это знакомство? По-моему, можно!

Для того чтобы дать своим дочерям европейское образование, Чавчавадзе еще в начале 1820-х годов пригласил к ним в качестве воспитательницы Прасковью Николаевну Ахвердову, умную и образованную женщину. Ахвердова прожила в семье Чавчавадзе около тридцати лет и по праву может считаться второй матерью Нины Александровны Грибоедовой. Но никто никогда не обращал внимания на то, что Ахвердова, урожденная Арсеньева, приходилась Лермонтову двоюродной теткой. А это дает некоторые основания считать, что Лермонтов мог бывать в имении Чавчавадзе.

Но одного предположения недостаточно: мог бывать, но бывал он там или нет?

Бывал! Можно привести доказательство. В одном из альбомов Лермонтова, который хранится в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, рукою Лермонтова написано: «Ахвердова на Кирочной». Это петербургский адрес Ахвердовой. Значит, когда Ахвердова уже в 1840 году ездила в Петербург, Лермонтов встречался с ней там. Значит, в 1837 году он был знаком с Ахвердовой и с семьей Чавчавадзе, да иначе и быть не могло, потому что Ахвердова еще до ссылки Лермонтова на Кавказ бывала в Петербурге и в Царском селе, где в то время служил Лермонтов.

Но, может быть, в 1837 году Лермонтов и Чавчавадзе все-таки не встретились? Нет, встретились. Родственник Лермонтова Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях о разговоре с Лермонтовым по поводу «Демона» и упоминает о том, что Лермонтов, назвав жениха Тамары властителем Синодала, допустил неточность. «В Грузии нет Синодала,— пишет Шан-Гирей,— а есть Цинандалы, старинный замок в очаровательном месте в Кахетии, принадлежащий одной из древнейших фамилий Грузии, князей Чавчавадзе».

Почему же Шан-Гирею пришло в голову сопоставлять имя Синодала с Цинандали? Значит, Шан-Гирей знал, что имя Синодала возникло у Лермонтова под впечатлением пребывания его в Цинандали.

Значит, Лермонтов у Чавчавадзе бывал!

Так вот, оказывается, где наблюдал он жизнь новой страны, откуда узнал феодальный княжеский быт, описанный им в «Демоне»!

Увешанные дорогим оружием грузины, в чохах, сияющих позументами, встречались в доме Чавчавадзе с нижегородскими драгунами, щеголявшими в белых кителях и фуражках или в черкесках с газырями на груди. Здесь Лермонтов слышал, наверно, грузинские и персидские песни, которые исполняли приглашенные музыканты. Здесь, под звуки полковой музыки, в нескольких верстах от имения, в густых виноградных аллеях, устраивал Чавчавадзе обеды в честь приезжей грузинской знати. Здесь Лермонтов сам читал и слушал стихи хозяина и строки из бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которые под звуки «тари» запевал кто-нибудь из гостей. Здесь узнал он старинные обряды грузин, подымавших кулы, серебряные кувшины и чаши за здоровье гостей; здесь видел, как, запрокинув голову, грузин одним духом выпивал вино из турьего рога, оправленного в серебро.

А. Г. Чавчавадзе.

Здесь Лермонтов вел беседы с Чавчавадзе и с Ниной Грибоедовой...

Но почему же об этом не сохранилось сведений? Неужели в архиве поэта Чавчавадзе не осталось ни одной записки с именем Лермонтова, ни одного стихотворения его, пусть даже написанного чьей-нибудь неизвестной рукой?

Таких документов нет. Архив Чавчавадзе сгорел. В 1854 году, когда уже самого Чавчавадзе не было в живых, а Нина Грибоедова гостила в Мингрелии у сестры, лезгины перешли через горы в Кахетию и напали на Цинандали. Когда об этом узнали военные власти, лезгины были уже далеко, а Цинандали пылало.

В пожаре погиб весь архив Чавчавадзе, Ахвердовой и Нины Грибоедовой. Если бы архив был цел, мы давно бы знали о том, что Лермонтов был знаком с Чавчавадзе.

Смотр полкам

Один день из жизни Лермонтова на Кавказе мы знаем точно. 10 октября 1837 года в честь приезда Николая I в Тифлис был смотр полкам, принимавшим участие в летней экспедиции. Царь принимал смотр на Мадатовской площади, которую иначе называли «Кабахи».

На смотр вывели четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, в котором служил Лермонтов. Значит, Лермонтов был на смотру. А по воспоминаниям современников мы можем установить, что он в этот день видел.

С раннего утра полки были выстроены на площади. Толпы народа окружили ее плотной стеной. На балконах, выходивших на площадь, собрались родовитые фамилии Тифлиса. На одном из балконов расположилось семейство главноуправляющего Грузией — барона Розена.

Еще до приезда в Тифлис царь узнал о злоупотреблениях командира Эриванского полка князя Дадиани, зятя барона Розена. Николаю донесли, что зять наместника не раз использовал солдат на свои работы.

Развод назначен был от полка, которым командовал князь Дадиани. Царь вышел на площадь, окруженный свитой. Загрохотали барабаны, музыка загремела. Царь махнул рукой — водворилась тишина, и он громко приказал снять с Дадиани флигель-адъютантские аксельбанты. Комендант стал снимать их, но царю показалось это слишком долгим, и он закричал: «Сорвать!»

«Розен!» — громко позвал царь, но многие на площади услышали слово «розог». Толпа ахнула и отшатнулась.

Сын главноуправляющего молодой Розен подошел к Николаю и принял из его рук сорванные с Дадиани аксельбанты. А старик Розен поцеловал руку царю за проявление «монаршей милости» к зятю и сыну. Жена Дадиани и ее мать в обмороке лежали на балконе. Обесчещенного князя в тот же день на фельдъегерской тройке повезли в Россию, в Бобруйскую крепость.

Начался парад. Царь остался доволен выправкой полков и особенно эскадронами нижегородцев. Это косвенно отразилось и на судьбе Лермонтова. Видя, что царь в духе, Бенкендорф напомнил ему о хлопотах Арсеньевой и о заступничестве поэта Жуковского, говорившего о надеждах, связанных с Лермонтовым в литературе.

11 октября 1837 года последовал «высочайший» приказ по кавалерии о переводе прапорщика Лермонтова в Гродненский гусарский полк.

Гродненский полк стоял в военных поселениях близ Новгорода.

Майко

Получив разрешение вернуться в Россию, Лермонтов не торопился. «Если бы не бабушка,—писал он тогда Раевскому,— то я, по-совести сказать, охотно остался бы здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии».

Задержавшись в Тифлисе, Лермонтов продолжал бывать у Чавчавадзе.

Но откуда мы это знаем?

А вот откуда: недавно, пересматривая рукописи Лермонтова, я увидел, что на обороте листка со стихотворением «Спеша на север издалека» рукою Лермонтова написано: «Майко. Мая».

Майко и Мая — женские имена. Но чьи? Майко — распространенное в Грузии

ласкательное имя Марии, Мая — другое женское имя.

После долгих поисков я пришел к заключению, что Майко — это Мария Косроевна Орбелиани, прославленная красавица 1830—1840-х годов.

Почему же я думаю, что это именно она? А в этом меня убеждает то, что имена эти записаны вместе. Мая — имя другой красавицы — Маи Орбелиани.

Уже в 1882 году, через сорок лет после смерти Лермонтова, грузинский поэт Григорий Орбелиани в письме к своей приятельнице по поводу смерти одной женщины писал, что она была так же красива, как дочери Александра Чавчавадзе и как Майко и Мая Орбелиани.

Но ведь Орбелиани были в близком родстве с Чавчавадзе, а все родственники Чавчавадзе часто бывали в его доме. Офицер Торнау пишет в своих воспоминаниях, что уже с утра в гостиной Чавчавадзе начинали собираться родственники и родственницы, а за обед к столу садилось не меньше двадцати нежданных гостей.

Но, может быть, Чавчавадзе не были в то время в Тифлисе? Нет, были. Мы это знаем потому, что на четвертый день пребывания царя в Тифлисе грузинское дворянство давало бал, а на этом балу были и Нина Грибоедова и Майко Орбелиани. Значит, Чавчавадзе были в Тифлисе одновременно с Лермонтовым.

Встреча его с красавицами Орбелиани только лишний раз подтверждает это. Значит, эти, записанные Лермонтовым имена доказывают, что я прав: Лермонтов был действительно знаком с Чавчавадзе. В его гостиной Лермонтов записал имена Маи и Майко на обороте стихотворения, которое, может быть, даже прочитал там в тот вечер перед отъездом. А если так, то, наверное, Лермонтов познакомился и с другими поэтами Грузии: с Григорием Орбелиани и с Николози Бараташвили.

Эти люди составляли круг тогдашней интеллигенции Тифлиса, все они встречались друг с другом, и, если в Тифлис попадал новый человек, да еще поэт, такой, как Лермонтов, он должен был вскоре перезнакомиться со всем обществом. Поэтому можно предположить, что Лермонтов встречался в Тифлисе и с Вольховским. Вольховский был лицейским товарищем Пушкина. За участие в заговоре декабристов он был удален на Кавказ. До приезда

Нина Александровна Грибоедова.

С рис. Г. Гагарина.

Майко Орбелиани.

царя в Тифлис Вольховский, «старинный приятель» Чавчавадзе, был там начальником Главного штаба.

Лермонтов не мог написать имена всех этих людей сосланному Раевскому. Он упоминал только: «хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные».

Теперь мы знаем, кого он имел в виду.

Но что же дали Лермонтову эти знакомства? Как отразились они на его творческой биографии?

Надо попытаться установить сперва, как отразились грузинские впечатления в творчестве Лермонтова, и тогда ответ придет сам собой.

Жених Тамары

Над «Демоном» Лермонтов работал больше десяти лет. Он начал писать его еще в то время, когда учился в московском университетском пансионе. Ему было тогда четырнадцать лет.

Он задумал тогда поэму о любви демона и ангела к земной девушке — монахине. Мысль написать эту поэму пришла под влиянием чтения английских и французских поэтов: Байрона, Томаса Мура, Альфреда де Виньи и Ламартина.

В поисках времени и места действия демон долго блуждал у Лермонтова по разным эпохам и странам: сперва действие происходило вне времени и пространства — просто нигде. Потом Лермонтов собрался перенести его в библейские времена, в Палестину. Потом перенес в Испанию. Но вся Испания заключалась в испанской лютне и в лимонных рощах, про которые упомянул Лермонтов. Поэма долго не имела почвы.

Только после того, как Лермонтов побывал в Грузии, он нашел, наконец, обстановку для своей поэмы. Горы Кавказа, Казбек, который кажется пролетающему над ним демону «гранью алмаза», Дарьяльское ущелье, Кайшаурская долина — все это связало поэму с жизнью.

Безликая монахиня превратилась в красавицу Тамару, настоящую, живую грузинку — дочь князя Гудала. В поэме появились картины грузинского быта и природы.

Белинский, прочитав новую редакцию поэмы, писал приятелю: «Демон» сделался фактом моей жизни. Я твержу его себе, твержу другим, в нем для меня миры истины, чувств, красот».

Изменился сюжет поэмы. В поэме появился Синодал — жених Тамары, соперник демона. Это подсказала Лермонтову народная легенда о любви горного духа Гуда к красавице-грузинке.

Давным-давно, так начинается эта легенда, на берегу Арагвы, на дне глубокого ущелья, образуемого отвесными горами при спуске с Гуд-горы в Чертову долину, в бедной сакле убогого аула, росла как молодая чинара, красавица Нино. Когда она поднималась на дорогу, купцы останавливали караваны, чтобы полюбоваться красотой девушки.

С самого дня рождения Нино ее полюбил древний Гуд — дух окрестных гор. Хотела ли Нино подняться на гору — тропинка незаметно выравнивалась под ее ножкой и камни покорно складывались в пологую лестницу. Искала ли она цветы — Гуд хранил для нее лучшие цветы в расщелинах камней. Ни один из пяти баранов, принадлежавших отцу Нино, не падал с кручи и не стал добычей злых волков.

Нино была царицей всего пространства, где властвовал древний Гуд.

Когда Арагва в пятнадцатый раз со дня рождения девушки превратилась из ручья в бешеный мутный поток, любовь Гуда разгорелась так сильно, что он стал мечтать о том, как сделаться смертным человеком. Но девушка полюбила Сосико, сына старого Дохтуро, сакля которого была рядом с саклей ее отца. Сосико во всем ауле славился силой и ловкостью.

Старый Гуд заводил Сосико в горные трущобы, когда тот гонялся с ружьем за быстроногой арчви (газелью), застилал пропасти густым туманом и осыпал юношу метелью.

Наконец, ревнивый дух засыпал сакли влюбленных снежной лавиной.

В «Герое нашего времени», в повести «Бела», Лермонтов пишет: «Итак мы спу-

скались с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами...» Значит, Лермонтов знал легенду о любви Гуда.

Замысел поэмы о демоне, которую Лермонтов задумал еще в ранней юности под влиянием западной литературы, подходил к новой обстановке. Народные легенды и новые впечатления обогатили прежний замысел Лермонтова и помогли ему найти новые образы.

Но, может быть, Лермонтов слышал и другие легенды?

Развалины на берегу Арагвы в Грузии.

С рисунка Лермонтова.

Прикованный дух

В одном месте поэмы «Демон» Лермонтов, описывая плачущую Тамару, говорит:

«...ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье
И мыслит он: «то горный дух
Прикованный в пещере стонет»,
И, чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит».

Горный дух, прикованный в пещере к скале, — это богатырь Амирани, о котором на Кавказе у грузин, осетин, шапсугов существует множество легенд. Легенды эти рассказываются по-разному: в одних говорится о том, что Амирани — дух добра, который подобно Прометею прикован к скале за то, что принес людям с небес огонь и боролся за справедливость на земле; другие легенды гласят, что Амирани — злой дух, истребивший многих людей, — вызвал на борьбу самого бога, наказан за дерзость и должен томиться в цепях до дня светопреставления.

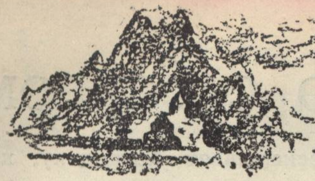
В одной из этих легенд, записанной еще в середине прошлого века, рассказывается о молодом пастухе, который, вскарабкавшись за козами на неприступные скалы, услышал необыкновенный звук: не то стон раненого зверя, не то гром. Сделав несколько шагов, пастух увидел в пещере богатыря, прикованного к скале толстой цепью. Сладким голосом богатырь стал умолять пастуха помочь разорвать его узы и освободиться из плена, в котором он томится уже много веков.

Неподалеку от Амирани лежал его меч, но он не в силах был до него дотянуться. Он попросил пастуха вернуться в деревню за толстой цепью, чтобы притянуть к себе тяжелый меч, который никто не в силах поднять, но пастух должен обещать при этом, что до возвращения не произнесет ни слова, иначе Амирани погибнет.

Пастух исполнил желание богатыря, но на обратном пути к пещере вступил в разговор с охотниками, которые выследили его, думая, что он отыскал клад. Со страшным грохотом скала с пещерой проваливается в бездну.

В одних легендах говорится, что пещера эта была около Казбека, в других — она на перевале над Кайшаурской долиной или на Эльбрусе.

Путешествуя по Кавказу, Лермонтов слышал грузинскую или осетинскую легенду об Амирани и воспользовался ею в работе над «Демоном».

Могила на Казбеке

Среди жителей деревни Гвелети, расположенной у подножья Казбека, существует поверье, что на Бешлам-Корте (Казбеке) живет горный дух Мягкинен, не допускающий смертных к священной горе. Этого духа никто не видел, но многие слышали петушиный крик, которым он пугает людей, дерзающих приблизиться к волшебному кругу, начертанному вокруг Бешлама, и за который никому не дозволено перешагнуть. Всякого охотника, посягнувшего на его дикие стада, дух сталкивает в пропасть и, разгневанный, засыпает обвалами Дарьяльское ущелье.

Другое поверье запрещает всходить на Казбек, потому что поднимется вихрь, буря, пойдет снег — и человек пропал.

Третье предание гласит, что на Казбеке есть монастырь, до которого никто не может добраться. Того, кто отважится на этот подвиг, одолевает сон, во время которого он незаметно для себя скатывается в пропасть. Окрестные жители рассказывают легенду об этом заоблачном монастыре.

Во время всемирного потопа господь остановил ковчег благочестивых супругов на Казбеке и повелел им питаться священным льдом. От этой пищи родилось у стариков семеро сыновей, белых, как снег Бешлама. После много было еще детей у стариков; потомки их разбрелись по земле, но семеро первенцев, чистых и непорочных, поселились под вечными льдами Казбека. Каждый день с восходом солнца они находили у себя в золотых сосудах роскошные яства.

Проходили века, но юноши не старились. Бог запретил им пускать в обитель грешных людей, и при исполнении божьего веления им было предназначено в удел бессмертие. Но однажды в келью младшего из братьев-монахов под видом охотника, скрывающегося от преследования, проникла красавица из деревни Гвелети.

Едва наступила ночь, как Казбек подернулся тучами, засверкали молнии, раздались удары грома — земля затрещала и пошатнулась в своем основании. Никогда с сотворения мира не было такой бури. Когда она утихла, монастырь был пуст, а на небе явилось новое созвездие семи братьев.

Много легенд о неприступном Казбеке рассказывают окрестные жители-мохевцы.

Народные предания о неприступном Бешлам-Корте и его заоблачной обители и побудили Лермонтова избрать вершину Казбека местом погребения Тамары:

«Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили
И разыгралася метель;
И громче хищного шакала
Она завыла в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах».

Отголоски этих же легенд о заоблачном монастыре слышатся и в заключительных строфах «Демона»:

«Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь, на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властию святой,
Видна меж туч еще поныне.

. . . .

И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;

. . . .

Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный сон не возмутит».

Единоборство с барсом

По дороге в Тифлис Лермонтов встретил во Мцхете одинокого монаха, старого монастырского служку, «бэри» — по-грузински. Это был сторож из упраздненного близлежащего монастыря.

Лермонтов разговорился с ним и узнал, что родом он горец, взятый в детстве в плен генералом Ермоловым. Генерал вез его с собой, но мальчик заболел, и Ермолов оставил его монастырской братии. Тут он и вырос, долго не мог свыкнуться с монастырем и пытался бежать. Его вернули. Он заболел и едва не умер. Излечившись, он навсегда остался в монастыре и привязался к старику-монаху.

По словам родственников Лермонтова, этот рассказ и лег в основу поэмы «Мцыри».

А на создание одного из лучших мест в поэме Лермонтова вдохновила старинная хевсурская песня о тигре и юноше, одно из самых любимых в Грузии произведений народной поэзии:

«Молвил юноша удалый:
«Стадо туров я следил,
По тропам, обвившим скалы,
День и ночь с ружьем ходил.
. . . .
Тигр напал на бездорожьи
Черной ночью на меня.
Взор страшнее гнева божья,
Полон желтого огня!»
Тигр и юноша сцепились
Средь полночной темноты,
Камни в пропасть покатились,
Обломалися кусты.
Щит свой юноша отбросил,
Щит в бою не помогал.
Был стремителен и грозен
Тигр горячий — житель скал.
Он на юноше кольчугу
Разодрал от самых плеч.
Вспомнил юноша о друге —
В руки взял свой франкский меч.
Взял обеими руками,
Тигру челюсть разрубил.
Тигр, вцепясь в скалу когтями,
Кровью крутизну облил».

Тему этой древней песни мы находим в гениальной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в том месте, где Тариэл рассказывает Автандилу, как он убил льва и тигрицу:

«Меч отбросивши, тигрицу я в объятья заключил:
Целовать ее хотел я в честь светила из светил.
Лютый нрав острокогтистой эту нежность отвратил;
Я убил ее во гневе, что сдержать не стало сил».

Борьба храбрых, жажда победы и подвига, которая выражена в народной хевсурской песне, вдохновила Лермонтова на создание сцены поединка Мцыри с барсом:

«И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом — и во мгле
Бой продолжался на земле.
. . . .
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном...»

В другой строфе поэмы Мцыри рассказывает о том, как он лежал на краю бездны, «где выл, крутясь, сердитый вал»:

«Туда вели ступени скал,
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда поверженный с небес
В подземной пропасти исчез».

В этих стихах о злом духе, провалившемся в подземную бездну, снова слышны отголоски мифа об Амирани.

Круг тем и образов Лермонтова обогащался от соприкосновения с народной поэзией. Лермонтов не подражал народным песням, но, вдохновленный ими, создал такие замечательные произведения, как «Песня про купца Калашникова», «Казачья колыбельная песня», горская легенда «Беглец», стихотворения «Дары Терека», «Тамара», поэмы «Демон» и «Мцыри».

Глубокое понимание духа русских народных песен помогло Лермонтову постигнуть красоту грузинской народной поэзии.

„Ученый татар. Али“

Никто не знал, что сто лет тому назад великий поэт Лермонтов протянул руку великому азербайджанцу и одним из первых положил начало дружбе и связи двух народов.

Но откуда нам это известно? Ведь сто лет об этом никто ничего не знал. А вот прочтите запись Лермонтова, которую до сих пор никто не мог разгадать.

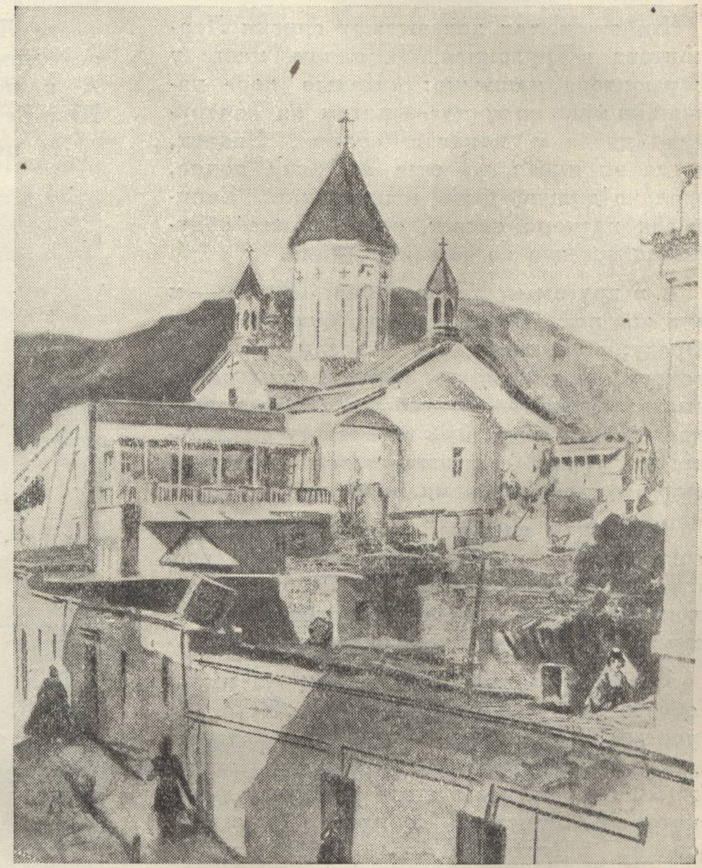
«Я в Тифлисе у Петр. Г., — ученый татар. Али и Ахмет;— иду за груз. в бани; она делает знак; но мы не входим, ибо суббота: Выходя, она опять делает знак; я рисовал углем на стене для забавы татар, и делаю ей черту на спине; следую за ней... она велит... вынести труп. Я выношу и бросаю в Куру. Мне делается дурно. Меня нашли и отнесли на гауптвахту: я забыл ее дом наверное. Мы решаемся отыскать; я снял с мертвого кинжал для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру... Узнают от денщика, что этот офицер долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью; но дочь вышла замуж; а через неделю он пропал. Наконец, узнаем, за кого эта дочь вышла замуж, находим дом, но ее не видать: Ахмет бродит кругом и узнает, что муж приехал и кто-то ему сказал, что видели как из окошка вылез человек намедни, и что муж допрашивал и вся семья.— Раз мы идем по каравансераю (ночью) — видим идет мужчина с этой женой; они остановились и посмотрели на нас. Мы прошли и видим, она показала на меня пальцем, а он кивнул головой; После ночью (двое) один на меня напали на мосту, схватили меня, и как зовут: Я сказал: Он: «я муж такойто» и хотел меня сбросить, но я его предупредил и сбросил.—»

В этом отрывке ясно сказано: «Я в Тифлисе». Неужели Лермонтов действительно выносил из бани труп неизвестного человека да еще сбросил в Куру и другого? Вряд ли!

Скорее это запись плана какой-то повести и рассказывает о себе не Лермонтов, а его герой.

Какую же повесть задумал Лермонтов? Офицер попадает в новую обстановку, не понимает обычаев страны и случайно становится соглядатаем чужой тайны. Его хотят утопить, но в борьбе он сам сталкивает в воду своего противника. Это сюжет «Тамани». Ведь действующие лица находятся там в таких же отношениях.

Сохранились свидетельства современников о том, что в городке Тамани с Лер-

С рис. Г. Гагарина.

Улица в Тифлисе.

монтовым в действительности произошел подобный случай. Значит, в Тифлисе такого случая быть не могло. Ведь не два же раза подряд Лермонтова хотели утопить?

Все это подтверждает, что отрывок «Я в Тифлисе у Петр. Г.» — план повести.

В Тамани Лермонтов был раньше, в Тифлисе — потом. И совершенно понятно, что действительный случай в Тамани начал в Тифлисе обрастать подробностями и превратился в замысел повести.

Но почему же Лермонтов перенес действие обратно, в Тамань?

А перенес потому, что в обстановке глухого городка случай с офицером, странствующим «с подорожной по казенной надобности», становился обыкновенным эпизодом кавказской войны.

Но, может быть, мне это кажется и запись: «Я в Тифлисе у Петр. Г.» — все-таки говорит о действительном приключении в Грузии?

Что это не так, доказывают списки Лермонтова в рукописи. В одном месте у Лермонтова написано: «Ночью двое напали на меня на мосту» — потом он зачеркнул «двое» и написал «один». Значит, когда он писал, то еще не знал точно, сколько должно быть нападающих. Записывая наскоро сюжет, он второпях обдумывал все это во время писания.

А в другом месте он начал: «Я за» — и тут же поверх написанных букв написал фразу: «меня нашли и отнесли на гауптвахту». Следующую фразу он начал опять: «Я за» — «Я забыл ее дом наверное». Стало быть, про гауптвахту он раньше не думал. И эта важная деталь пришла ему в голову во время писания.

Вот такой системой расшифровки описок, ошибок и поправок мы можем восстановить ход его мыслей. Забеги вперед показывают, что, пока рука писала, у Лермонтова возникали новые подробности.

Но если это повесть, то чьи же имена обозначены вначале? Кто это Петр. Г., ученый татар. Али, Ахмет, Геург, который делал кинжал убитому офицеру? Нет сомнения в том, что все это реальные люди, которых Лермонтов собирался описать в своей повести. Геург — действительно тифлисский оружейный мастер. В черновике стихотворения «Поэт» Лермонтов снова упоминает его имя:

«В серебряных ножнах блистает мой кинжал
Геурга старого изделье».

В Тифлисе Лермонтов встречался не только с грузинами, его интерес к стране не ограничился знакомством с Чавчавадзе.

Кто же такой «ученый татар. Али»?

Лермонтов начал брать уроки азербайджанского языка. Значит, он встречался с жившими в Тифлисе азербайджанцами (их называли тогда татарами).

Мы знаем, что по возвращении из ссылки Лермонтов написал сказку «Ашик-Кериб». Сюжет ее совпадает с народной азербайджанской сказкой. Правда, кроме имени Ашик-Кериба, имена у Лермонтова совсем другие, но теперь, после того как обнаружен лермонтовский автограф, не остается сомнений в том, что он обработал народную сказку про Ашик-Кериба.

В сказке Лермонтова соперника Ашик-Кериба зовут Куршуд-беком. А в одном месте Лермонтов ошибся и написал вместо имени Куршуд-бека — Шах-Валат. А в народной сказке соперника зовут Шах-Велед.

Но почему же Лермонтов назвал свою

Мирза Фатали Ахундов.

сказку «турецкой»? Значит, человек, который рассказывал ее, знал, что сказка об Ашик-Керибе, или Ашуге Гарибе, существует и в турецкой литературе. Значит, этот человек хорошо знал восточную литературу и языки.

Так у кого же Лермонтов брал уроки азербайджанского языка? Кто рассказывал ему азербайджанскую народную сказку? Ведь для того, чтобы давать Лермонтову уроки, этот человек должен был хорошо знать, кроме азербайджанского языка, и русский. Значит, это был очень образованный человек. Образованных азербайджанцев в то время в Тифлисе было немного. Мы знаем, что Лермонтов встречался с ученым азербайджанцем Али.

Образованных азербайджанцев, которых бы звали Али, было в Тифлисе еще меньше.

Может быть, даже один: Мирза Фатали Ахундов, или, как его называли в то время, Мирза Фетх-Али Ахундов.

Фатали Ахундов, замечательный азербайджанский поэт, служил в то время в Тифлисе в должности переводчика с восточных языков при канцелярии главноуправляющего Грузией барона Розена. Он числился на военной службе и, значит, в 1837 году состоял с Лермонтовым в одном гарнизоне.

Первые стихи, которые сделали его имя известным за пределами Кавказа, Ахундов написал в феврале 1837 года. Это была элегия на смерть Пушкина.

По этим стихам видно, что уже в 1837 году Ахундов хорошо знал не только Пушкина, но и всю русскую поэзию. Ахундов поразительно определил великое значение Пушкина:

«Ломоносов красотами гения украсил обитель поэзии — мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии, но властелином ее Пушкин был избран свыше.

Карамзин наполнил чашу вином знания — Пушкин выпил вино этой полной чаши...

...Россия в скорби и воздыхании восклицает по нем: убитый злодейской рукой разбойника мира!»

Этот перевод сделал писатель-декабрист Бестужев-Марлинский. Он был дружен с Ахундовым. В 1837 году Бестужев жил в

Александр Иванович Одоевский.

Тифлисе и брал у него уроки азербайджанского и персидского языков.

Можно ли допустить, что Лермонтов, сосланный в Грузию за стихотворение на смерть Пушкина, в городе, где чуть ли не все жители знали друг друга, мог не встретиться, не познакомиться с азербайджанским поэтом, тоже написавшим замечательные стихи на смерть Пушкина?

Знакомство состоялось.

А доказательством этому служит запись Лермонтова: «Ученый татар. Али».

К тому времени, когда Лермонтов приехал в Тифлис, Бестужева уже не было в живых: 7 июня 1837 года он был зарублен в сражении.

В Грузии Лермонтов встретился с другим декабристом — поэтом Александром Ивановичем Одоевским — и подружился с ним. Они служили в Нижегородском драгунском полку в одно время:

«Я знал его... мы странствовали с ним
В горах востока... и тоску изгнанья
Делили дружно...»

Этими строками через два года Лермонтов начал большое стихотворение «Памяти А. И. Одоевского».

Наверно, друг Лермонтова — декабрист Одоевский — и познакомил его с Фатали Ахундовым — другом декабриста Бестужева.

Убитые замыслы

Через много лет после гибели Лермонтова поэтесса Растопчина писала: «По мере того, как он оканчивал, пересмотрев и исправив тетрадку своих стихотворений, он отсылал ее к своим друзьям в Петербург; эти отправки причиной того, что мы должны оплакивать утрату нескольких из лучших его произведений. Курьеры, отправляемые *из Тифлиса*, бывают часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть в горные потоки или пропасти, через которые они переправляются на досках или переходят в брод, где иногда, чтобы спасти себя, они бросают доверенные им пакеты, и таким образом пропали две—три тетради Лермонтова».

Вот почему почти не сохранилось стихотворений Лермонтова, написанных в Грузии. Мы даже себе и представить не можем, какие стихи набрасывал он в дорожную книжку под первым впечатлением своих путешествий по Кавказу.

Из всего того, что Лермонтов написал в 1837 году на Кавказе, мы знаем только «Песню про купца Калашникова» и несколько стихотворений.

Все другие произведения, замыслы которых возникли в Грузии, или те, в которых отразились грузинские впечатления, написаны уже в Петербурге, в 1838—1839 годах.

А сколько он написал стихов за месяцы ссылки? Две или три тетради, о которых пишет Растопчина, или больше? Помните, как начинается «Герой нашего времени»? «Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастию для вас, потеряна, а чемодан, с остальными вещами, к счастию для меня, остался цел». Может быть, чемодан этот существовал в действительности и, к несчастью для нас, пропал. Но погибли не только эти тетради. Погибло неизмеримо большее.

После смерти Лермонтова Белинский писал: «Он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собой связь и некоторое единство...»

По дороге к месту поединка с Мартыновым, за несколько минут до смерти, Лермонтов рассказывал офицеру Глебову о том, что у него уже готов план двух романов: «одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране».

План этих двух романов и есть план второй и третьей частей трилогии, о которой писал Белинский, — романов из времен царствования Александра I и Николая I («настоящего времени»).

Нет сомнения, что один только из трех романов, если бы Лермонтов успел написать его, во многом предвосхитил бы эпопею Льва Толстого «Война и мир». Если бы Лермонтов осуществил свой замысел, то обогатил бы русскую литературу замечательным произведением.

Замысел романа о кавказской войне, «с Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране», мог возникнуть у Лермонтова только в результате пребывания в Грузии в 1837 году, под впечатлением разговоров с вдовой Грибоедова и с Чавчавадзе. Ведь книг, из которых Лермонтов мог почерпнуть сведения о гибели Грибоедова, в то время не было. Лермонтов мог узнать подробности его убийства только со слов близких людей.

В романе Лермонтова о кавказской войне должны были слиться воедино его интересы к исторической теме, к кавказской войне и к самым важным темам современности.

Но обо всем этом мы можем только гадать. Эти произведения были убиты через несколько минут после разговора с Глебовым.

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 31

В глубь Колымы на тракторах

И. Бирюзов

Если посмотреть на карту, то правее многоводной Лены, на крайнем северо-востоке СССР, течет большая река Колыма. Громадный район, расположенный вокруг реки, привыкли тоже называть Колымой. Территория этого района больше Франции и Германии, вместе взятых. Я с детства жил в Сибири и много слышал о красотах и природных богатствах Колымы. Поэтому, едва достигнув совершеннолетия, я вызвался с компанией ребят-комсомольцев поехать в этот край. Произошло это в самый канун второй пятилетки, в которую намечалось большое строительство на Колыме.

Признаюсь, мне было жутко, когда пароход входил в бухту Ногаево, вблизи которой вырос теперь оживленный город Магадан — столица Колымы. Представьте себе неширокое водное пространство в кольце высоких гор и скал, о которые бились холодные медлительные волны, такие же серостальные, как рваные тучи, носившиеся над бухтой. Горы, или, как называют их здесь, сопки, были темные, в сизой дымке, зубчатыми гребнями удаляясь в глубь материка.

На вершине округлой сопки, что вы-

Побережье Колымы у Охотского моря.

силась против нас, громоздились груды камней, напоминая разрушенный замок в форме венца. Склоны гор круто спускались к морю и были усажены изогнутыми низкорослыми березками и еще какими-то корявыми, бородавчатыми деревцами, как я после узнал,— лиственницами. Кое-где склоны обрывались к воде скалами, то матовочерными, то темносерыми, усиливая мрачность и тусклость ландшафта.

На носу нашего корабля с лязгом и скрипом побежала в воду якорная цепь; пароход еще раз грустно пробасил и затих. Тихо и безлюдно было и по берегам бухты. Только в глубине ее, где гора была пониже и более отлогой, стояли три маленьких темных избушки да несколько разноцветных из яркого ситца палаток [1]; неподалеку от них черной лентой вытянулся какой-то сарай, очевидно, склад. Это было все, что напоминало о существовании здесь людей.

Выгрузили нас с парохода только на другой день. Выгрузили на голый берег, а жилище себе мы соорудили сами: нарубили из чахлых лиственниц жердей, натянули на них палатку, сколотили стол, нары, посередине палатки установили печку-железку...

Началась новая, сразу захватившая меня трудовая жизнь, каждый день которой изменял первое впечатление о Колыме, заставив полюбить этот все более и более изумлявший меня край.

☆

На притоках реки Колымы незадолго до этого были организованы два государственных золотых прииска, а завезти туда продовольствие из-за бездорожья не удалось. Было решено доставить продукты к Колыме на тракторах. Я умел управлять автомобилем и трактором, и меня отправили в это путешествие.

Подминая кусты, мелкие деревья, толщи бурелома и мха, вздымая снежные вихри в сугробах, пробуждая неслыханным гулом и звоном застывшую тайгу, ранним январским утром тронулись в путь тракторы. Их пять; за каждым — богатырские, из целых бревен сани, груженые мешками, ящиками, бочками.

[1] За отсутствием брезента в то время в Нагаеве сооружались палатки из ситца.

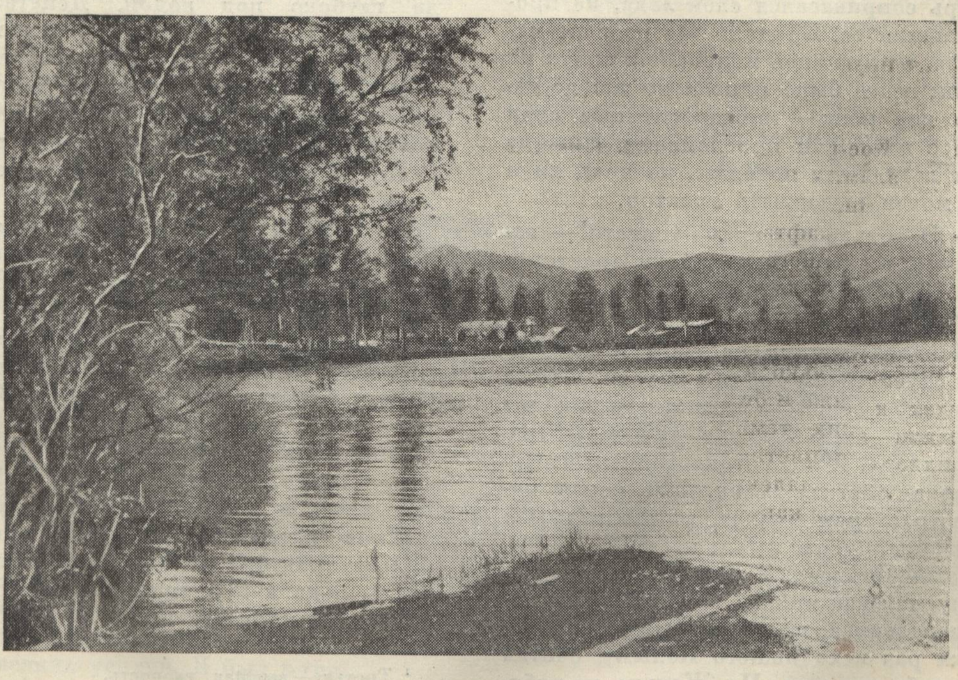
Впереди трактора пробирался на лыжах десяток людей; это были своего рода поводыри тракторной колонны. Тракторный поход совершался без дорог, которых Колыма не знала, по горным распадкам, долинам рек и речек, где до этого времени ездили только на собаках и оленях. Поэтому поводырям-лыжникам часто приходилось останавливаться, чтобы непроходимое место сделать проходимым. Они растаскивали нагромождения бурелома, прорубали чащу деревьев, скатывали громадные камни, преграждавшие узкие тропы по берегам речек и склонам сопок. Иногда, наоборот, приходилось заваливать ямы и промоины, пересекавшие путь.

Со свистом замерзало дыхание: мороз стоял за сорок; люди дрогли, насилу отогреваясь ночью в наскоро раскидываемой палатке, прямо на снегу, который кое-как забрасывали ветвями. Заиндевевшие и укрытые снежными шапками деревья стояли, не шелохнувшись, воздух был точно застывшим; но в одну из ближайших ночей лес утерял свой серебряный убор: лохматые космы снега заметались в воздухе; вокруг выло, крутило, наметало невиданные сугробы. К утру палатка и все тракторы оказались погребенными под снегом; трое суток мы откапывались и пробивались сквозь снежные стены. Колонна упорно продвигалась вперед.

На шестидесятом километре наткнулись на громадную наледь. Перед нами, сжатая причудливыми, седлообразными, как спина верблюда, сопками, лежала подо льдом река; но эти льды были колоссальной толщины: они доверху закрывали прибрежные кусты, доходили до половины кроны близрастущих мощных лиственниц. Поверх льда, несмотря на жгучий мороз, струилась вода, на ладонь заливавшая лед. Весьма распространенная на Севере наледь вызывается промерзанием в некоторых местах реки до дна, на полную глубину; вода устремляется поверх льда, послойно намерзая на значительную толщину.

Вооружившись ломами и топорами, трактористы направились испытывать крепость льда. Чтобы обувь не промокла, мы на миг опускали валенки или торбоза [1] в воду и, быстро вытащив, обмораживали их на воздухе. После этого

[1] Торбоза — обувь из оленьей шкуры.

Поселок Сусуман на реке Берелах.

Так высока конопля на Колыме.

спокойно бродили по наледи: с водой теперь соприкасался слой льда, не пропускавший ее. Бродили мы по реке часа два, но хорошей переправы найти не могли; везде было одно и то же: до самого дна реки — многочисленные слои льда с водяными прослойками. Нижние слои льда были потолще, но вряд ли и они могли выдержать трактор.

— Э, только зря время теряете! — загорячился самый молодой из трактористов, Женька Линников.— Айда за мной, трусы!

Женька прыгнул на свой трактор и стал спускаться с горки к наледи. Я тоже кинулся к своей «Катюше» — так мы прозвали американские тракторы «катерпиллер». Я не мог позволить, чтобы Женька обогнал меня. Наперерез нашим тракторам мчался, гневно вздымая кулачища, руководитель нашей колонны, бородач Борисов. Я остановил свою машину, так как приказ нашего уважаемого начальника, местного старожила, десятки раз исходившего Колыму, считал для себя законом. Но Женька по-ребячьи высунул «Борисычу» язык и наддал «третью»[1].

Лед блюдцем прогибался под «катерпиллером» Линникова. С гулом и треском, похожим на ружейную стрельбу, молниями бежали по сторонам трещины. Из трещин фонтанами била вода. Блюдце зловеще ширилось и углублялось. Трактор, таща за собою центр впадины, рвался вперед, но вдруг лед подломился, а с ним на половину гусеницы осел и трактор. Машина рванулась еще, но стала клевать носом и забиваться радиатором под лед. «Тук-тук-»—сказало еще раз машинное сердце и, залитос водой, замерло. Около рычагов и «баранки», у женькиных колен, зажурчала вода.

Только к полудню следующего дня был найден удачный переход тремя километрами ниже по течению, где наледи не было, а мелководная, как большинство горных потоков, речка промерзла до дна. По склонам сопки и краю наледи тракторы дошли до переправы, пересекли реку и противоположным берегом вышли к месту, перед которым стоял затонувший трактор. К нему подтянули с берега стальной трос, тщательно очистив лед около машины; но вот горе: место для сцепления троса с машиной было глубоко под водой. Действовали кольями, ломами, баграми, но ничего не выходило. Оставался один путь: лезть в воду и, нырнув с головой, зацепить крюк троса за вилку трактора. Занятие трудное, и охотников до ледяной ванны в сорокаградусный мороз не отыскивалось.

— Видать, придется мне на память о Женьке принять крещение,— добродушно пробасил Борисов и стал сбрасывать торбоза.

Но в этот момент за его спиной кто-то неловко, по-медвежьи, бултыхнулся в воду и потянул за собою трос. Вскоре над водой показалась ухмыляющаяся физиономия Линникова.

— Готово, чертяги! — вымолвил он, задыхаясь и ляская от дрожи зубами.

Трос натянулся. Два пыхтящих на берегу трактора тянули к себе сквозь гряды льда и бурлящие струи воды затонувшую машину.

[1] Третья — высшая скорость.

Сопки неизменно сжимали наш путь: то острые, как пики, торчали они суровой стеной, то становились вдруг пирамидальными, с гладкими, как стол, плато, то были округлыми, как караваи, и даже думалось, что они мягкие, как хлеб. Склоны сопок были укрыты снегом, сверкающим белизной на солнце, синей и бурой окраски во впадинах и лесных чащах. Деревья на склонах гор издали походили на распростертых осьминогов и морские звезды.

Нестерпимый шум, звон и грохот сопровождали нас в пути. Тракторы нарушили вековую таежную тишину. Эхо, десятки раз отраженное от больших и малых гор, создавало непрерывный, будто набатный гул.

И вдруг — простор и затишье, ослабление звуков, точно падение их куда-то в глубину. Перед нашими глазами широкая река с какими-то особенными, чистыми, голубыми куполообразными льдами.

Линников и я, обгоняя друг друга, припустили «Катюши». Борисов затряс кулаками, требуя остановиться, но безрезультатно. После долгой поездки по горным ущельям, лесам, снежным сугробам мы были увлечены неожиданным простором.

Мы скользили по куполам блестящего, полированного льда. Меня беспокоил только громоподобный треск, то и дело раздававшийся под трактором: «Не делаю ли я глупости, не слушая приказа нашего Борисыча?..»

Я уже схватился за рычаг, чтобы остановить машину, как вдруг в вихре ветра и снежной пыли упал вместе с трактором вниз. «Утону... Конец!»

Но вместо ожидаемой ледяной воды меня сотряс тяжкий удар снизу, потом с силой толкнуло в спину и наступила тьма и тишина. «Смерть!..» — как-то странно-спокойно подумал я. Но вскоре почувствовал, что вздрогнуло веко над невидящим глазом... Я собрал все силы, чтобы открыть глаза, но, к удивлению, веки разошлись без всяких усилий. Я был в громадной пещере, устланной блестящими, точно лакированными круглыми камнями и освещенной фантастическим голубым светом. Не понимая, что со мной творится, я взглянул вверх: надо мной висел сказочный сталактитовый синий потолок с рваной дырой в мутное небо.

Страшный переполох произошел наверху, на льду. Все видели, как мой трактор рухнул под лед. А за трактором нырнули и сани с грузом, прицепленные к машине.

С баграми, топорами и веревками люди во главе с Борисовым кинулись к провалу — и были поражены: из-подо льда раздавался мой крик, оповещающий о благополучии.

Борисов рассказывал, что он уже встречался на Колыме с пересыханием горных рек подо льдом. Объясняется оно тем же, чем и наледь,— промерзанием реки до дна. Образовавшаяся где-нибудь выше по течению ледяная перемычка временно приостанавливает поступление воды сверху, а вниз вода продолжает течь, и подо льдом образуются пустоты.

★

На двадцатый день пути подошли к «вершине вершин» здешних гор.

— Вот он, перевал,— указал на обледенелую горку Борисов.— На приступ, ребята!..

С вершины Яблонового хребта открывался величественный вид. Точно за-

Корчевка леса под пашню.

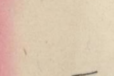
стыли, закаменели волны необъятного моря, превратившись в горы. И теперь, спустя тысячелетия, насколько хватает глаз, стоят эти горы-волны правильными заснеженными рядами. Гребни их коегде выветрились, сгладились. Склоны обросли деревцами. В горных складках вьются, покрытые синими льдами, реки и речки, будто стальными обручами стягивая утихомиренную стихию.

Тракторы пришли к верховьям горных потоков, к оголенным хребтам, водоразделу бассейна Охотского моря и реки Колымы. Машины скользили, скатывались с обледенелых круч и каменистых откосов, рвали тросы, серьги гусениц, но продолжали штурмовать перевал. Сцепляясь по два, по три, тракторы поднимали тяжелые сани на вершины гребней. Сзади подталкивал сани еще один трактор. Рабочие обкалывали лед на кручах, устраняли с пути камни, подкладывали под полозья и гусеницы упоры. Так был поднят на перевал весь груз, все сани.

Под уклон машины пошли быстрее. Внизу, в предгорье, виднелся поселок Элекчан. Но что это? В поселке, правильнее сказать, в стойбище кочевников-эвенков, разбирались юрты, укладывались на нарты, запряженные оленями и собаками, укутанные в меха дети и жалкий скарб. Потом олени и собаки бешено понесли своих хозяев на север. Кочевники испугались, впервые в жизни увидев тракторы, услышав умноженные стоголосым горным эхом неведомые звуки.

Еще сотня километров пути по ущельям и долинам рек и речек — но теперь уже бассейна Колымы,— и поход наш заканчивался. Подходили к первому золотому прииску, беспорядочным табором раскинувшемуся по отлогому склону громадной полукруглой сопки.

Наиболее многочисленные постройки прииска — палатки — выглядели издали, как карточные домики. Среди них высилось несколько бревенчатых бараков. Из-под снега подавали признаки жизни три—четыре утлых избушки и с десяток землянок. Из каждого жилья тянулись к небу высокие и прямые столбы дыма. Ниже, по склону, по обеим сторонам извилистой, в желтых наледях речки, вся земля была искромсана ямами, траншеями, буграми. Это и был самый прииск.

Когда тракторы поднялись на последнюю гряду сопок, с которой начинался спуск в приисковую долину, поселок ожил. Из палаток, избушек и бараков стали группами выходить люди. Они сливались в волнующийся поток, над которым вились полотнища знамен. Люди шли навстречу тракторам.

Победа! Закончен путь первого в истории тракторного похода от берегов Охотского моря до истоков реки Колымы!

Теперь по проложенному нами пути от бухты Ногаево до Колымы и дальше, на сотни километров к западу, проходит оживленное шоссе со многими ответвлениями в стороны. Шоссе связывает юные города и селения, в которых имеются промышленные предприятия, электростанции, школы, больницы, радио, клубы, магазины. Вблизи городов и селений раскинулись золотые прииски, овощные совхозы, животноводческие фермы. Местное кочевое население, среди которого наши первые тракторы сеяли панику, теперь приобщилось к культуре, большинство его ведет оседлый образ жизни; выстроены национальные центры с колхозами, школами, больницами; сотни местных жителей стали культурными и образованными людьми.

Так, волею великой партии Ленина — Сталина глухая далекая окраина — Колыма — в кратчайший срок стала промышленным культурным районом.

□ □ □

История реки Невы

М. Дурденевская

В 1912 году географ Айлио записал в деревне Микулайнен, на берегу Ладожского озера, такую сказку:

«Река Нева была раньше маленькой. Упадет дерево — с берега на берег ляжет, и по нему реку перейти можно было. Затем лет через 50—60 она стала шире. Пастухи через нее друг другу перебрасывали горящие головни—разводить костры. А затем она у своего истока землю съела и вовсе широкой стала».

Во всякой сказке есть доля правды, есть она и в этой сказке. Мы не знаем, точно ли так образовалась река Нева, но знаем, что произошло это недавно, когда люди уже знали огонь, обжигали на нем хорошую, красиво украшенную глиняную посуду, пряли нитки и вязали из них сети, но еще не знали металлов, а делали свое оружие и инструменты из камня. По вычислениям Монтеллиуса, это было примерно за 1800 лет до начала нашей эры.

Вот что удалось узнать о реке Неве путем исследования местности.

Вы все, учившиеся в 7-м классе, знаете, что в прошлом всю северную часть СССР покрывал огромный ледник, спускавшийся из Финляндии (кто об этом не знает, пусть прочтет в учебнике географии Баранского). Потом стало теплее, лед стал вытаивать. Талая вода стекала сначала на юг, в Черное море. Но вот ледник вытаял так, что край его оказался севернее Черноморско-Балтийского водораздела (смотри рис. 1). Вода не могла течь против уклона местности — в гору — и стала застаиваться, образуя озера. Вода из этих озер сначала шла попрежнему на юг. Затем, когда ледник отступил севернее линии АБ и часть впадины Балтийского моря вышла из-подо льда, повернула на запад. Озера у края ледника слились в одно, находившееся примерно на месте современного Балтийского моря. История этого озера очень сложна: оно то мелело, то снова наполнялось, то соединялось с океаном, превращаясь в море с соленой водой, то снова отделялось и опреснялось. По этому озеру-морю ходили волны, подмывали берега, образуя на них береговые обрывы,[1] которые уцелели доныне. По ним можно прочесть историю этого озера-моря. Я не буду из-

[1] Как образуются эти обрывы, можно прочесть в № 5 «Пионера» за 1938 год.

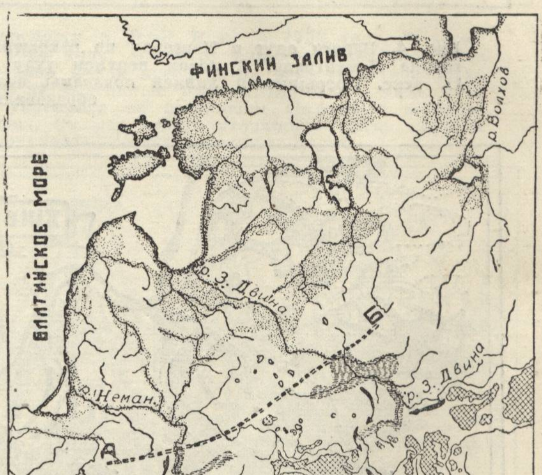
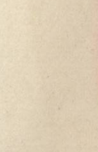

Рис. 1. Высоты на водоразделе Черного и Балтийского морей заштрихованы в клетку. Когда ледник покрывал их, вода, естественно, шла в Черное море. Когда ледник отступил, образовались озера (мелкая штриховка). Вода текла сначала, как показано жирными стрелками. При дальнейшем отступании ледника образовывались новые озера (отмечены точками). Вода из них шла уже в Балтийское море. Водораздел установился по высотам, там, где он находится и сейчас.

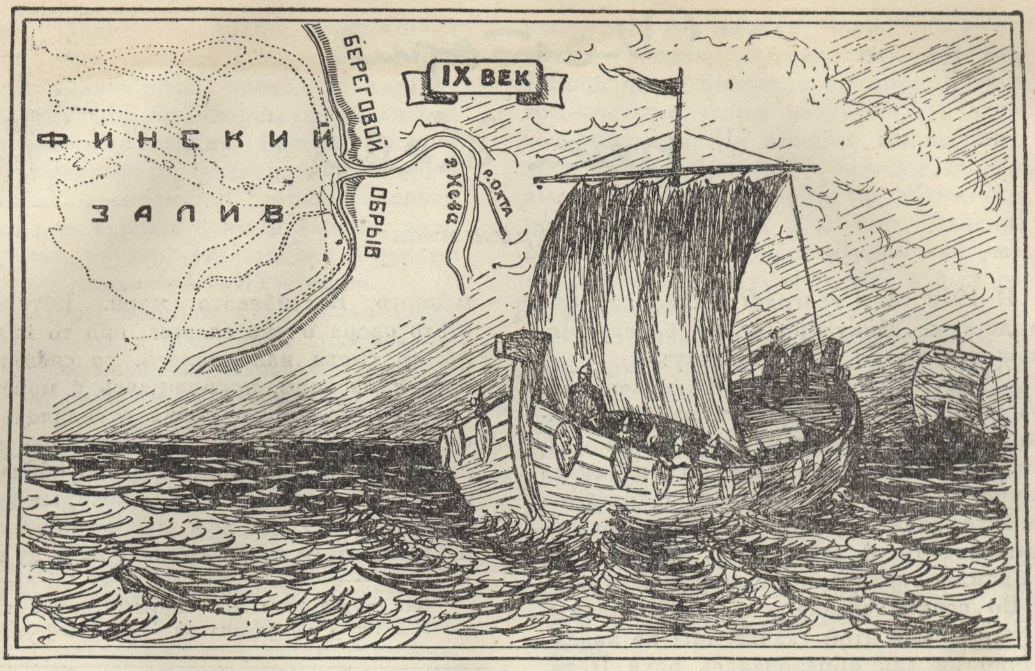

Рис. 4. Варяги едут в Новгород по открытому морю, которое было на месте современного города Ленинграда. В левом верхнем углу рисунка карта местности, какой она была в IX веке. Прерывистой линией показаны возвышения на морском дне, из которых потом образовались острова.

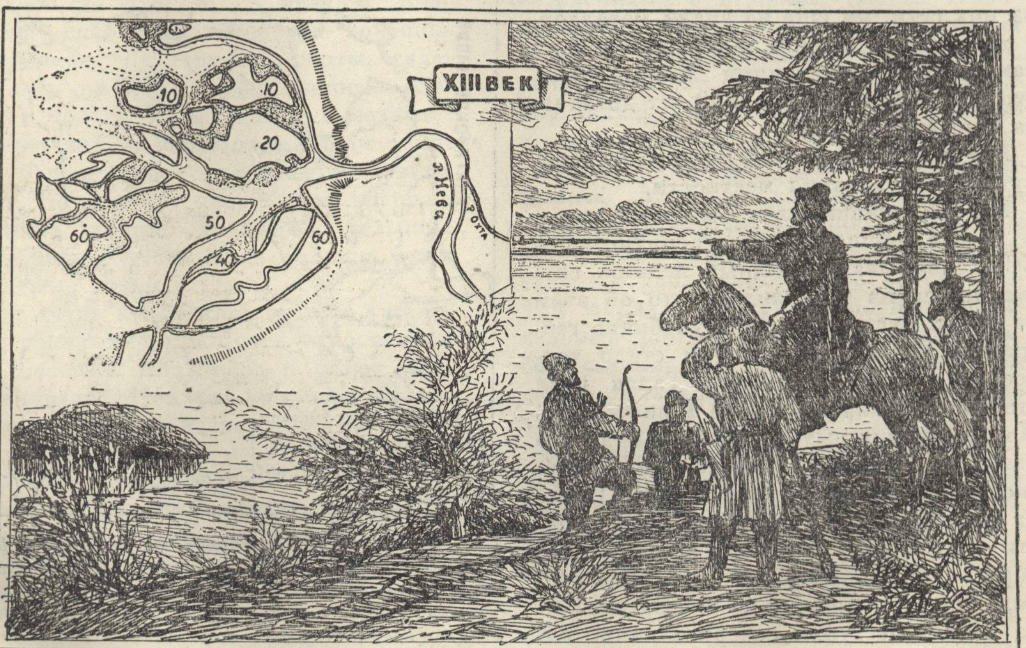

Рис. 5. Новгородский князь Александр, впоследствии прозванный Невским, расставляет часовых и разведчиков накануне битвы со шведами (1240 год). На реке Неве к этому времени уже появились низкие острова (их приблизительное положение и высота в сантиметрах показаны на карте). Точками отмечены мели меньше 20 сантиметров глубины, штрихи — невысокий обрыв, бывший берегом в IX веке.

Рис. 6. Петр Первый выбирает место для крепости в устье Невы в 1703 году. В левом верхнем углу снимок со шведской карты 1698 года. Обратите внимание на выбранное Петром место — отмечено цифрой 1. Шведы давно имели крепость на реке Неве при устье Охты (2), там, где река еще не разделилась на отдельные рукава. Проплыть мимо этой крепости незамеченным было нельзя. Петр укрепился на небольшом острове, с которого видны были все три судоходные рукава Невы. Он мог видеть входящие в реку корабли раньше шведов и, конечно, принимать соответствующие меры.

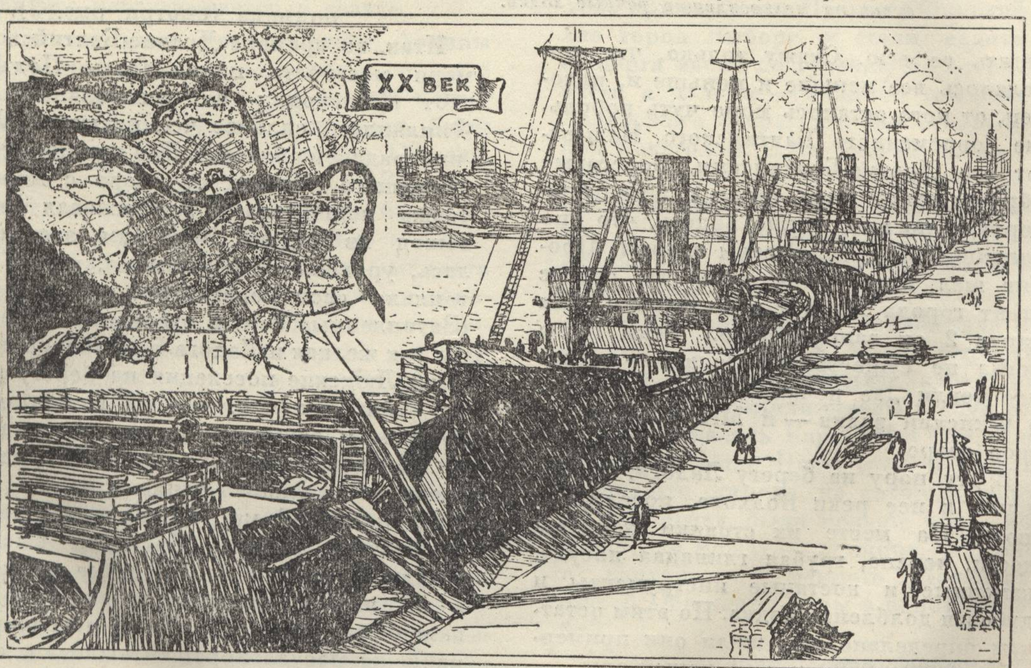

Рис. 7. Современный Ленинград, важнейший морской порт и промышленный центр СССР, с населением около 3 миллионов человек. В углу план одного масштаба со шведской картой. Обратите внимание на прирост островов, особенно Васильевского, и на появление нового острова, Вольного, которого в XVIII веке не было.

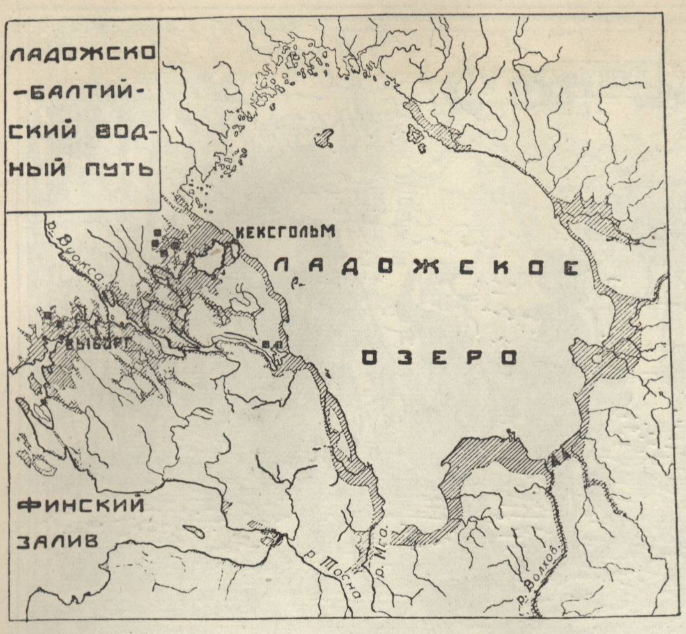

Рис. 2. Древний Ладого-Балтийский пролив и торговый путь, проложенный шведами в обход устью р. Невы в XIII веке. Пролив заштрихован, озера, по которым шел торговый путь, обведены жирной чертой. Треугольники — людские поселения 3000 года до нашей эры. Квадраты — поселения 2000 годов до нашей эры. Обратите внимание на то, что они стоят на местах, где путешественники должны пересаживаться с морских судов на мелкосидящие речные лодки.

лагать ее всю. Скажу только, что оно делалось все меньше и меньше и, наконец, от него осталось море чуть побольше современного Балтийского. Называют его Древне-Балтийским. Береговые обрывы этого моря точно нанесены на карту, и по ним можно видеть, что оно соединялось с Ладожским озером. Пролив шел между тех мест, где сейчас стоят города Выборг и Кексгольм. (На карте 2 он заштрихован.) Реки Невы тогда не существовало вовсе — вместо нее текли две речки: Тосна — впадала в Финский залив — и Мга — в Ладожское озеро.

В эту пору на берегу Ладоги, у впадения в нее реки Волхова, поселились люди. На месте их стоянки найдены кости, черепа, грубая глиняная посуда, каменные и костяные инструменты и дубовая долбленая лодка. По этим остаткам определено, что жили они примерно за 3000—2500 лет до нашей эры.

Еще одну любопытную подробность нашли ученые при изучении следов Древне-Балтийского моря и морей, бывших на его месте раньше него: оказывается, что высота их береговых обрывов над современным уровнем моря не одинакова: чем дальше на северозапад от Ленинграда, тем они лежат выше. Происходит это оттого, что берег моря поднимается. Это заметили еще средневековые мореплаватели и, сделав на береговых скалах засечки, записали об этом в шведских летописях. По засечкам удалось установить, что центр поднятия лежит на Скандинавском полуострове. По встреченным у подножия старых береговых обрывов раковинам и по другим ископаемым удалось определить, что подъем начался давно — еще в то время, когда начал стаивать великий ледник,— и идет, с небольшими перерывами, до настоящего времени. Удалось также вычислить высоту этого подъема (смотри рис. 3).

Итак, во времена Древне-Балтийского моря местность поднималась. Подъем этот происходил на северозападе (в Финляндии) сильнее чем на юге (в Ленинградской области). Дно пролива, соединявшего Ладожское озеро с морем, также поднималось, загораживая воде выход из Ладоги. Вода там застаивалась, уровень ее повышался, озеро затопляло свои берега (смотри рис. 2). (Затопленные берега озера заштрихованы так же, как и Ладого-Балтийский пролив.) Людские поселения на берегу озера были, конечно, залиты водой, разрушены и засыпаны озерными осадками. Погибла и стоянка у устья Волхова. Люди переселились выше (рис. 2).

На целые 11 метров поднялись воды Ладожского озера. На этой высоте остались прекрасные береговые обрывы, а на них — остатки поселений людей каменного века. В этих поселениях найдены посуда хорошей выделки, сделанная с помощью гончарного круга, большое количество кремневых инстру-

ментов и оружия и даже обрывки сетей для ловли рыбы. Кремни в этих местах не встречаются, очевидно, они были привезены человеком издалека. Это значит, что люди совершали далекие путешествия за предметами, которые им были нужны. Расположение стоянок в глубине защищенных бухт при входе и выходе из Ладого-Балтийского пролива заставляет думать, что путешествовали они главным образом на лодках. Предполагают, что поселения эти существовали несколько позже 2000 года до нашей эры.

Во время подъема воды в Ладожском озере долина впадавшей в него речки Мги была затоплена. Вода подошла к водоразделу Мги и Тосны, затопила его и хлынула через него в долину Тосны. Так образовалась река Нева.

Берега ее состоят в этом месте из очень плотной глины с валунами, такой прочной, что Нева до сих пор не размыла ее окончательно; на этом месте находятся невские пороги. Поэтому можно легко поверить, что ладожская вода прорывалась постепенно и количество воды в Неве нарастало медленно, как это рассказывается в сказке.

Но на этом формирование долины Невы не закончилось: земля в ее устье лежала ниже чем теперь, так что острова, на которых лежит Ленинград, были еще под водой. Еще в конце IX века, когда в Новгороде княжили Рюрик и Олег, на месте этих островов было открытое море (рис. 4). Только в XII—XIII веках из-под воды начали выходить острова и образовались мели, стеснявшие вход в Неву (рис. 5). Место это показалось удобным ливонским (немецким) рыцарям для того, чтобы грабить проходящие с товарами купеческие корабли. Удобным показалось оно и шведам, и они пытались захватить его у новгородцев, владевших этими землями. Но русские в 1240 году под руководством князя Александра Невского разбили и прогнали их. Тогда шведы придумали себе обходный путь в Ладожское озеро мимо устья Невы. Они воспользовались прежним проливом между Ладожским озером и Балтийским морем (рис. 2). К тому времени он превратился в ряд озер и, вероятно, высох бы совсем,

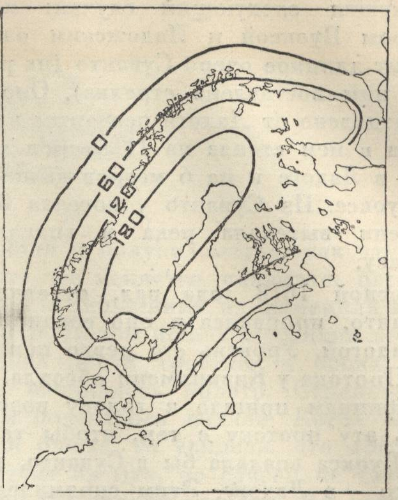

Рис. 3. Район послеледникового поднятия в Швеции. Цифры - высоты поднятия в метрах.

если бы в одно из них не впадала очень многоводная река Вуокса. Она переполняла озеро (его называют также Вуокса), а так как оно лежит как раз на водоразделе, то вода из него текла в обе стороны — и в Финский залив и в Ладожское озеро. Шведы основали в 1292 году при впадении Вуоксы в Финский залив город Выборг и стали ездить от Выборга вверх по течению до озера Вуоксы, а дальше — вниз по течению до Ладожского озера, где они основали город Кексгольм. Путь был не очень удобен: на нем было много порогов, которые или приходилось обходить волоком или спускать лодки на бичеве. Несмотря на это он существовал до начала XIX века.

Тем временем земля продолжала подниматься и в устье Невы вырастали острова. Первую точную карту этой местности составили шведы в 1698 году. Ею пользовались Карл XII и Петр I при борьбе за устье Невы (рис. 6). На ней видно, что острова, на которых построен Ленинград, были меньше чем сейчас, а протоки между ними шире. (Сравните с картой современного Ленинграда, рис. 7. Обе карты даны в одном масштабе.)

Между тем финны не забывали о своем «собственном» водном пути в Ладожское озеро и в 1856 году решили улучшить его. Поводом к этому решению

послужил следующий случай: между озером Вуоксой и Ладожским озером лежит длинное озеро Суванто (на рис. 2 над ним поставлена стрелка). Оно было отделено от Ладоги песчаным валом. Вода в нем стояла на 11 метров выше чем в Ладоге и на 6 метров выше чем в Вуоксе. Из Суванто у поселка Кивинимени вытекала река и впадала в Вуоксу.

Весной 1818 года вал, отделявший Суванто, прорвался и оно соединилось с Ладогой. Уровень его резко понизился. Протока у Кивинимени обсохла. Тогда финнам пришло в голову возобновить эту протоку с тем, чтобы теперь уж Вуокса впадала бы в Суванто, а Суванто — в Ладогу. Этим спрямился бы путь по реке Вуоксе. И вот, не произведя никаких исследований местности, в 1856 году вырыли канал. Вуокса стала действительно впадать в Суванто и в Ладогу, но водного пути не получилось: мягкие породы, покрывавшие перешеек у Кивинимени, были скоро размыты, а на твердых образовался водопад в 3 метра высоты. Озеро Вуокса понизило свой уровень, проливы, соединявшие его с Выборгом, обсохли, и путь между Ладожским озером и Финским заливом прервался. Таким образом Нева осталась единственным водным путем, соединяющим эти два водоема.

Остается еще отметить, что сейчас рост островов в устье Невы прекратился: по измерениям в Ленинграде и Кронштадте земля за последние 60 лет не только перестала подниматься, но даже несколько опустилась. Опускание это очень мало, всего несколько сантиметров, и непосредственной угрозы городу не представляет, но все же при реконструкции Ленинграда его принимают в расчет и проектируют постройки не столько по берегу Финского залива, сколько «в глубь материка» — по Московскому шоссе.

Некоторым из вас, может быть, захочется узнать, как я получила карту XII века, да еще такую точную, с обозначением мелей? Конечно, взяла ее не из летописей: в то время снимать точных карт и планов в Европе не умели.

Эту карту я восстановила по современному плану Ленинграда. По работам геологов я знала, что: 1) острова, на которых сейчас стоит город, существовали ввиде неровностей на дне моря еще задолго до образования р. Невы и 2) острова эти начали выходить из-под воды примерно около 1000 года нашей эры.

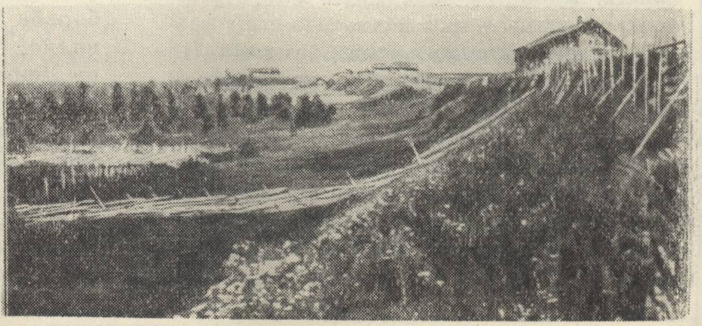
Я взяла книгу А. С. Яковлева «Наносы и рельеф г. Ленинграда». К ней приложен план города с обозначением высот и точно нанесен береговой обрыв Древне-Балтийского моря. (В 1000 году нашей эры берег Финского залива был примерно на этом же месте.) Подошва этого обрыва на 1,6 метра выше современного уровня моря, — значит, в 1000 году местность лежала на 160 сантиметров ниже чем сейчас. До теперешнего уровня она поднялась за 900 лет. Легко подсчитать, что за столетие она поднималась примерно на $160 : 9 = 18$ сантиметров.

В 1000 году местность лежала ниже на 160 сантиметров. За 200 лет она поднялась на $18 \times 2 = 36$ сантиметров, приблизительно 40 сантиметров. В 1200 году она должна была быть ниже чем теперь на 120 сантиметров.

Значит, из воды вышли те части островов, которые выше современного уровня моря на 120 сантиметров. Я их отметила на плане Яковлева, затем таким же способом отметила и мели, которые были покрыты на 20 сантиметров водой, т. е. места, где могла пройти легкая лодка типа челнока, душегубки и шитика и не могли проходить грузовые лодки большого размера. Так получилась карта, изображенная на стр. 75.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Изображенная на рисунке местность лежит на берегу Ладожского озера. Подошва уступа на 17 метров выше уровня моря и на 11 метров выше уровня Ладожского озера. Прочтите статью «История реки Невы» в этом номере и скажите, как и когда образовался изображенный на фотографии уступ.

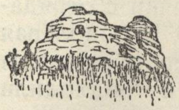

Виктор Безделов (ст. Пачелма, Пензенской области) описал трехдневный поход с тремя приятелями:

— Дойдя до Головищенского леса, мы сели отдохнуть, и нас так заинтересовала жизнь леса, что мы провели в нем четыре часа, наблюдая за птицами и ежом. Еж быстро побежал куда-то, я за ним вдогонку. У него в зубах была мышь, и он с ней залез в нору. Мы отправились дальше. Шли, шли, наконец, показалась деревушка — Старая Есинеевка, около нее протекает река Варежка, которая постепенно засоряется и затягивается илом. Мы решили переночевать у реки. Текла она в крутом каменистом овраге, поросшем дубом и кленом. Растянули палатку колышками, и у нас получился хороший дом. Я пошел за водой к холодному ключу и нашел занятные камни. Они были рыхлые, пористые, серо-бурого цвета. Мы разбили их и обнаружили внутри полуистлевшую траву. Трава была самой обыкновенной осокой, какая росла на берегу ключа. Так мы и не отгадали, почему в камнях трава. На другой день мы занялись определением растений. Хорошо, когда растение цветет: можно подсчитать тычинки и пестики, разобраться в цветке и определить его без больших трудов. Задержались мы над определением растений до вечера. Весело провели вечер у огня. Мы хотели печь картошку и ждали, чтобы прогорел костер, но из груды углей выходила лишь маленькая кучка золы. Сосна сгорала дотла. Почему? — спрашивали мы себя. Вчера из дуба было так много золы, а сосна совсем ее не дает. Но как ни бились мы над этой загадкой, ничего не могли решить. Ночью пошел дождь, он барабанил по палатке, а мы лежали сухие. После завтрака пошли на болото. Не прошли и полукилометра, как заметили, что лес меняется, появилась береза, исчезли лишайники, их заменили зеленые мхи. Потом пошел кукушкин лен. У ручейка росли тростник и осока, а дальше начиналось болото. Странным оно нам показалось издали. Когда мы подошли ближе, то увидели, что ковер его состоит из мха, но совсем не такого, какой мы видели раньше. Мы стали выкапывать мох, чтобы взять его в гербарий. Потом стали копать глубже и обнаружили коричневую массу. Торф, — решили мы, — это торфяное Куватское болото. Мы взяли образец торфа. Дальше мы отправились к реке Атмис. Места пошли незнакомые, чем дальше — тем лучше. Неширокий и спокойный Атмис протекал здесь вдоль обрывистых берегов. Мы нашли камень, который не могли определить. Нам в этом помог Сережа Косынбаров. Он капнул на камень кислотой, и в нем что-то зашипело. Сережа сказал, что это известняк, известковый туф, выделившийся из воды.

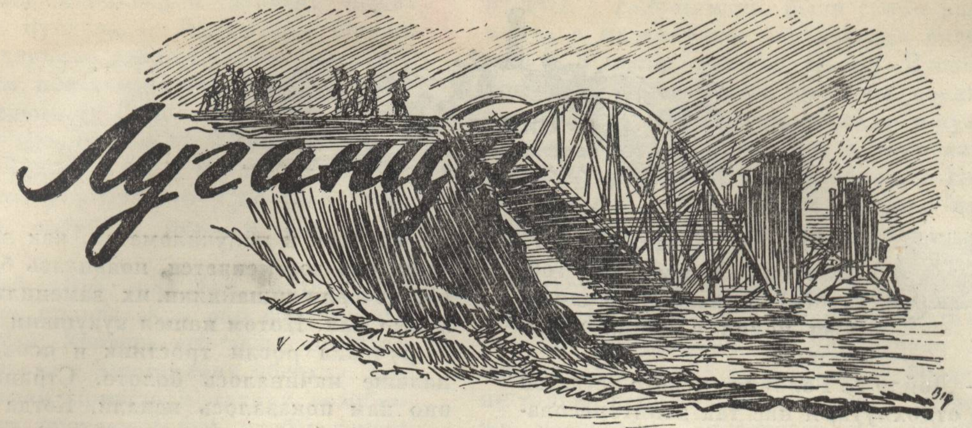

Вили Кандарели (г. Тбилиси) рассказывает об исследовании старинной крепости:

— В 1567 году турки построили около Тбилиси крепость. Я и четверо моих товарищей отправились ее исследовать. Она вся разрушена, но большие бастионы ее сохранились. Мы искали вход в один из них, но не нашли, так как он был завален. Тогда мы поднялись на руках в среднее окно, служившее туркам для стрельбы, и при свете электрического фонаря начали копать. Через 10—15 минут мы наткнулись на русло, по которому когда-то текла вода. Оно было сделано из глины ввиде жолоба. Затем мы осмотрели бойницы.

П. Гаврилов *Рис. В. Щеглова*

Помни Суровикино

I

Ворошиловцы вырвались из подожженной снарядами противника станции Лихой. План неприятеля, задуманный по всем правилам военной науки, не удался.

Потеряв много убитыми и ранеными, растеряв немало оружия, ворошиловцы и двенадцать тысяч бойцов Щаденко вырвались из окружения и продолжали свой марш на Царицын. Лишь только эшелоны прошли взорванный противником и восстановленный Рудневым мост через Донец, враг отстал. Теперь Пятая армия вела непрекращающиеся стычки с отрядами восставших казаков. Преодолевая в сутки не более шести верст, эшелоны прошли Белую Калитву и подходили к Морозовской.

Глубокой ночью остановились у станции, где каким-то чудом уцелела водокачка. Паровозы брали воду. Руднев спрыгнул на платформу, прошелся, хрустя гравием, чтобы узнать название станции. На том месте, где должна была висеть доска с названием, углем было написано: «Смерть коммунистам!»

Пытаясь разобрать кривые буквы, Руднев поднялся на цыпочки, ухватившись за конец веревки станционного звонка.

— Тоже... художники!—озлился он сам на себя за то, что разбирал вражеские слова да еще тянулся к ним на цыпочках.

Впрочем, стоять тут было хорошо: славно трещали в степи кузнечики, ветер шумел в дупле одинокого дерева.

Торопясь и шагая не в ногу, двое санитаров пронесли на носилках раненого, закрытого одеялом до подбородка. Видимо, в бреду боец жарко и без остановки кого-то спрашивал:

— Что? Что? Что? Что?

— Легко ранен? — спросил Руднев.

— Тяжелый раненый, — ответил, не поворачивая головы, санитар.—Кончается...

Где-то в эшелоне тихо играли на гармонике, кто-то засмеялся. В вагоне напротив в широко распахнутую дверь было видно, как мать баюкала ребенка. Ребенок слабенько и удовлетворенно отвечал матери — так попискивают цыплята, собираясь под наседку, в тепло, на ночь.

К этим звукам примешивался новый звук, очень странный, как будто кто-то подкидывал и ловил металлические кольца. Руднев пригляделся: на полу вагона при тусклом свете лампы боец собирал вычищенный пулемет...

«Что ж это все такое? — думал Руднев. — Как это назвать? Кто расскажет об этом, и как об этом рассказать?»

Почему-то припомнилась картина знаменитого французского художника. На ней был изображен всего один человек, парижский коммунар. Он отступал, сжимая в руках винтовку. Сквозь повязку на голове просачивалась кровь и стекала по лицу. Разорванный мундир, дырявые са-

ноги. Коммунар медленно отходил, усталый, измученный, весь озаренный заревом пожара. Может быть, то горел его родной дом. Казалось, еще один шаг назад, человек споткнется и упадет, чтобы никогда не встать. Но большие узловатые руки так страстно сжимали винтовку, что, видно, уж никогда, ни за что не выпустят они оружия, даже если будут мертвы. На лице воина, широком и мужественном, в глазах его, смотрящих прямо, были и ненависть, и презрение к врагу, и призыв к товарищам, и уверенность в том, что они слышат и уж спешат на помощь. Под картиной была короткая подпись «Я вернусь!»

«Так вот как это называется: «Мы вернемся!» — улыбался в темноте Руднев, счастливый, что нашел отгадку своему вопросу, и стоя мгновенно заснул.

— Бэм!

Руднев проснулся одним глазом. Откуда этот звон и свет в глаза? Почему у Ворошилова винтовка в руке и на голове окровавленная повязка?

— Бэм!

Руднев открыл второй глаз. На Ворошилове не было повязки, и винтовки в руках не было. Боец поднес к самому носу Руднева фонарь и сказал:

— Вот он, начальник штаба-то, товарищ Ворошилов, насилу нашелся! Сам спит, сам звонит!

— Бэм! Бэм!

— Ну, хватит, хватит! — засмеялся Ворошилов и взял Руднева под локоть.— Идите-ка спать, Руднев!

— Я не хочу спать, — твердил Руднев, идя за Ворошиловым, не соображая того, что он уже спал стоя, держась за веревку колокола, и что каждый раз, когда ноги его подгибались, он дергал за веревку и звонил.

— С ума сошел, начальник штаба! С ума сошел! — выговаривал Ворошилов. — Не спите. Третью ночь! Это и для начальника штаба, знаете, многовато!

Пришли в вагон. Руднев опустился на койку.

— Раздеваться! Спать!

— Сейчас, я сейчас, товарищ командарм!

— Раздеваться!

Руднев покорно начал стаскивать сапоги и неожиданно для себя озлился:

— Начальник штаба не спит трое суток, отлично! Командарм не ложится в постель пять суток. Все в порядке! Ну это ж революционный порядок, товарищ Ворошилов!

Руднев стащил сапог, посмотрел на дырявую подметку, отшвырнул его.

Ворошилов смеялся, еле разлепляя набухшие веки:

— Чудак вы, милый Руднев! И вы правы. Ну, спите Я тоже пойду засну.

Не раздеваясь, Руднев прилег, но как только тяжелая голова коснулась тощей, покрытой пылью подушки, глаза ни за что не захотели закрыться.

— Так я вам и поверил, товарищ командарм! — вслух сказал Руднев, натянул сапог и пошел к Ворошилову.

Его не оказалось ни у себя, ни в штабном вагоне. Никто не знал, где он.

— Кажись, видали его в восьмом эшелоне, — сказал встретившийся боец.

Поеживаясь от легкой утренней прохлады и спотыкаясь, Руднев поспешил к восьмому. У одного вагона дверь была полуоткрыта. Руднев услышал голос Ворошилова. По лесенке вошел в товарный вагон.

На чистой дерюге, разостланной на полу вагона, лежали шахтер Данила Коробов и сын его Василий. Они лежали рядом.

У изголовья убитых сидела мать Данилы. Она уронила простоволосую голову на колени и сидела неподвижно, как каменная, вцепившись в руку мертвого сына.

Слабый огонь лампы скупо освещал спокойное и величавое лицо Данилы. Сложенные на могучей груди руки с тяжелыми, почерневшими пальцами, похожими на корни, как будто говорили живым:

— Плохо ли, хорошо ли, а мы с Данилой послужили рабочей доле.

Руки Василия были вытянуты по швам. В кудрявых завитках волос, в удивленно вскинутых черных красивых бровях, в полуоткрытом, как во сне, молодом рту было какое-то смущение. Как будто Василий хотел извиниться, что лежит на полу без дела. Если бы не кровавое ровное пятнышко над бровью, то и на самом деле можно было бы подумать, что Василий притворился спящим и сейчас встанет. Анна, жена Данилы, припав к плечу Ворошилова, содрогалась от беззвучных рыданий:

— Клим! Знал ты и Данилу и Васятку, какие работники-то были! Тяжко мне,

Клим, тяжко! Выплакаться бы, а слез нету, нету...

— На чужой-то сторонке горько хоронить их, Клим, ты наш милый! Ни помянуть, ни на могилку не придти...

— Хорошая у тебя семья, Аннушка, — с трудом роняя слова, сказал командарм, — настоящая семья! Советская власть и партия не забудут твою семью.

— Была семья...

— А Николай?

— Он все с тобой да с пулеметом. Я и не вижу его!

— Андрейка с тобой.

Анна благодарно взглянула на Ворошилова:

— Занемог Андрейка! День с ребятами в войну играл. Все жестянками какими-то швырялись, вроде как вы бомбами. Потом на ероплан выскакивал смотреть, пришел: «Знобко мне, — говорит, — мамка!» Лег и не вставал уж! Не видала, как их-то принесли...

Ворошилов осторожно снял руки женщины со своего плеча, подошел к нарам, откинул груду одежи. Пахнуло жаром, как из печи. Андрейка лежал, раскинувшись в бреду, плотно сжав запекшиеся губы. В правой руке у него что-то чернело. Ворошилов нагнулся, вынул из потной горячей ручонки офицерский наган. Неслышно подошла мать:

— Гляди, Анна, защитник какой у нас с тобой, а?

По истомленному лицу женщины побежали слезы.

— А ну-ка, Анна, найди тряпку, помочи в воде! Кипяченая вода есть? Нацеди в чашку... тебе, тебе говорю, Анна! — повысил голос Ворошилов, видя, что женщина шатается и вот-вот упадет.

Анна послушалась. Сначала двигаясь будто в забытьи, ничего не могла найти, потом принесла и мокрую тряпку и воду. Ворошилов дал больному испить, положил на пылающий лоб влажную тряпку. Андрейка облегченно вздохнул, пошевелил ссохшимися губами.

Ворошилов и Руднев сошли на полотно. В той стороне, где лежал Царицын, загоралась робкая полоска рассвета. Свистя крыльями, туда пролетели птицы.

— Тебя ищу, товарищ Ворошилов! — сказал Пархоменко, вылезая из-под вагона. — Плохо у нас с санитарными поездами, Клим, ой, как плохо!

В вагоне санитарного поезда вязко пахло солдатским сукном и иодоформом. Стонали и разговаривали в бреду тяжело раненые.

Начальник поезда, следуя за Ворошиловым, монотонно докладывал:

— Медикаментов нет... инструментов для сложных операций не хватает... раненые лежат на койках подвое... сегодня умерло пятнадцать...

В следующем вагоне, как только вошли в него, Ворошилов услыхал знакомый голос.

— Уйди, пока жива! — отбивался дед Ивась от сестры, что-то пытавшейся взять у него. — Не тобой дадено, не тебе и отбирать, секрету нету!

— Вот какие у нас порядки, товарищ Ворошилов! — принялся жаловаться дед Ивась, когда командарм подошел к нему. — У живого бойца оружие отымают!

— Оставьте винтовку с ним, — приказал Ворошилов сестре и присел на койку раненого.

— Вы ранены, Ивась Мартынович?

— Не верь им, Климент Ефремович! Вовсе не ранетый я. Зря держат!

— Голова, однако, у вас перевязана...

— Дурная оказалась голова-то, вот ее и в перевязку. Я ж при этом деле стою в стороне.

— Расскажите же, — попросил Ворошилов, чувствуя, как уходят куда-то и нечеловеческая усталость и щемящая душу боль.

— Эх, Климент ты мой Ефремыч! Век живу, век учусь, а, видно, помереть мне дурнем! Слухай сюда. После Белой Калитвы, по твоему приказанию, исправляли мы путь. Они что ж на тот раз удумали, казачки̂? Они натаскали сухого на рельсы и костры запалили. Рельсы под огнем сделались как воск. Казачки̂ те рельсы за крючки, крючки за веревку. Волы тянут веревку, загибаются рельсы этакой вот макарониной — ни им, ни нам! Вот мы понавалились исправлять путь. Глядим: под откосом вол издыхает, а вокруг животины ходит незаметный старичок с железным дрючком. Мы к нему. Старичок говорит: «Я путю не загибал, вол мой, то правда. Его у меня станичники силком взяли. Вот он, говорит, зараз издыхает без пользы». И заплакал старичок. Тут у меня, Климент Ефремыч, на грех портянка возьми да и размотайся. Нагнулся я замотать, а разогнулся то почитай, что на том уж свете Очень подходяще навесил мне по башке тихий тот старичок желез-

ным дрючком! Говорит доктор, в черепухе у меня, секрету нету, теперь вроде как малая трещинка.

— Ничего, Ивась Мартыныч! Луганская порода живучая, трещат, да не разбиваются!.. Я, чтобы вам веселей было, дед Ивась, положу соседа, а? Знаете Андрейку, сына Данилы Коробова? Заболел мальчуган-то! Вы уж посмотрите за ним, Ивась Мартынович.

Выйдя из вагона, Ворошилов распорядился, чтобы мальчика немедленно перенесли в санитарный поезд.

Было уже совсем светло. День обещал быть знойным. Раньше всех поднялись хозяйки. Кипятили чай. По краям степи, вправо и влево от эшелонов, виднелись едва приметные конные охранные отряды.

Пришел Руднев.

— Товарищ командарм, — сказал он, — паровоз № 585 с бронелетучкой готов!

— Вооруженная охрана?

— Сорок человек.

Пархоменко явился, до синевы выбритый, подтянутый:

— Тронемся, что ли, товарищ командарм?

От Морозовской до Царицына было уже недалеко. Накануне Ворошилов решил послать в Царицын Артема с небольшим отрядом узнать, могут ли вооруженные силы Царицына выйти навстречу Пятой армии.

На бронеплощадке Артем прорвался к Царицыну. На следующий день уполномоченный Центрального Комитета на Северном Кавказе Серго Орджоникидзе связался по уцелевшему проводу Царицын—Морозовская с Пятой армией и вызвал к аппарату командарма Ворошилова. Договорились о встрече на станции Чир. Туда и должны были сегодня выехать Ворошилов и Пархоменко на паровозе № 585.

Пора было отправляться. Ворошилов отдал последние распоряжения Рудневу. Они хотели проститься, когда к командирам подошел начальник санитарного поезда.

— Товарищ командарм! — сказал он. — Для спасения пятисот тяжелораненых необходима срочная помощь, сложные операции. Мы этого сделать не можем. Нет сил смотреть на страдания раненых. Что делать, товарищ Ворошилов?

Ночью Ворошилов, Пархоменко и Руднев решили отправить в Царицын санитарные поезда после своего возвращения из Нижнего Чира. Несмотря на то что Артем прорвался, Ворошилов опасался, что случайный отряд казаков может напасть на поезда.

— Что вы предлагаете? — спросил Ворошилов у начальника поезда.

— Если связь с Царицыном есть,— ответил тот, — нужно перенести всех тяжелораненых в один поезд и отправить в Царицын немедленно.

— Казаки... — начал было Руднев, но его перебил Пархоменко:

— Неужто у казаков подымется рука на раненых? Хоть и подлый у генералов характер, все ж люди они или нет?

— В Каменской эти... люди сожгли большевиков живьем, травили мышьяком бойцов. Про замученных пленных, про разрытые могилы ты забыл, товарищ Пархоменко? — сказал Ворошилов.

— Помню вечно и отомщу! — вскипел Пархоменко. — Да ведь то были бойцы, с оружием в руках! А с костылями или без ног — какой он враг?

— В поезде и дети есть? — спросил Ворошилов у начальника.

— С некоторыми тяжелоранеными следуют их семьи.

Все поглядели на поезд № 145. Он стоял недалеко. На каждом вагоне был отчетливо выведен красный крест. Вдруг с площадки вагона спрыгнул санитар и, увидев начальника, подбежал к нему:

— Дмитро Крученов, Илья Ничепорук да из щаденковских отрядов трое...

— Умерли? — спросил начальник.

— Жены их там... убиваются, товарищ начальник, не дают мертвых вынести.

Наступило молчание. Ворошилов, а за ним и другие поднесли руки к козырькам, безмолвно прощаясь с погибшими. Начальник сказал санитару:

— Простыню из-под Крученова возьмешь, постелешь под Андрюшу Коробова. Мальчик на голой койке лежит.

— Так что, товарищ начальник, из-под Крученова вчера еще простынь-то вытащили. Ему ж на перевязки и пошла. Теперь, опять же, трех нечем перевязывать.

— Через сколько времени можете отправиться? — спросил Ворошилов у начальника.

— Чтобы всех тяжелораненых перенести в поезд № 145, часа достаточно.

— Товарищ Руднев! Через час отправьте поезд № 145 с охраной. Мы пойдем позже. Товарищ Орджоникидзе извинит подобную задержку.

6*

В восьмом часу вечера санитарный поезд № 145 прибыл в Суровикино.

Раненые не хотели засыпать. С нетерпеливой радостью ждали исстрадавшиеся люди, когда опять весело застучат колеса. У Андрейки ночью миновал кризис. Дед Ивась завел рассказ о пятом годе, и его хватило, пока Андрейка не заснул спокойным и крепким сном выздоравливающего. Казаков не было видно.

Броневик, охраняющий поезд, ушел вперед в разведку. Перед рассветом паровоз санитарного поезда куда-то отошел. Подкатил другой паровоз и потащил поезд на запасной путь. Начальник поезда побежал к начальнику станции Антипову поругаться за задержку и узнать, зачем загнали поезд в тупик. Тот успокоил его:

— Да вы, товарищ, не волнуйтесь, доедете. Теперь скоро и конец вашим мученьям. Царицыну-то поклонитесь от нас. Между прочим, товарищ начальник, почему сам Ворошилов не приехал, как будто он...

— А это — не мое дело, — повернулся к двери начальник поезда.

Уж взявшись за ручку двери, он обернулся. Антипов смотрел пристально и холодно:

— Так не скажете, когда будет Ворошилов здесь?

— Зачем вам знать о товарище Ворошилове?

— Да как же, — криво усмехнулся Антипов, — приятно бы познакомиться!

— Приедет, познакомитесь! — отрезал начальник поезда и открыл дверь.

Грохнул выстрел. Начальник поезда выгнулся, как будто еще раз хотел посмотреть в глаза своему убийце, и без стона упал навзничь...

В открытом окне показался казачий офицер.

— Можно начинать? — спросил он у Антипова.

— Давайте скорей! — ответил Антипов, пробуя рукой, бьется ли еще сердце у начальника поезда.

Сердце не билось...

Через полчаса тишину утра расколол орудийный залп. По санитарному поезду стреляли из степи. Первые снаряды пробили крыщу вагона и разорвались внутри его. Холодящие кровь крики раненых повисли над станцией:

— Казаки! Казаки!

Серый от боли, дед Ивась сошел с площадки. Андрейка от слабости идти не мог, дед Ивась взял мальчика на руки:

— Куда ж нам теперь, Андрюшка? Вроде как некуда... А ну, внучек, притулись тут, коло шпал.

Дед Ивась помог Андрейке лечь на землю, снял с плеча винтовку, ввел патрон в ствол и залег за прикрытием из шпал.

Дед Ивась спустил курок.

Из-под вагона вылез с клинком в руке седобородый казак. Дед Ивась спустил курок.

Казак рухнул руками вперед.

— Не кланяйся, у меня трещина на башке от такого-то, как ты, — хмуро сказал дед Ивась и ввел второй патрон в ствол...

2

Паровоз № 585 вышел из Морозовской с Ворошиловым, Пархоменко и немногочисленной охраной. Машинист и кочегар работали весело и споро. Озаряемый ог-

нем топки, Ворошилов рассказывал Пархоменко об Орджоникидзе. Скоро должна была показаться станция Суровикино. Вдруг Пархоменко побледнел. Прислушался и Ворошилов.

— Стоп! — схватил он машиниста за плечо и бросился к окошку.

Машинист резко затормозил. В наступившей тишине выстрелы стали ясно слышны. Над тем местом, где должна была быть станция Суровикино, подымался к небу черный, густой дым.

— Гони на полный! — приказал Ворошилов машинисту.—Александр, беда! Расправляются бандиты с нашими. Слушай: прорвемся к станции, я займусь с казаками, ты прицепи наш паровоз к санитарному поезду. Понятно?

Показалось Суровикино. Ворошилов потянул за проволоку гудка и до тех пор не отпускал ее, пока паровоз не ворвался на станцию. Санитарного поезда нигде не было видно. Слева, в обхват, неслась конная казачья часть.

— В тупик его загнали, дьяволы! Не подойти нам, Климент Ефремыч! — закричал машинист.

Ворошилов был уже на земле. С наганом в руке бежал он туда, откуда неслись беспорядочные выстрелы, вопли атакующих казаков и крики раненых.

Бойцы с пулеметом еле поспевали за ним. Вот он, и № 145! Три вагона разнесены в щепы, один горит. Казаки выскакивали из вагонов.

— Пулемет! — крикнул командарм, а сам стрелял по казакам из нагана.

Свалив рослого хорунжего выстрелом в упор, Ворошилов бросился в вагон. Изувеченные бойцы плавали в лужах крови, по середине вагона, подвешенный за ноги, висел мертвый изуродованный шахтер.

Деда Ивася и Андрейку нашли в груде тел, недалеко от вагона. Рядом валялись пять убитых казаков. В одном из убитых по длинным волосам и большому золотому кресту опознали попа. Поп не дотянулся до Андрейки: последняя пуля деда Ивася уложила его на месте.

Дед был еще жив, но от потери крови страшно ослаб и никого не узнавал.

Под дедом Ивасем лежал Андрейка. Мальчик все помнил, но был так испуган и дрожал, что не мог произнести ни слова.

Бросив часть бойцов на наседавших казаков, Ворошилов с оставшимися людьми, торопился подобрать раненых. Их находили по кровавому следу под клетками шпал, под вагонами. Переносили на паровоз, на тендер, в бронелетучку.

Враги узнали Ворошилова и Пархоменко. Видя, что отряд красных слаб, казаки усилили нажим и напирали со всех сторон. Казачьи орудия опять возобновили огонь по поезду прямой наводкой. Загорелся еще один вагон. Паровоз № 585 стал похож на решето, по нему било сразу несколько пулеметов.

Дружными залпами, метким пулеметным огнем и штыками бойцы сдерживали казаков, но огонь пулеметов и орудий становился нестерпимым. Казаки брали станцию в кольцо. Человек двадцать из них искали ломов и ключей, чтоб разрушить путь и не дать красным уйти. Вокруг пылал огонь, смерть косила людей. Одежда на Ворошилове дымилась.

— Товарищ командарм! — кричали ему.— Назад, назад пора! Казаки путь разбирают! Не вырваться нам!

— Хорошо, хорошо! — отвечал Ворошилов, видимо, не понимая, что ему кричали. — Товарищи, живей! Помогите еще вот этого шахтера поднять.

— Да он же как есть мертвый, Климент Ефремыч!

— Товарищ Ворошилов! Пархоменко ранили!

— Где он?

— На паровозе, перевязывают.

— Назад, к своим!

Паровоз тревожным гудком созвал бойцов. Машинист дал полный ход. Раненые висли на подножках. На ходу их втаскивали в переполненный вагон.

Казаки уж начали разбирать полотно. Они кубарем отскочили перед паровозом в обе стороны пути. Последний раз пулеметная очередь прошлась по № 585, разорвался вдогонку снаряд, к счастью, позади...

Не нужно было отдавать приказа 5-й армии выступать на Суровикино: все, у кого было оружие в руках, поднялись, лишь только продырявленный паровоз остановился у станции Обливской, куда уже продвинулись войска Ворошилова.

Заботливо перевязанный, Пархоменко лежал на койке. Ворошилов стоял над раненым другом. Трудно было говорить Пархоменко, но еще труднее было ему смотреть в широко открытые, влажные глаза.

на бледном лице Ворошилова. И Пархоменко отвернулся к стене.

Он слышал, как Ворошилов называл погибших по именам, потом смолк.

— Отряды готовы, товарищ командарм!—вошел и доложил строгий, ушедший в себя Руднев.

И уж за вагоном где-то, из самой гущи выступающих отрядов, донесся до Пархоменко знакомый страстный голос:

— Отомстим за погибших братьев! Вперед, товарищи! Помни Суровикино!

Потом стремительно пронеслась конница. Наверное, это Ефим Щаденко повел своих. Долго еще прислушивался Пархоменко к шуму уходящей армии.

Поезд из Москвы

Позорную суровикинскую резню белоказаки поспешили изобразить как свою крупную победу над войсками Ворошилова.

Это было отвратительно и смешно. Хуже оказалось другое: казаки заняли станцию Чир, дорога ворошиловским эшелонам на Царицын была отрезана.

На фронтах Чирском, Хоперском, Усть-Медведицком и Донецком началась война, настоящая, упорная.

К этому времени гарнизон Царицына насчитывал всего четыре тысячи бойцов, но и среди этих малочисленных отрядов, под видом «добровольцев», было немало белогвардейцев. Они шпионили, подготовляли убийства ответственных советских работников, взрывы военных складов.

Ближайшей и единственной реальной силой, могущей не только защитить Царицын, но и разбить врага, являлись тридцать тысяч войск Ворошилова. Сам Ворошилов и его армия еще не знали об этом. Не знали и о том, что белое командование энергично готовится к штурму Царицына и не сомневается в успехе, но ставит себе непременную задачу — Ворошилова к Царицыну не допускать. По приказанию генерала Денисова, белоказаки поспешно взрывали на пути следования Ворошилова все мосты и мостики, поджигали станции, разрушали полотно, засыпали водокачки, в колодцы бросали яд.

Они хотели добиться того, чтобы ворошиловцы бросили поезда и продолжали путь на Царицын походным маршем. Тогда, расколов красных на части, нетрудно будет разбить их, страдающих от жажды и голода, лишенных боевых запасов, связанных тысячами идущих с ними женщин, стариков и детей.

Было лето восемнадцатого года — второго года Октябрьской революции. Молодая Советская республика мужественно и яростно отбивалась от врагов, окруживших ее со всех сторон.

Положение ухудшалось с каждым часом. Без топлива и сырья не могли работать заводы, разрушался транспорт. Поезда плелись как больные и останавливались в пути. Хлебный паек уменьшился до одной восьмой фунта, да и эти крохи выдавали не каждый день. Госпитали и больницы не вмещали больных тифом.

Царицынский район, богатый сырьем и продовольствием, был последним местом, откуда Советская Россия могла получить хлеб, получить спасение.

6 июня восемнадцатого года к дебаркадеру царицынского вокзала подкатил поезд из Москвы. На платформе его стояли два новеньких броневика.

Деловитые люди из поезда, еще не дав ему как следует остановиться, взобрались на крышу спального вагона и начали налаживать телефонную связь с городом.

Они топали и стучали по крыше.

Из вагона вышел неторопливый человек в кожаной фуражке с красной звездой, в зеленом френче и сапогах. С полминуты он следил за скорой работой телефонистов, видимо, остался ими доволен, но все же сказал:

— Быстрей, быстрей, товарищи!

— В два счета будет! — ответил за всех московским говорком старший.

Человек в кожаной фуражке достал две папироски, выкрошил табак в трубку, не затягиваясь, густо пыхнул дымком из-под черных усов и спросил:

— А в один счет можно?

Старший, ловко накрутив провод на бабку, нагнулся с крыши, чтоб ответить, но Сталин уже поднялся в вагон.

Лишь только связь с городом была налажена, Сталин потребовал самого

Из вагона вышел неторопливый человек в кожаной фуражке.

точного ответа: что с Ворошиловым, где сейчас его 5-я армия и что сделано, чтоб ей помочь пробиться в Царицын.

Очевидно, ответы царицынских начальников не удовлетворили Сталина, начальники были вызваны для личного объяснения.

С платформы поезда скатывали на землю броневики. Железнодорожные рабочие с любопытством смотрели на яркокрасные звезды, выведенные на броне боевых машин московскими рабочими. Звезды Красной Армии в Царицыне видели впервые.

Мост взорван

Эшелоны Ворошилова медленно ползли по горячей степи. И вдруг остановились. На разные голоса тревожно завыли гудки.

Казаков нигде не видно было. Паровозы предупреждали не о нападении. Вскоре командарму доложили: в котлах нет воды, на предыдущей станции казаки испортили водокачку, следовать дальше невозможно.

В полукилометре от эшелонов поблескивала степная речушка.

— А что, если... — показал на нее Гарифу Ворошилов.

Гариф подбежал к вагону и что-то строго и быстро приказал. Ему ответили так же быстро. Гариф бросился к другому вагону. Не прошло и пяти минут, как к речке двинулись со всевозможной посудой старики, молодые и дети.

Когда люди из эшелона Гарифа растянулись от своего паровоза до реки разноцветной лентой и зачерпнули первое ведро воды и на руках быстро передали его по цепи, по всем эшелонам поднялся гам, переполох.

Тысячи кинулись к реке со своей посудиной — с ведрами, с чайниками, с бадейками. Так горячо и весело пошла работа, что Ворошилов, Пархоменко и Руднев не утерпели и встали в цепь.

Вода стала поступать в котлы паровозов не хуже чем из водокачки. Паровозы урчали, казалось, от удовольствия, всасывая воду в жаркие котлы.

Из-за раскаленного горизонта показались белоказачьи разъезды и открыли огонь из винтовок.

Не отрываясь от дела, Ворошилов приказал Щаденко заняться казаками.

Руднева командарм отослал к паровозам. Работа закипела живей.

Задав перцу белоказакам, возвратился Щаденко, не потеряв ни одного человека и с перебежчиком. Его привели к Ворошилову. Казак был бледен, видимо, страшился, но улыбался:

— Я к вам по своей воле. Имею сообщить товарищу Ворошилову важное дело.

— Говори, вот он, товарищ Ворошилов!

Командарм стоял перед пленным мокрый, даже в сапогах его булькала вода. Раскрасневшись за работой, он сдувал упрямую прядь волос со лба. К рукам, ухватистым, загорелым, прилипла речная трава.

Казак глотнул воздуха:

— Просю не шутковать. Проведите меня к Ворошилову.

— Совсем глупый голова,— засмеялся Гариф,— скажи, где второго такого найти? Скажи, вам одного Ворошилова мало?

Казак понял, что с ним не шутят.

— Сообщение мое такое, товарищ Ворошилов, — сказал казак, не сводя глаз с командарма. — Мост через Дон взорван!

★

Был на исходе третий месяц похода. Скрежеща и лязгая буферами, все медленнее двигались эшелоны к Царицыну. Наводя одурь на людей, паровозы свистели, дергали составы так, что все падало, и, протащив состав саженей двадцать и крепко толкнув еще раз пяток, останавливались надолго.

Эшелоны были похожи на вереницу слепцов, пробирающихся на далекую ярмарку, а первый паровоз как поводырь вел всех.

Сухой зной томил людей. Лица покрывались липким потом и пылью. Пыль разъедала глаза, хрустела на зубах. У ребятишек слезились и болели глаза. Ребята плакали, но нельзя было не только выкупать их, но и промыть глаза. Всего дороже ценилась вода.

Душная, неприютная, чужая степь без конца и края, хмурые, неразговорчивые люди в станицах, выстрелы из-за угла, по ночам вопли атакующих белоказаков, раненые, убитые, скудная пища, невеселая дорога — час идти, двое суток стоять.

В жарком безветрии дым от паровозов не стелился позади, а окутывал людей, и все казалось каким-то беспробудным трудным сном. И над всем этим кружились в желтом палящем небе степные коршуны.

Жестоко проученные за Суровикино, белоказаки не отваживались пока на прямой удар: собирали и берегли силы для боя у Нижне-Чирской — перед Доном. Но от тактики изнурения ворошиловцев не отказывались и лишь приходили в бессильную ярость, когда луганцы терпеливо и умело исправляли полотно. Они столько раз его исправляли, что почти весь путь от Лихой до Дона переложили заново.

Не прошла ставка и на голод. Еще в самом начале похода Ворошилов приказал взять на учет каждый мешок муки, каждый шматок сала, каждый фунт пшена. И вся тридцатипятитысячная армия и семьи продовольствием были обеспечены.

Хуже обстояло дело с одеждой и обувью. Особенно плохо доставалось бойцам, идущим пешком. Все чаще можно было видеть, как останавливался боец, садился на землю, срывал с натруженных ног то, что осталось от сапог, швырял ошметки кожи в степь.

Эшелоны двигались на Царицын. Охраняя их, армия шла по левой и правой сто-

ронам поездов. Это была уже не та армия, не те отряды, у которых, как гусака, украли командира.

В станице Морозовской Ворошилов основательно перетряхнул армию, свел отряды в полки, сменил негодных командиров, усилил полки огнем.

Теперь, если бы взглянуть с птичьего полета, это было похоже на гигантскую стрелу; стрела—эшелоны, наконечники—армия, упорно продолжающая свой путь к одной цели, к Царицыну.

Надеждой на отдых в Царицыне только и жили, в конце концов все было терпимо, донецкий народ как вековой дуб—согнуть его невозможно. Но известие о взорванном огромном мосте через Дон все ж тяжело ударило по эшелонам. Сначала об этом не хотели и говорить, но скоро только об этом и говорили.

Во время одной из остановок к Якиму Снесаренко заглянул сын его пулеметчик Семен. Его спросили:

— Не слыхал, какая причина, что стоим?

— Братцы, чудеса! — ответил Семен и тряхнул рыжими кудрями. — Подъехали к мосту, а мост — тю-тю! Не взорван, не сломан, а просто нема его. Правду сказать—небольшой был мостишко, а видать, так целиком и увезли его станичники на волах. Сутки простоим...

— Это что за мост, — сказал раненый в голову боец, один глаз у него был закрыт повязкой, — вот через Дон, то— мост!

Женщины вздохнули и зашептались. Яким Снесаренко, видимо, гордясь рослым, перепоясанным пулеметными лентами сыном, спросил, свертывая цыгарку:

— Вам-то Климент Ефремыч, небось, сообщал. Как же, все ж таки перепрыгнем мы через тот Дон со всем нашим барахлом? Река, я слышал, немалая, глыбкая, да и генералы, небось, не упустят случая сыграть с нами в квитки?

— Слыхал, — ответил отцу Семен, вытирая потный нос рукавом, — это тоже, братцы, чудеса! Бутить будем Дон, второе дно насыпать доверху, а наверх класть шпалы штабелями, на них—рельсы.

— Чепуха! — сказал заросший черной щетиной боец, нагибаясь, чтоб прикурить от спички Якима Снесаренко. — Сказки, товарищ, говоришь!

— Раз Климент Ефремыч сказал, в чем же сомненье? — обиделся за сына Яким.

Боец выпустил дым изо рта, обвел всех серыми глазами и засмеялся:

— Ну сам-то ты, отец, рассуди. Мост через Донец мы сколько строили?

— Скажем, семь суток.

— Восемь! И еле из Лихой живыми выскользнули, так? А ведь это Дон. Высота-то двадцать три сажени, стальные фермы, инженеры мост два года строили, по планам, так?

— А ты мерил его?— придвинулся к сероглазому младший сын Якима, Прохор, с

Вода стала поступать в котлы паровоза не хуже чем из водокачки.

винтовкой через плечо и с гитарой подмышкой.

— Мерил, не мерил, а факт, — опустил глаза боец. — Факт, что не построить нам его вовек голыми руками. К тому же под Нижне-Чирской генералы такие силы собрали, что как бы нам, того... спереди-то Дон, а сзади тысяч около шестидесяти казаков...

— И это тебе известно?—спросил Прохор.

— Да погоди ты, гитарист! — перебил Прохора боец в хороших сапогах и положил руку на гранату у пояса. — Человек правду говорит...

— Ну да, — откликнулись женщины, — чего шумишь, Прошка? Пущай расскажет. Дело-то какое! Дон ведь — не Луганка!

Сероглазый перевалил папироску в другой угол рта:

— По мне, как хотите...

— Погоди, голубь, — сказал Яким Снесаренко, — ну, а с богатством-то нашим как же... сколько добра, машины, станки?..

— А что дороже, отец, станки с машинами или человеческая жизнь? Дьявол с ними, с машинами. Нет, что уж тут говорить, видно, бросим эшелоны! — отрезал сероглазый.

Запричитала женщина:

— А нас-то, нас-то куды? С детишками-то, ох, го-о-ре тяжкое, бабыньки!

— Не вой ты! — сказал боец в хороших сапогах.—Попросим Ворошилова... может, возьмет вас на подводы. Окружим, как-либо пробьемся...

Смятенье охватывало толпу. Семен и Прохор переглянулись.

— Прав ты, браток, — протянул Семен.

— Сам понимаешь, — сказал сероглазый, — главнее что? Главнее — армию сохранить.

— Это конечно, — уронил Семен, — армию. Сам-то, браток, какой части?

— Был в шахтерском отряде, — замялся сероглазый.

— Папироски-то... там раздают? В шахтерском? — заревел Семен, и, прежде чем кто-либо мог понять что-нибудь, Семен пудовым своим кулаком страшно ударил сероглазого в рот. Сероглазый рухнул наземь, Семен навалился на него, крикнув:

— Проша, действуй!

Боец в хороших сапогах метнулся было в толпу, но его удержали крепко за руки.

— А все ж, не напоить вам коней в нашем Дону! — прокричал тот.

Оба были доставлены к Ворошилову.

Сбегался народ и из других эшелонов. Всякому хотелось знать, что произошло. Яким Снесаренко не уставал рассказывать о событии в двадцатый раз:

— Курить-то мы траву курим, а у него папироска в зубах. Семен мой в один миг это подметил. Где, говорит, папироски покупал? На проверку вышло — папироски-то господские...

— Как же они к нам пробрались, от казаков-то?

— Стало быть, кто-нибудь врастопырь руку держал. Меж пальцев и скользнули, вроде гадюки...

К ночи эшелоны тронулись на Царицын...

От резкого толчка вагона дед Ивась проснулся, откинул зипун, встал с нар и спросил у Анны:

— Поехали, Аннушка? Чего стояли?

— Мост там, говорят, казаки начисто уволокли в станицу. Навели новый. Спал бы, дедушка, ночь на дворе.

— Сколько мы с Климентом Ефремычем тех мостов понавели—страсть! — отозвался дед, садясь на нары и поглаживая ноги, затекшие со сна. — Да и то сказать. Аннушка, куда как нам способнее строить-то, чем ломать...

— Ну вот теперь все настроимся,—сказала Анна с усмешкой, — мост-то через Дон приказано самим наводить.

Дед Ивась удивленно поднял на Анну седые брови, но, как будто не слыша, что она сказала, продолжал:

— Бывало, еще в пятом году, как пройдем мы военный урок, понастреляемся по картузу, Клим соберет нас и давай рассказывать. Махнет рукой на Луганск и скажет, бывало: плохо построено! Прогоним паршивцев, сами все по-своему перевернем. И примется рассказывать нам: и про дворцы для рабочих, и про детские школы, и про сады. Так и говорит, бывало, и мы все размечтаемся... А про крепильщиков, Аннушка, ничего не было сказано?—неожиданно закончил дед Ивась.

— Про каких крепильщиков? — не поняла Анна.

— Мост строить, без крепильщиков не обойтись. Слесаря у нас есть, и токарей достаточно, и чернорабочей силы хватит— нас тут тридцать тысяч с лишком — каждый по шпале, по камню — море забутим, а не то что Дон, — а вот про крепильщиков чего-то я не слыхал. Пойти на улицу, что ли...

И дед стал наматывать портянки.

— Да что ты, дедушка! — всплеснула руками Анна.— Ведь мы ж на ходу, под колеса еще угодишь!

Но дед Ивась торопился одеться, потом высунул бороду наружу. Поезд еле-еле полз, как будто с трудом вплывал в черную душную густоту ночи.

Дед спрыгнул на землю, пропустил мимо себя три вагона и вскарабкался в открытую дверь четвертого.

Качая головой на неугомонного деда, Анна подошла к нарам и удобнее положила Андрейку. Мальчик проснулся:

— Мамк, дедушка спит?

— Спит, сынок, спи и ты.

— Мамк, а винтовка моя у дедушки?

— У него, у него, спи...

Скоро Анна легла и сама, но долго не могла заснуть — все улыбалась, вспоминая, как дед Ивась всполошился, когда услышал про мост.

«Неистребимые какие-то мы все!» — подумала Анна и, положив руку на шею сына, заснула, но и во сне видела деда Ивася и Андрейку.

После суровикинской трагедии дед Ивась приходил в себя с трудом. Похудевший, наголо остриженный, бродил он среди людей, виновато улыбаясь и, видимо, скучал без дела.

Жить старик попросился в вагон к Анне, чем умел помогал вдове. Андрейка не отходил от деда.

Слова Ворошилова о ремонте моста старый рабочий принял как приказ и не напугался дерзости задуманного. Тут же дед перешел к практическим выводам. Эшелоны к утру опять стали — и надолго. Дед Ивась собирал нужных ему людей.

— Ты чего, чего мешаешь? — навалился он на вихлястого парня, горячо доказывающего, что без инженеров и планов моста не сбить. — Э-эх ты, неуверенной походки человек! А революция? Ее-то, что ж, по-твоему, легче, чем мост строить? Так стоит же ведь она, не падает? Молчи, когда я говорю, таракан курносый! Скорей всего ты, парень, кроме как языком шалды-балды, более ничего и не можешь!

— Ах ты, старая коряга! Да мы ж слесари, ну?

— Опять врешь, ну зачем врать, ей-богу!—посмеивался дед Ивась. — Всех слесарей Ворошилов давным-давно переписал, а тебя в тех списках нету!

Парень опешил, хотел бежать к Ворошилову.

— Эй, эй! — потянул его за рукав дед Ивась. — Кто не записан, того в мою артель!

— Так запиши, дедушка!

— У нас без записок, у нас особая артель! Стой около меня да молчи, пока не прикажу, беда мне с тобой. Теперь бы нам, парень, кузнецов еще душ сорок!

Нашлись и кузнецы. На смелую работу скоро находились и смелые люди.

Дело шло к тому, что скоро появиться бы и донским чайкам. И вот они взмыли над эшелонами, донские, белогрудые, крикливые. Потянуло запахом рыбы и водного пространства. То был Дон.

Передний паровоз кричал, не переставая, пар теперь беречь было не к чему. Выскакивая изо всех вагонов, к реке бежали люди. Тесно сгрудились на высоком берегу, глядя на взорванный мост и не зная, что сказать. Многие, как на похоронах, сняли шапки.

Было слышно, как безнадежно и уныло гудит ветер в почерневших от взрыва, исковерканных, когда-то прекрасных, тонких стальных кружевах моста.

Внизу, там, где кипел и урчал Дон, торчали из воды остатки ферм, как руки чудовищных утопленников.

Полыхнув, разорвался снаряд, первый белоказачий снаряд. Народ метнулся в сторону, двое сорвались вниз, покатились по обрыву, поднялись и, прихрамывая, побежали, сами не зная куда. Жахнул второй снаряд. Запричитали женщины.

Тогда, расталкивая людскую гущу, появился со своей артелью дед Ивась.

— Который тут мост-то? — деловито спросил он.

Артель была в рукавицах, фартуках и в туфлях, напоминающих коровьи копыта. Все это предусмотрительный дед Ивась приказал загодя пошить из мешковины. Он подошел к Ворошилову, поздоровался, деловито сказал:

— Явились, Климент Ефремыч! Пора бы начинать, а?

— Начнем, товарищи! — ответил Ворошилов.

□□□

На фотографии вы видите нашу коллективную работу «Сталинская Конституция». Коля Романов предложил изобразить эту тему ввиде единого пионерского отряда нашей родины, который стремится к одной цепи. Это предложение нам понравилось. Каждый из ребят взялся лепить пионера и пионерку в национальных костюмах одной из союзных республик. Чтобы посмотреть костюмы, мы поехали в Музей народов СССР и сделали эскизы. Я предложила, чтобы пионерский отряд шел за товарищем Сталиным.

Мы работали над этой скульптурой очень дружно, помогали друг другу. Как получилась группа, смотрите сами.

Валя Меренко, Скульптурная студия Московского дома пионеров

Любимая учительница

Таня Паченцева, Люба Сморгонская, Оля Кильдишева
Москва, 174-я школа, Свердловского района

В каждом классе есть любимые учителя. И вот мы хотим рассказать про любимую учительницу нашего класса Зою Ивановну Хмелинину. Зою Ивановну любят не только в нашем классе, но и все ученики, которым она преподает. Потому что она очень хорошая.

В нашей школе Зоя Ивановна преподает уже давно. Целых десять лет. Но в нашем классе узнали ее только в прошлом году. Помним, пришла она к нам первый раз. Ребята шумят, слушать не хотят. Она сделала замечание, но тише стало не намного, тогда пошла к доске и начала писать примеры. Как только класс немного затих, начала объяснять, а как начала объяснять, в классе стало совсем тихо. Потому что объясняет она очень хорошо, очень понятно. Слушаешь ее и думаешь: как же все просто!

Особенно интересно бывает на уроках геометрии. Зоя Ивановна никогда не доказывает теоремы сама. Она вызывает к доске кого-нибудь из ребят, и мы всем классом начинаем приводить доказательства. Каждый спешит высказать свое. И бывает так, что мы находим более простые и скорые доказательства теоремы чем даже в учебнике, и их мы записываем в тетради.

Геометрию все без исключения очень любят. И все с нетерпением ее ждут. Ведь интересно же, когда не только слушаешь объяснения, но находишь эти объяснения сам. Плохих отметок по геометрии у нас в классе почти нет. А когда бывают, то задерживаются не надолго.

Вот как-то Симе Медниковой по геометрии поставили «плохо». Зоя Ивановна сразу же после уроков оставила ее в классе, и сама объяснила то, чего Сима не знала. Так оставалась она с Симой после уроков несколько раз, и в конце концов у Симы стало «отлично». Да и не одной Симе Зоя Ивановна помогала после уроков! Всегда после контрольных работ все получившие плохие отметки остаются с Зоей Ивановной, и она дает решать примеры, похожие на те, которые были в контрольной, каждому объясняет непонятное.

Зоя Ивановна — не наш классный руководитель. Но она очень внимательна ко всем нам, интересуется жизнью и нашего класса. Когда она видит, что кто-нибудь из наших ребят спорит или плачет, всегда подходит и спрашивает, что случилось, утешает, мирит. Да и мы все как что — первым долгом бежим к Зое Ивановне. Как-то несколько наших девочек получило за один урок по физике «плохо». Поднялся плач, а потом они всей гурьбой побежали к Зое Ивановне: она ведь всегда все понимает. Она успокоила, а потом и поругала, но никто на нее за это не обиделся, а только стыдно стало.

Иногда приходит к нам в класс Зоя Ивановна и спрашивает: «Читали газеты?» Ну, конечно, кто читал, а кто и не читал, а в газете как раз напечатано какое-нибудь

важное сообщение. Зоя Ивановна быстро нам расскажет все, а потом начинает урок.

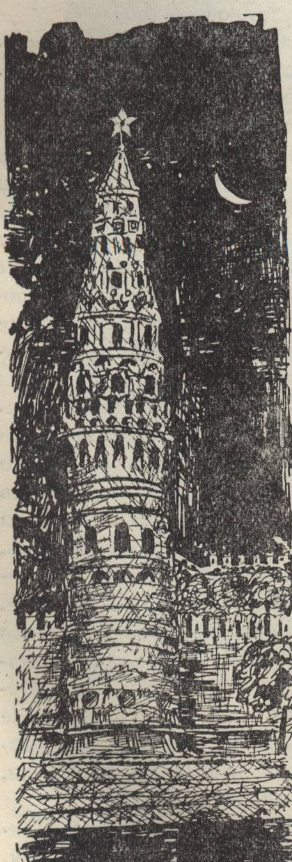
Очень мы любим, когда приходит она к нам, и на сборы отряда мы часто ее приглашаем. Иногда сидим на сборе и всем скучно, но как только приходит Зоя Ивановна,— все идет иначе. Потому что она очень веселая и жизнерадостная. Сразу придумает какую-нибудь интересную игру, загадает загадки, шарады, потом петь начинает, и мы все за ней. А то как-то даже и танцовала она с нашими девочками.

Когда мы идем в кино или в театр, приглашаем с собой и Зою Ивановну.

Вот пошли как-то в детский театр. В антрактах все наши ходят степенно, чинно. Зоя Ивановна увидала и говорит: «Нечего ходить с повешенными носами» — и потащила нас к роялю —песни петь. Потом рассказывала нам, какие она пьесы видела. Да с ней никогда не скучно! Разговариваем с ней так, будто она наша лучшая подруга.

А как-то заболела Зоя Ивановна. Собрались мы несколько девочек и пошли проведать ее. Сначала очень стеснялись, не решались постучать. Потом расхрабрились. Сидели у нее, разговаривали, играли с ее маленьким сынком, и она учила нас играть на гитаре.

После летних каникул мы в школу не шли, а бежали. Всем хотелось повидать товарищей, и все хотели поскорей увидеть Зою Ивановну, рассказать ей о том, что интересного было на каникулах.

Звезда

Стихи Лены Розенберг

Рисунок Гали Коджаянц, Москва

Над Москвой нависла мгла,
Ночь спустилась мрачной птицей.
Очень темной ночь была,
Но не стало темней в столице.

Ярким светом все залило:
На бульварах, на улицах—всюду
Было как днем светло
И полно веселого люда.

В этом пламени золотом
Я стоял у башен Кремля
И смотрел, как река под мостом
Воды несла бурля.

Надо мною в небес глубине
Сверкали фонарики звезд,
И от нашей земли к луне
Поднимался огненный мост.

А самым началом моста,
Что огнем в поднебесье взмыл,
Была красная наша звезда —
Любимейшее из светил.

Горя над седым Кремлем,
Отливая рубином, она
Отражалась в реке огнем,
И блекла в небе луна.

Света ее лучи
Расходились по всей земле,
И не одни москвичи
Знают о их тепле.

Есть великий творец
В старом, седом Кремле,
Он любит нас как отец,
Принес он счастье стране!

Это его тепло
Излучают звезды в Кремле,
Это вокруг него
Сплотился народ на земле.

ЮННАТЫ—УЧАСТНИКИ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ

Коля Аристов за вязкой снопов опытной пшеницы.

Тася Воробьева с початками кукурузы.

Дуся Кочеткова с выращенной ею кольряби.

Многие ребята уже успели побывать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, а тот, кто еще не побывал, безусловно, читал о ее чудесах. И все ребята знают о том, что в создании этих чудес принимали участие и их товарищи — пионеры, такие же ребята-школьники, как они сами. То, что сделано ребятами, показано в Павильоне юных натуралистов. Рая Бронштейн, Галя Козлова, Гриша Зайденшнер рассказывают здесь, как удалось им осуществить свою мечту и стать участниками выставки.

Вы видите, что ничего недоступного в этом нет. Ребята серьезно и вдумчиво относились к своим опытам и потому достигли таких замечательных успехов.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка будет открыта еще в 1940 и в 1941 годах, и каждый из вас имеет возможность стать ее участником. Но, чтобы добиться этого, необходимо уже сейчас начать готовиться.

Смело беритесь за дело, не бойтесь трудностей. Пионер должен быть настойчивым, должен уметь доводить начатое дело до успешного конца.

Идите по стопам наших замечательных ученых, учитесь воздействовать на природу, преобразовывать ее.

Давайте начнем на страницах журнала обмен опытом юных натуралистов. Пишите нам подробно о том, как вы готовитесь к выставке,— пусть о вашей работе узнают все наши читатели.

Выращу морозостойкий виноград

Гриша Зайденшнер, 279-я школа Ростокинского района, Москва

Наша 279-я школа — подшефная выставке. И к нам в школу привезли с выставки черенки винограда. Было 7 сортов, всего 90 черенков. Наша ботаничка Анна Алексеевна попросила меня посадить черенки на школьном участке. Почему меня?

Потому что я работаю в юннатском кружке, потом известно, что я у себя в саду прививал яблони мичуринскими сортами, потом она знает, что я неплохой ученик. Я посадил черенки. Анна Алексеевна попросила меня полить их. Я решил: раз мне говорят: «Гриша, полей»,— я могу полить, но после брошу это дело.

Но я не бросил: это дело меня заинтересовало. Мне захотелось вырастить виноград, который бы вызревал под Москвой. Мне выделили виноград для наблюдения и опытов. Я завел дневник и писал в нем, когда появились листочки, ну, и все как полагается.

Потом Анна Алексеевна сказала: «Вот тебе, Гриша, два помощника». Это Володин и Александров, тоже из нашего кружка. А после окончания испытаний нам помогали и другие ребята из школы.

Виноград дает урожай на второй год, а мы хотели, чтобы он дал урожай в первый же год. И он дал. Мы делали прививки и скрещивали мичуринский белый виноград с крымским. Хотели получить виноград зимостойкий и сладкий, как крымский.

Когда открылась выставка, наши учителя там побывали и сказали, что на выставке юннатский виноград хорош, но и наш наравне с ним. И я поехал на выставку, все посмотрел и попросил, чтобы мне можно было тут работать. Меня приняли.

Я буду в следующем году на нашем школьном участке ставить новые опыты по прививке и скрещиванию, чтобы в 1940 году на выставке был виноград, который мы, ростокинские юннаты, вывели: морозостойкий и сладкий. Я думаю, он будет.

Пчелы на выставке

Рая Бронштейн,
304-я школа Ростокинского района, Москва

Когда мы занимались в кружке, в парке одна девочка спросила нас: «Девочки, хотите быть юннатками? Можно работать в кружке на выставке». Так мы и попали на выставку и работаем здесь в активе два года. Сначала по цветоводству, потом по цитрусам, а теперь по пчеловодству. А вот Орест Гладыш, он уже два года здесь работает по пчеловодству, он больше всех нас знает.

Теорию пчеловодства мы будем проходить подробно зимой: будем изучать строение и биологию пчелы и знакомиться с работой лучших пчеловодов. А в это лето мы, девочки, прослушали две беседы, и наш педагог на практике обучает нас ухаживать за пчелами. Мы каждый день записываем температуру, взвешиваем контрольный улей, научились делать подкормку. Мы будем подкармливать пчел осенью, чтобы матка долго червивела (откладывала яички), а то, когда уменьшается взяток, она перестает червиветь, точно боится, что детке и пчелам не хватит меда на зиму. А мы хотим, чтобы она долго червивела, чтобы на зимовку пошла большая пчелиная семья. Этой весной Орест Гладыш и другие ребята, занимавшиеся раньше, тоже подкармливали пчел, чтобы ко времени самого большого взятка, к июлю, у нас были сильные пчелиные семьи. Мы все уже умеем составлять сироп для подкормки и наливать его в кормушки. Пчел мы не боимся: это северокавказские пчелы, они не злые, а потом у нас уже теперь от укуса тело не пухнет, верно, уже есть в организме противоядие. Мы работаем без всяких сеток и дымарей.

В конце августа мы просматривали ульи: у всех ли пчел хватит меда на зимовку. Нужно оставлять 16—18 килограммов меда на семью, а у нас есть ульи, в которых меда и по 21—22 килограмма.

Мы вызвали на соревнование пчеловодов с большой пасеки выставки при павильоне «Пчеловодство»: у кого будет чище пасека и у кого будет меньше случаев заболеваний и гибели пчел за зиму. Кто победит, мы еще не знаем. Они, взрослые пчеловоды, будут судьями, потому что они больше нас понимают. И еще мы договорились наблюдать зимой за ульем, который висит в теплице на

участке овощеводства. Там громадная теплица, на тысячу квадратных метров, и если бы нужно было искусственно опылять цветы огурцов, помидоров и других растений (там овощи выводятся круглый год), то сколько бы потребовалось от людей работы! А так это делают пчелы. Зимой мы, конечно, будем учиться в школе, но обязательно будем раз в пятидневку приходить на выставку заниматься пчеловодством. Мы хотим за зиму так изучить жизнь пчел, чтоб в следующем году взрослые только наблюдали за нами, а мы все делали сами.

И сейчас мы уже многому здесь научились. Когда приходили посетители, мы им рассказывали. Орест Гладыш стоял около стеклянного улья в самом павильоне. Через стекло видны рамки и работа пчел, а леток устроен сзади, в стене павильона, чтобы пчелы не вылетали в зал, а могли вылетать прямо на волю, на участок, к цветам за взятком. Часто к нему подходили и ребята и взрослые и спрашивали, где купить улей, как завести пчел, как ухаживать за ними.

Часто приходили на выставку экскурсанты колхозники-пчеловоды из разных краев. Они дали нам хорошие советы. Один колхозник посоветовал нам посеять около нашей пасеки ценный медонос, которого у нас нет. А другой колхозник, из Владимирской области, научил нас смазывать жиром желобок в воскотопке, чтобы лучше отделять воск, и посоветовал нам повесить около воскотопки два градусника и выкрасить ее внутри (снаружи не приходится: у нас вся пасека под один цвет — белая) в черный цвет, чтобы лучше нагревалась солнцем.

Мы ему говорим: «Спасибо за совет»,— а он отвечает: «Это вам спасибо, ребята! Я люблю пчеловодство и занимаюсь им, но никогда не знал, как это искусственно можно выводить матку. А вы мне показали, как это надо делать, и теперь я буду это знать».

Колхозный двор.

Рисунок Володи Богданова, ст. Малаховка

НАША ЖИЗНЬ

Мое звено

Клава Васильева

Москва, 174-я школа Свердловского района

Очень часто вожатые звеньев жалуются на то, что ребят не затащишь на сборы, что сборы проходят скучно и неинтересно. Я хочу рассказать про свое звено. Весь прошлый учебный год я была вожатой звена. В звене было 13 человек: 6 девочек и 7 мальчиков. Когда нас разбивали на звенья, в мое звено пошли девочки и мальчики, которые всегда между собой были дружны, может, это во многом помогло: звено наше получилось хорошее, веселое и дружное.

Когда меня выбрали вожатой, я очень волновалась: мне казалось, что я не справлюсь с работой звеньевого. А ведь очень неприятно, когда звено плохое. Да тогда и ругают первым долгом вожатого звена. А кому же это приятно?

И вот я не хочу хвастаться, но наше звено считалось лучшим в классе. Первое время нам помогал вожатый нашего отряда. Помню: на первом сборе составили план работы. Потом вожатый принес нам пьесу. Пьеса была про то, как пионеры задержали нарушителей границы. Всем нам она очень понравилась, и мы дружно за нее взялись. На репетиции ходили аккуратно. И когда потом поставили эту пьесу, все ребята нашего класса были очень довольны.

Потом начали учиться стрелять, сдавали нормы на значок «Юный ворошиловский стрелок». А стрелять ведь очень интересно, и опять получилось так, что ребята моего звена не только не пропускали сборов, а, наоборот, ждали их, спрашивали: «Когда же сбор?» Проходили мы и строевую подготовку. Учились поворачиваться направо, налево, маршировать. И хотя нам показалось, что все это очень просто, первое время многие из нас путались: поворачивались не в ту сторону.

Все мое звено вошло целиком в группу самозащиты школы. Девочки наши были санитарками и связистами, мальчики — пожарными и по охране порядка. И не думайте, что мы числились только в этой группе: мы действительно работали.

Вот с учебой в нашем звене первое время дело шло не совсем хорошо. Двое ребят из нашего звена все время нас подводили. Это Сева Чуланов и Клава Булдакова.

У всего нашего звена хорошие отметки, а у этих ребят вечно «плохо» затешется. Сева никогда не готовил дома уроков, а просто приходил в школу пораньше и переписывал задание у других ребят. И вот мы решили всем звеном: не давать ему списывать.

Приходит он в класс и прямо к Наде Мельниковой:

— Дай списать по алгебре.

А Надя и не дала. Тогда он пошел к Вале Жеребцовой: она добрая и не откажет! Ну, не тут-то было: даже Валя — и та сказала ему, что не даст списывать.

Сева разобиделся и говорит:

— Ну и ладно, я и так обойдусь!

Тогда все девочки нашего звена обступили его и предложили вместе решить примеры на доске. Сначала он упрямился, но потом мы его уговорили. Он понял примеры, переписал их в тетрадь и больше уже не просил списать. А когда не понимал чего-нибудь, просил объяснить, и мы все ему помогали. В первой четверти Сева Чуланов имел три плохих отметки, а когда мы стали ему помогать, он быстро их исправил и уже больше не подводил нас.

С Клавой Булдаковой было трудней: она очень плохо все понимала, когда ей объясняли, да еще и ленилась. Но и ей мы все-таки помогли и добились того, что кончила она семилетку без плохих отметок.

Очень дружное было наше звено. Никогда никого не приходилось уговаривать. Если, например, собирались куда-нибудь идти, ходили всей гурьбой и в кино, и в театр, и на лыжные вылазки.

Первый раз поехали кататься на лыжах с Ленинских гор. Все мы на лыжах ходили и раньше. Только Нина Урвачева стала на лыжи первый раз. Прикрепила их и решила, что ходить на лыжах так просто, что она может съехать с любой горы. Но не тут-то было. Забралась она на самую высокую гору да так полетела, что мы потом еле-еле собрали ее лыжи и палки.

Но снег был мягкий, и она не ушиблась. Эта первая неудача ее не остановила, и к концу зимы она ходила на лыжах не хуже нас всех.

Все это я рассказала потому, что в звеньях в большинстве случаев бывает очень скучно. Часто спрашиваешь кого-нибудь из ребят: «Почему не ходишь на сборы?» — и получаешь в ответ: «А что там делать?» Я думаю, что бывает это потому, что собираются недружные ребята, не хотят проявить свою инициативу, может, и вожатый звена виноват: он ведь должен уметь организовать ребят.

В каждом звене есть ребята, которые увлекаются и радио, и театром, и фотографией, и многим другим. Но многие из них считают, что к работе звена это не имеет никакого отношения... Это неверно. Ведь не все ребята в звене знают, как сделать радиоприемник или фотоаппарат. Почему бы тому, кто это знает, не рассказать всему звену? Или вот идут звеном в театр или кино, а после стоит устроить сбор и поговорить о спектакле или кинокартине. То же самое, если кто-нибудь прочел интересную книгу: почему бы не рассказать об этом всему звену, не постараться, чтобы хорошую книгу знали все?

Да, наконец, если дружить, если беспокоиться о каждом пионере, скучно в звене не будет. Вот я рассказала о своем звене, описала, какое оно было дружное.

В этом году, я думаю, в нашем звене будет еще лучше, еще интересней. То, чего не делали мы в прошлом году, в этом году обязательно сделаем. Вот я говорила, что хорошо бы было, если бы ребята делились своими знаниями со всем звеном, чтобы читали и рассказывали интересные книги. А это мне пришло в голову только тогда, когда писала я это письмо. Так что надо не лениться, надо подумать — и придумается много интересного. А ведь как хорошо, когда звено дружное! И тогда на сборы звена уже не приходится затягивать ребят: они идут сами.

Осенний пейзаж *Рисунок Жени Чеснокова. С. Нива, Кировская область*

Арбуз

Рассказ Юры Шелкопляса

Харьков

Рисунки Инны Дунаевой, Москва

Летом я и мой товарищ Геня отправились на дачу. Дни пролетали возле реки, в прогулках в поле или в лес. По вечерам мы ходили ловить рыбу.

Как-то перед вечером мы сидели на берегу у своих удочек. Солнце уже клонилось к горизонту. В его последних лучах купался лес, покрывающий склон горы противоположного берега. Он, всегда темный, сейчас казался светлее, приветливее.

Вечерняя заря разбросала по небу огненные крылья. Наши поплавки лениво подпрыгивали по легкой водяной ряби. Рыба клевала плохо.

— Ну, как рыбка, рыболовы?

Геня поймал всего две небольших красноперки, а мне, как всегда, не везло.

Когда совсем стало прохладно, мы начали сматывать удочки.

— Ну, как рыбка, рыболовы? — раздался вдруг незнакомый голос.

Мы оглянулись. В нескольких шагах от нас сидел средних лет мужчина, загорелый, с добродушным улыбающимся лицом. В руках он держал удочку и большую вязку рыбы.

— Ничего,— ответил я,— ловится помаленьку!

— А рыбка ваша где?

Я смутился, а он весело засмеялся.

— Врун ты, паренек! — сказал он.— Я вот тут рядом сидел,— показал концом удочки на густые кусты зеленеющей осоки,— за осокой. Ваши успехи видел и споры слыхал. Ловите вы плохо, рыбу только пугаете. Рыба умная, хитрая. Мелочь, ту еще обманешь, а большую — попробуй!.. Домой идете? — вдруг спросил он.— Вам куда?

Мы показали.

— По пути нам, значит. Идемте вместе! — предложил он.

Мы согласились. Этот разговорчивый человек нам обоим понравился. А его симпатичное открытое лицо располагало к продолжению разговора.

— Ну, раз мы попутчики,— заговорил он,— то давайте знакомиться. Зовут меня Семеном Павловичем Павленко, работаю бригадиром в колхозе «Светлый путь».

Мы сказали, как зовут нас. Пожали друг другу руки. Его рука была крепкая, с короткими пальцами, жесткая от мозолей.

Втроем мы направились по узкой дорожке к деревне. Солнце давно скрылось, и на синеве потемневшего неба показался бледный рог месяца. Блекла заря, и зажигались первые звезды. Ночь окутывала землю быстро и незаметно. Воздух казался вкусным от свежего лесного ветерка, от запаха высыхающего сена, от поднявшегося над рекой тумана. Всем нам троим дышалось легко, свободно. За разговором не заметили, как подошли к деревне.

— Вот и мой двор! — неожиданно, как и в первый раз, сказал Семен Павлович.— А не зайдете ли вы ко мне, ребя-

та? Познакомитесь с моим сыном. Он рад вам будет. Пойдемте!

Нам с Геней давно уже хотелось подружиться с местными ребятами, и мы, конечно, с радостью согласились.

Перепрыгнув через перелаз, мы пошли узенькой, едва видимой дорожкой, ведущей через огород к дому. Ступать приходилось осторожно, чтобы не растоптать огурцов и помидоров или не споткнуться о большие желтобрюхие тыквы. Впереди белели стены дома Семена Павловича. В небольших завешенных окнах горел яркий электрический свет.

Оставив на дворе удочки, мы вошли в дом.

Навстречу нам вышли жена и сын Семена Павловича.

— Мотя, гости к нам! Принимай! — потом обратился к сыну: — К тебе специально, Ванюха! Знакомьтесь: сынаша мой, жена — Мотя Ивановна!

Ваня на самом деле обрадовался нам. Да и мы ему тоже. Поздоровавшись, мы сразу разговорились и через несколько минут были уже друзьями. Оказалось, что мы ровесники и даже одноклассники.

Мы уже рассказывали Ване о своем городе, когда до сих пор молчавшая Матрена Ивановна заговорила:

— Эх, и голова же у тебя, Семен! Принес вчера на пробу два арбуза и забыл. Угости ими ребят.

Мы было начали отказываться от угощения, но Матрена Ивановна перебила нас:

— Где же это видано, чтобы не угостить?!

И Семен Павлович, не слушая нас, пошел за арбузами. Мы опять разговорились.

Под первым нажимом ножа арбуз треснул и через мгновение лежал перед нами разрезанный умелой рукой.

— Вот так арбуз!—отряхивая с рубашки семечки, весело проговорил Семен Павлович.

И действительно, один вид его: красный, с белыми сахаристыми жилками, с мелкими коричневатыми семечками — привлекал к столу.

— Ешьте, хлопцы!

Мы дружно принялись уплетать.

А Семен Павлович, как будто что-то вспомнив, улыбнулся и сказал, обращаясь к Ване и Матрене Ивановне:

— Вы-то уже знаете, а вот ребятам я обязательно расскажу, раз уж такой случай подвернулся. Пусть послушают, посмеются.

Мы не знали, о чем Семен Павлович хочет нам рассказать, и уже приготовились слушать.

— Один раз таким арбузом я жизнь спас себе и двоим своим товарищам. С тех пор часто вспоминаю этот случай. В девятнадцатом году это было,— начал Семен Павлович.— К концу лето было. Как раз тогда банды Деникина оттеснили нашу молодую и плохо вооруженную Красную Армию от степей Украины и начали наступать на Москву. Им тогда красноармейцы здорово под Орлом шею набили, а гнали потом до самого моря.

Так вот. Когда отступили наши, я дома, тут находился. Ранен был в бок.

Утром ушли красные, а к вечеру ворвались с диким гиканьем деникинцы. Поднялась по всей деревне кутерьма. Крики, выстрелы, грабежи. До утра полыхали пожары.

На другой день деникинцы ушли дальше, а в деревне оставили сотню казаков для «наведения порядков». Ну и навели же они «порядочки»! Любые бандиты позавидовать могли.

Наши кулаки с ними заодно были. Пьянку такую затеяли, что самогонка ведрами полилась. А сами тем временем офицерью в уши напевают: такой, мол, в комитете бедноты был, и такой-то, и такой-то, а тот — большевик, а другой за большевиков. Начались кровавые расправы. Карпа Гавриленко повесили, многих расстреляли, а половину деревни, гады, шомполами перепороли.

Позабирали все, чего не успели спрятать. Многие не вытерпели издевательств, убежали в лес. Тут пошли слухи о партизанах.

Обо мне сначала не знали, что я в деревне остался, думали, с красными ушел. А я в сарае, в соломе полусгнившей, позапрошлогодней, прятался. Пришли гра-

бить — одной соломы не взяли. Поджечь хотели — сырая была.

На восьмой день, на рассвете, прибегают ко мне два товарища, оба такие же бедняки, как и я. Разыскивали их здорово.

— Пронюхали, твари, что ты здесь,— говорят.— С минуты на минуту с обыском могут нагрянуть. Надо убегать.

И хотя я еще не совсем поправился, пришлось быстро собраться и уйти. Даже оружия не успел с собой захватить: слишком далеко оно у меня запрятано было. Убежали... И вовремя. Только мы успели спрятаться в лозняке, как на мой двор влетело несколько пьяных деникинцев.

Чтобы попасть в лес, нужно всю деревню пройти, а как ее перейдешь, когда кругом деникинцы шныряют? Мы пошли через бор в поле.

Идем бахчой нашего богатея местного. Дай, думаем, сорвем арбузишко. Съели пару, а один, вот такой черный, я с собой захватил.

На день мы решили скрыться в густом сосновом молодняке, а вечером перебраться через реку в лес к партизанам.

Идем к молодняку, дороги сторонимся. И уже мы были у молодняка и чувствовали себя в полной безопасности, как из него вдруг выскочили четыре деникинца и закричали нам:

— Стой! Руки вверх!

Это было так неожиданно, что мы

«съели два арбуза, а один я с собой захватил».

растерялись. Что можно было сделать нам против четырех, хорошо вооруженных деникинцев?

И вдруг в один момент, когда я уже поднимал руки вверх, в голову мне пришла отчаянная мысль...— Семен Павлович обвел нас своими пылающими от воспоминаний глазами.— Я крепко сжал обеими руками завернутый в гимнастерку арбуз (в тот день было жарко, и я снял ее, чтобы легче было идти), занес его над головой и грозно крикнул:

— Бомбу брошу! Бросай оружие, гады!

Черная корка арбуза, видневшаяся изпод гимнастерки, придала ему вид страшного оружия. Деникинцы со страху побросали винтовки на земь. Мои товарищи поняли, в чем дело, и в один момент собрали винтовки, а деникинцев связали по рукам и ногам.

Тогда только я опустил руки. Тут же мы разбили и съели арбуз-спаситель. Деникинцы только в ту минуту, когда увидели вместо страшной бомбы вкусный арбуз, поняли, как ловко мы их надули. Ох, и ругались же они с досады! А мы смеялись.

Семен Павлович кончил и начал крутить «ножку», смотря на нас смеющимися глазами. Мы же долго смеялись и вслух представляли себе, как сначала испугались Семен Павлович с товарищами, а потом деникинцы.

Посмеявшись, мы спросили у Семена Павловича:

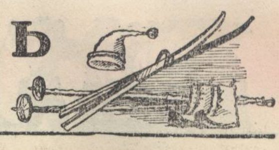
— А дальше?

— Дальше неинтересно. Забрали оружие деникинцев, а в бору нашли их лошадей. Ночью переправились к партизанам. И там долго смеялись над такой оказией. Да и теперь частенько просят меня рассказать, как деникинцы арбуза испугались. На войне, помните, ребята, главное — не теряться, принимать быстрые и смелые решения!.. Только мы теперь врагов не арбузами будем бить, а техникой, лучшей техникой в мире!

С той поры мы часто бывали у Семена Павловича и крепко подружились с Ваней. Я и до сих пор с ним переписываюсь.

НАША ЖИЗНЬ

Кем мне быть?

Игорь Кириллов, г. Ойрот-Тура

Рисунки Инны Дунаевой, Москва

Я в этом году кончаю неполную среднюю школу и не знаю, что делать дальше. Куда мне поступить учиться? Ведь у нас в СССР все дороги открыты. Можно выбирать любую профессию.

Я хотел бы быть машинистом на «ИС» или «ФД». Но меня также увлекает архитектура. Я хочу строить дома, мосты, дороги. Хочу сделать так: поступить в строительный техникум, окончить его, поработать, потом на машиниста, опять поработать, потом в Военно-транспортную академию или в Архитектурный институт. Но я подумал, и у меня выходит: в Академию я попаду только к 30 годам. Так лучше отдаться одному делу, а то и деньги пропадут, которые на меня истратит государство в строительном техникуме, и пропадет профессия машиниста, если я стану в конце концов архитектором.

Теперь я увлекся электротехникой и радио, хотя мысль о машинисте не покидает меня. Ведь неплохо будет, если я поведу на врагов бронепоезд, в котором будут сидеть мои товарищи артиллеристы.

Я еще люблю делать плотины. В 1936 году я сделал земляную плотину. Стояла она на быстром глубоком ручье больше года, пока один рыболов не раскопал ее. И глубина была подходящая, и механизмов никаких не было. В ней все время было полно воды, которую хозяйки брали для мытья полов, а лишняя вода стекала. И еще я люблю делать модели судов.

Я выписал журнал «Техника молодежи», чтобы помочь себе выбрать профессию. Я хочу много знать и многое уметь делать, как Раскова. Она и химик, и летчик, и штурман, и радист. Все ей годится. Я прошу редакцию помочь мне. Я не говорил никому о своем пути в будущем, но вам сказал. Да еще сказал своей маме, что пойду по части машин или по строительству. Я надеюсь, вы мне поможете выбрать мой путь.

Письмо Игорю

от М. Расковой

Читая твое письмо, Игорь Кириллов, я вспомнила свою юность. Кем только мне тогда не хотелось быть. Мой брат увлекался самолетами. Он их строил из прутиков и бумаги, а меня самолеты не интересовали. Я не понимала, что хорошего находит брат в самолетах. Мне и в голову не приходило, что через несколько лет я буду летчиком.

Зато я очень увлекалась музыкой. Самой заветной моей мечтой было поступить в музыкальную школу. Вскоре я добилась своего: поступила в музыкальную школу. Любила я еще театр, выступала в драмкружке, мечтала быть оперной певицей. До восемнадцати лет эти мечты неотступно преследовали меня, но на двадцатом году жизни я как-то совсем неожиданно

для себя поняла, что буду не музыкантом, не актрисой, а штурманом.

Вот как это было. Я поступила в Военно-воздушную академию. Работала чертежницей, там я встретила бывшего морского летчика-наблюдателя Николая Константиновича Кривоносова. Он отлично знал морское штурманское дело и, как это часто бывает с человеком, горячо любящим свое дело, хотел, чтобы и другие его любили. Я как-то незаметно стала изучать штурманское дело и стала штурманом.

А сколько у тебя, Игорь, впереди встреч с замечательными, знающими и любящими свою профессию специалистами. Ведь тебе только четырнадцать лет. Это такой возраст, когда хочется делать все сразу, делать немедленно. В таком возрасте кажется, что любое дело по плечу. Дали бы паровоз — поехал бы на паровозе. Разрешили бы строить мост через Волгу — построил бы мост. В твоем возрасте ребята очень восприимчивы. Я помню, как после просмотра замечательного фильма «Чапаев» многим ребятам захотелось стать похожими на легендарного героя. Они играли в чапаевцев, а самым бедовым ребятам дали кличку «Чапаев».

У наших ребят есть по кому равняться, есть к чему стремиться. Подними голову — увидишь в небе летящие самолеты. Посмотри на дорогу — по ней мчится автомобиль. В поле, пыхтя, работает трактор, взрыхляя плодородную землю. Зайди на колхозную конюшню — встретишь конюха-орденоносца. По прямым стальным рельсам, мимо стройных густых лесов, широких полноводных рек, безграничных колхозных полей, красавец-паровоз «ИС» легко мчит цепочку новых голубых вагонов. Вот около сельсовета, в кругу пожилых колхозников, веселится молодежь. Это призывники. У них большой праздник. Колхозники провожают своих восемнадцатилетних сыновей в Красную Армию.

Видя все это, наши ребята, естественно, не знают, на чем им остановиться, что выбрать. Не знаешь этого и ты, Игорь.

А я себе представляю Игоря Кириллова через четыре года вот так.

Призывной пункт. Игорь, крепкий, загорелый, стоит около стола призывной комиссии. Члены комиссии любуются им, задают ему вопросы. Комиссар спрашивает:

— Какое у тебя, товарищ Кириллов, образование?

— Окончил десятилетку.

— В какую часть хотел бы ты пойти?

— В броневые части. Давно мечтаю быть машинистом. Приятно водить на врага бронепоезд, в котором у орудий сидят твои товарищи.

После службы в Красной Армии Игорю будет ровно двадцать лет. К тому времени он уже твердо решит, кем быть, и, вооруженный знаниями, которые ему дала школа, закаленный годами службы в рядах Красной Армии, упорно примется за овладение той специальностью, которой решит посвятить свою жизнь, и, несомненно, добьется успеха...

А пока, Игорь, не пугайся разносторонности своих стремлений. Строй радиоприемники, если это тебе нравится, работай на детской железной дороге, но всегда помни о главном: хорошо учись, закаляй свое тело, воспитывай твердый характер, чтобы на любом поприще быть достойным гражданином нашей великой родины.

М. Раскова,
Герой Советского Союза

□ □ □

СЕРАЯ СОВА

Саджо и ее бобры

Перевела и обработала Алла Макарова. Рис. Серой Совы

Продолжение

День рождения Саджо

Поселок Описоуэй лежал в Долине Лепечущих Вод, вблизи небольшого водопада, чье тихое, убаюкивающее журчанье напоминало индейцам лепет сонных голосов. Отсюда и пошло такое название.

Невдалеке, у озера, на зеленом пригорке, стояла бревенчатая избушка Большого Пера. Лес подступал прямо к ней. Но участок вблизи домика был тщательно расчищен от бурелома и молодняка, сквозь ряды стройных деревьев открывался чудесный вид на озеро.

Это было огромное озеро. Его холмистые, заросшие лесом берега убегали в голубую даль, словно волны необъятного изумрудного океана. Узкая тропинка вилась от избушки вниз по склону холма, к роще высоких, стройных тополей, стоявшей у самой воды. Там Гитчи Мигуон любил коротать с детьми часы своего досуга в жаркие летние дни.

Хижина охотника была сложена из золотистых сосновых бревен, все щели тщательно законопачены желтовато-зеленым мхом. Единственная ее комната, освещенная тремя одностворчатыми оконцами, выглядела приветливо и опрятно. Бревенчатый пол был гладко выструган и чисто вымыт; разноцветные индейские одеяла, застилавшие три скамьи-кровати, радовали глаз своими яркими красками. В углу напротив входной двери стояло ружье Шепиэна. Мальчик выменял его у скупщика американской меховой компании за четыре дорогих норковых шкурки, хранил его, как бесценное сокровище, и всегда очень усердно чистил.

Был день рождения Саджо. Дети готовились к приезду отца.

Саджо насушила тростниковых стеблей, нарезала их ровными кусочками и выкрасила в голубой, алый и желтый цвета. Потом она стала нанизывать их на длинные нити, искусно подбирая в затейливый узор. И когда она повесила эти разноцветные нити тростниковых бус густыми рядами по бокам окошек, ей показалось, что они выглядят как настоящие занавески. Девочка долго не могла налюбоваться на свою работу.

Потом она стала хлопотать около стола. Расставила жестяные тарелки, положила ножи и вилки. Скоро появился на середине стола большой каравай индейского хлеба — банок, — украшенный настоящей, только совсем маленькой елочкой. Очень хотелось, чтобы стол выглядел нарядным.

И Шепиэн тоже не сидел сложа руки. Он разостлал на полу новую оленью шкуру, принес дров и положил их возле печки, где уже жарилась оленина — его охотничья добыча.

Меднокожий, черноглазый, как и все индейцы племени ожибвей, Шепиэн казался не по летам серьезным мальчиком и ростом был выше своих сверстников.

Закончив хлопоты по хозяйству, он сел в ожидании отца. Мальчик был уверен, что отец непременно вернется к их семейному празднику, если только с ним не случится что-нибудь неожиданное в пути.

А у Саджо карие глазки блестели от возбуждения, она суетилась и бегала взад и вперед по комнате, и вслед взлетали две ее черные косички. То она хлопотала у плиты, то расставляла у стола чурбаны, служившие вместо стульев, то поправляла свои тростниковые занавеси.

Перед глазами Шепиэна открывалась широкая даль озера. Он не отрывал глаз от воды и напряженно ждал, что вот-вот появится пиро́га отца. Но мальчик не хотел выдать сестренке своего волнения, поэтому и сел в стороне: ведь уже целый месяц, как он оставался в доме старшим и должен был вести себя, как мужчина.

А Саджо распевала песенку и, казалось, не ходила, а летала по комнате, едва касаясь пола своими расшитыми бисером мокасинами; так и мелькало ее яркое клетчатое платьице. Девочка чувствовала себя по-праздничному.

Но подарков она не ждала. С тех пор как могила ее матери заросла дикими цветами, некому было ее баловать. Правда, отец смастерил как-то две деревянных куклы и подарил их ей ко дню рождения. Но на этот раз ему не до игрушек: он вернется из далекого пути.

Саджо достала своих любимиц — одну из них звали Чилеви, а другую — Чикени, — усадила их на край скамьи. На куклах тоже были веселые клетчатые платьица, как и

у Саджо, но вид у них был какой-то печальный: краска сошла с их лиц, наверное, во время купанья. Надо было помочь беде. Девочка побежала за кисточкой и быстро навела алый румянец на побледневшие щеки своих безмолвных подруг. Пестрой шалью завязала их деревянные головки... И все-таки они выглядели очень странно: у них не было ни пальцев, ни носа, ни рта...

Шепиэн все сидел очень тихо, не сводя глаз с озера, и только ждал, когда же сестренка угомонится.

И вдруг его сердце стало биться все быстрее и быстрее, и он с трудом сдержал себя, чтобы не броситься к окну. Далеко-далеко на озере он увидел движущуюся точку.

— Сестра, — сказал он ровным, спокойным голосом, — наш отец возвращается.

— Где? Где? — воскликнула Саджо и, не дожидаясь ответа, схватила свою шаль, стремглав бросилась в дверь и растерянно стала глядеть во все стороны:

— Где, покажи скорее, Шепиэн!

Шепиэн показал рукой в том направлении, где он заметил точку на воде:

— Вон там, сестра, видишь крошечное пятнышко?

— О-о-о! — разочарованно протянула Саджо.

И в самом деле, мало ли чем могло быть это пятнышко!

— А вдруг это плывет медведь или олень? — сказала в раздумье девочка, надеясь, что брат начнет ее уверять, что это не так.

Но ему не пришлось ей доказывать.

К ним долетел издалека звук, очень слабый, отрывистый, — выстрел из ружья. А вслед за ним другой.

— Это он! Это он! — закричала Саджо.

— Да, это сигнал нашего отца, — с трудом сохраняя спокойствие, подтвердил Шепиэн, а потом вместе с сестренкой бросился в хижину.

— Теперь скорее за работу! — скомандовал мальчик.

И, несмотря на то что челн был еще очень далеко и что ожидать отца можно было не раньше чем через час, в хижине пошел дым коромыслом. Дети бегали от полки, где стояли горшки с вареньем из голубики и земляники, к плите: нужно было поставить чайник, посмотреть, готова ли оленина; они тыкали в нее большой вилкой, потом снова бежали к столу, и снова к очагу, и так без конца взад и вперед.

И когда, наконец, наступил долгожданный момент и желтая пиро́га врезалась в песчаный берег, все заговорили в один голос.

Гитчи Мигуон выскочил из челна и уже сжимал одной рукой две детских руки; другую он почему-то держал сзади. Лицо его, которое бывало иногда таким суровым, сияло веселой улыбкой.

— Дети, дети, я все скажу, дайте же мне сказать! Да, я здоров. Метисов не видел, нет. Наш охотничий участок в порядке... Да, еще как скучал. Но теперь уже мы вместе. Ну, с днем рожденья Саджо. С днем рожденья, дочка!

Только теперь он протянул вперед руку, которую держал за спиной. В ней была берестяная корзинка с плетеной ручкой из кедровой коры.

— Тише, тише! Это тебе подарок, Саджо.

Охотник отдал корзинку дочери и сказал, чтобы она несла ее очень осторожно. Потом он обратился к сыну и сказал:

— Тут и для тебя, Шепиэн: их там двое.

— Двое кого, отец? — спросил Шепиэн, следуя за сестрой, которая уже прошла вперед. — Что в корзиночке?

Но Большое Перо ответил уклончиво:

— Подожди немного и увидишь.

Они стали подниматься вверх по тропинке к дому. Девочка смешно семенила ножками, стараясь совсем не сгибать корпуса, видно, для того, чтобы не шелохнуть корзинку. Она держала ее впереди себя на вытянутой руке, словно это было большое и очень хрупкое яйцо, которое могло разлететься на тысячу кусочков при малейшем сотрясении.

Не удивительно, что Саджо бежала так осторожно: из таинственной корзинки доносились очень странные звуки.

«Ребеночек, — подумала она, — кажется, даже два. Как только они могли поместиться в такой маленькой корзиночке? Наверное, совсем крошечные».

И как только Саджо вошла в хижину, она опустила корзинку на пол, Шепиэн уже стоял рядом с ней, Саджо подняла крышку и увидела то, что для вас уже не тайна: два маленьких пушистых зверька уцепились крошечными лапками за край корзинки. Две пары блестящих черных глаз взглянули на нее так доверчиво!

— О-о-о! — раздался ее взволнованный, удивленный шопот.

— О-о! — снова вырвалось у нее. — Медвежата, живые медвежата! — наконец, вымолвила она и осторожно опрокинула корзиночку на бок.

Зверьки вышли.

Теперь Саджо увидела плоские хвостики и уже знала, кто они такие:

— Это еще лучше чем медвежата!

— Маленькие бобры! Маленькие бобры! — в восторге закричал Шепиэн, позабыв, что взрослый индеец должен всегда сохранять выдержку и спокойствие. — Настоящие, живые!

Большое Перо улыбнулся, стоя около детей: вряд ли можно было ожидать лучшей встречи для бобрят. Саджо сидела на полу все еще с открытым от изумления ртом.

Бобрята были толстенькие, кругленькие, упитанные. Большое Перо много возился с ними во время пути и хорошо их кормил. Саджо не могла наглядеться на занятных зверьков. Кое-как они вскарабкались к ней на колени, она прижалась щекой к их пушистой шерсти.

Скоро Большое Перо и Шепиэн пошли за подстилкой и кормом для маленьких гостей. Саджо осталась одна. И, пока никого не было, она взяла на руки сначала одного, потом другого бобренка и что-то нежно шеп-

тала им. А они ухватились своими ручонками — иначе нельзя назвать их лапки — за ее пальцы и — о чудо! — что-то пролепетали ей в ответ.

Потом они были вместе у Саджо на руках и тыкались своими влажными носиками в ее шею. Сопели и пыхтели, совсем как маленькие ребята.

Саджо уже знала, что будет любить их очень сильно...

Но вот девочка встретилась взглядом со своими матрешками Чилеви и Чикени, и ей показалось, что они стали еще печальнее и смотрели на нее с упреком. Чтобы не огорчать их понапрасну, она повернула их лицом к стене и посадила обратно на полку.

Большая Крошка и Маленькая Крошка

Конечно, люди не могли заменить бобрятам их близких, но семья охотника сделала все, чтобы зверьки почувствовали себя как дома. И бобрята скоро привыкли к новой жизни.

Шепиэн у себя под кроватью устроил им домик со стенками из березовой коры, только одну сторону он оставил открытой — для входа. Гитчи Мигуон прорезал дыру в полу, укрепил в ней лоханку — вот и получился пруд. Бобрята проводили там полдня и плавали как пузыри на поверхности воды, пожевывая листики и стебли.

Каждый раз, когда бобрята вылезали из лоханки, они усаживались тут же и прихорашивались. Сначала они обсушивались, выжимая воду из шерсти передними лапками, потом причесывались очень усердно собственной «гребеночкой», которой их наделила природа: на задних лапках у бобров имеется раздвоенный ноготь, им они и причесываются.

Все это они проделывали очень серьезно и старательно. Саджо это так занимало, что она не могла оставаться безучастной: девочка усаживалась рядом с ними и помогала им совершать их туалет. Бобрятам это, видно, нравилось, и они еще усерднее продолжали свою работу. Очень потешно они прихорашивались, особенно, когда подымут одну лапку высоко над головой, словно плясать собрались, и другой скребут себе бок. И закусывать они любили сидя. Усядутся и обгладывают кору с прутиков, вращают их между острыми зубами, ни дать, ни взять, два пастушка играют на свирелях.

А молоко все же им нужно было еще давать. Саджо удалось выпросить у одной женщины в поселке бутылочку с соской. Но пока сосал один, крепко ухватившись обеими лапками за горлышко бутылки, другой подымал такой неистовый крик и возню, что в конце концов переворачивал банку со своей долей молока. Пришлось раздобыть вторую бутылочку с соской. С тех пор дети кормили бобрят одновременно: Саджо — одного, Шепиэн — другого.

Скоро бобрята научились есть с блюдца, в молоко им стали крошить хлеб, и дело с кормежкой пошло куда проще. Бобрята брали кашицу лапкой и запихивали себе в рот, иногда попадали и мимо: они ели с жадностью, чавкая и сопя. Но малыши никогда не забывали прибрать свои блюдечки и заталкивали их куда-нибудь в угол или под печку. Нельзя сказать, чтобы они делали это очень акуратно, и, если обед был недоеден, через всю комнату тянулись липкие следы.

Бобрята знали своих хозяев, и когда дети звали их: «Ундас, ундас! Амик, амик!» («Сюда, сюда! Бобры, бобры!»), — каждый шел к тому, кто его всегда кормил.

Сначала у них не было кличек. Но как-то Саджо вспомнила свой день рождения, печальные лица двух кукол; давно уже бобры вытеснили прежних любимиц из ее сердца. Она подумала, что все равно с теми все кончено, и решила назвать бобрят именами кукол. Итак, одного бобренка назвали «Чикени», а другого «Чилеви», что в переводе с индейского значит «Маленькая Крошка» и «Большая Крошка». Того, который был побольше, назвали Чилеви, а который поменьше — Чикени. Очень скоро бобры привыкли к своим кличкам, всегда вылезали из своего дома — из-под кровати Шепиэна, — когда услышат, что их зовут.

Но если звали одного, бобрята обычно приходили вдвоем, потому что имена их звучали совсем на один лад. Да и сами они были похожи как две горошинки — разница в величине была очень небольшая, и дети сами часто путали их. Дело еще осложнялось тем, что бобрята росли как-то смешно: сначала один рос быстрее, потом вдруг переставал расти, и другой его догонял и перегонял. Сначала один был больше другого, потом — другой. И дети делали неожиданное для себя открытие, что «Маленькая Крошка» скрывался под именем «Большая Крошка» и наоборот. Так это повторялось не один раз. И все время происходила путаница. Саджо в конце концов надумала дать им одно общее имя — «Крошки».

Но случайно все само собой устроилось. Чилеви очень любил дремать под печкой. Однажды очень сильно запахло паленой шерстью, и никто не мог понять, в чем дело. Посмотрели в печку. Выгребли золу, но ничего не нашли. Между тем запах гари становился все сильнее. Наконец кто-то догадался посмотреть в поддувало. И что же оказалось? Чилеви спал себе безмятежно под накаленными камнями, а пушистая шерстка его на спине вся припалилась. Получилось что-то вроде клейма, и бобрят все лето было легко отличать друг от друга. Теперь, когда нужно было позвать обожженного, говорили «Чилеви», а необожженного, — «Чикени». Так они и привыкли к своим именам, и все, наконец, уладилось.

И что за говоруны были эти малыши Чилеви и Чикени, они все время что-то болтали и иногда издавали очень странные звуки! А когда кто-нибудь из детей обращался к ним, что бывало очень часто, бобрята отвечали хором, потешно взвизгивая.

Стоило бобрятам заметить, что в хижине происходит что-то интересное: носят дрова или воду, подметают пол, смеются и говорят громче обыкновенного или же зашел

Бобрята сидели очень тихо, слушали и следили за пальцем.

кто-нибудь из чужих,— как они покидали свое убежище и начинали возиться и проказничать. Известно было, что угощенье со стола бобрята тащат к себе в домик и там едят или прячут прозапас. Поэтому, когда они мешали потолковать с гостями и нужно было от них отделаться, приходилось дать им кусочек хлеба. Зверьки удалялись, но не надолго. Скоро они снова приходили за хлебцем и снова убегали.

Бобрята были неразлучны с детьми и все время следовали по их пятам. Очень смешно передвигались они на своих коротеньких ножках; когда зверьки бежали, казалось, что катятся две игрушки, которые кто-то завел и которые не могут остановиться.

Все, что бобрята находили на полу: мокасины или щепки, или еще что-нибудь,— они начинали таскать по комнате из угла в угол. Скоро даже дрова стали исчезать из ящика около печки: бобрята волочили их к себе в дом — под кровать — и там отдирали острыми зубами волокна древесины, чтобы устлать свои постельки. Бобрята играли всем, что только находили, но все-таки любимыми игрушками у них были щепки и дрова.

Больше всего они любили бороться. Став на задние ножки и обхватив своими короткими лапками шею противника, они упирались головой в плечо и пробовали повалить друг друга. Это нелегко давалось. Их широкие хвосты и большие перепончатые лапки служили им хорошей опорой, и зверьки напрягали все силы, толкали, храпели, пыхтели, сопели до тех пор, пока кто-нибудь из них, почувствовав, что теряет равновесие, не начинал отступать; другой же продолжал наступление и толкал что есть мочи. Иногда отступающий, собрав все силы, переходил в наступление, и тогда борцы двигались в противоположную сторону. И так: взад и вперед, и вкруговую — отступали, наступали, кружились бобрята, совсем как в пляске.

Состязание сопровождалось взвизгиванием, вздохами; топали лапки, хлопали хвосты. В конце концов один из хвостов подгибался и отступающий падал на спину. Тогда борьба моментально прекращалась, и противники дружно улепетывали, как два провинившихся проказника.

Но бывало, что бобрята вдруг притихнут. Опустив голову на грудь, загнув хвост вперед, бывало, усядутся они, прижавшись друг к другу, и смотрят очень мудро вокруг себя, не издавая ни единого звука, словно стараясь вникнуть в смысл окружающей жизни. Когда они сидели так, Саджо опускалась перед ними на колени и рассказывала им сказку, размахивая в такт пальцем прямо перед их носиками, словно она управляла хором. А они сидели очень тихо, слушали и следили за пальцем и вдруг начинали кивать головами вперед и назад, из стороны в сторону. Потом они раскачивались всем тельцем и начинали кивать так сильно, что опрокидывались и катались по полу, словно они поняли каждое слово сказки и просто надрываются от смеха.

Шепиэн в этих случаях держался в стороне, боясь уронить свое мужское достоинство, хотя в глубине души он, наверное, непрочь был принять участие в дружественной беседе.

Иногда малыши начинали тосковать и так жалобно скулили в своей маленькой, тесной

каморке, что у Саджо надрывалось сердце: ведь и она была сиротой. И девочка брала их на руки, напевала им тихую песенку и старалась убаюкать их. Бобрята прижимались к ней, вцепившись крепко друг дружке в шерсть, словно боясь расстаться, и тыкались носами в шею девочки. И скоро горе рассеивалось, бобрята переставали скулить, вздыхали немного и потом забывались в крепком сне.

Особенно любила Саджо маленького Чикени. Он был слабее Чилеви, спокойнее и нежнее. Чилеви был довольно бесшабашный малый. Зато Чикени нередко тосковал, забившись в угол. В такие минуты его нужно было приласкать, взять на руки. Очень часто он скулил по ночам около кровати Саджо и не успокаивался до тех пор, пока девочка не укладывала его рядом с собой. А Чилеви тем временем спокойно похрапывал, развалившись на спине в своей постели.

Когда Чикени попадал в беду: разобьет ли он нос около печки или проиграет состязание в борьбе,— он бежал к Саджо, ища участия. Саджо всегда жалела его, потому что он был слабеньким; она опускалась на колени, а Чикени карабкался к ней на руки и устраивался там, успокоенный и счастливый.

Чилеви приходил за своей долей ласки только тогда, когда уставал от проказ. Тогда и он забирался на колени к Саджо; примостится около Чикени, повздыхает немного, а потом затихнет, видно, довольный своими похождениями. Саджо сидела тихо, боясь пошевелиться, пока бобрята не заснут.

Теперь уже нетрудно было их отличить друг от друга. Чилеви был сильнее, отважнее и предприимчивее чем его братишка, он был потешный шалун и, казалось, не без удовольствия стукался лбом об угол стола или летел кувырком головой вниз в ящик с дровами.

Он был очень любопытен и всюду, куда только мог, совал нос. Однажды проказник взобрался на край ведра с водой, которое не успели убрать в сторону, и нырнул со всего размаха. Ведро с грохотом опрокинулось, вода разлилась по полу. И что же? Чилеви был удивлен не меньше других.

Несмотря на всю свою бесшабашность он способен был на глубокую привязанность, и, подобно тому, как Чикени ходил по пятам Саджо, он ходил по следам Шепиэна, конечно, если только не занят был какой-нибудь новой проделкой.

Длительную разлуку с Чикени он переносил с трудом. Всюду, куда они отправлялись, они брели друг за дружкой или странствовали бок о бок. Когда же случалось им разлучиться, они начинали звать и искать друг друга. И когда они встречались снова, то усаживались рядышком, прислонясь головами и вцепившись друг дружке в шерсть. Дело чаще всего заканчивалось борьбой, что происходило во всех радостных случаях.

И Саджо часто думала, как было бы жестоко их разлучить.

Торговец

Пришло время, когда Большое Перо сказал детям, что бобрят уже можно выпустить погулять на свободу. И вот настал незабываемый, прекрасный день: преграда, заслонявшая дверь хижины, снята, бобры направились к выходу.

Только вышли они не сразу: сначала они обследовали все углы, как будто прислушиваясь к каким-то звукам; они поводили носиками, словно учуяли какие-то запахи; потом нерешительно перебрались через порог и, наконец, рискнули направиться прямо к озеру. Саджо и Шепиэн сопровождали их по бокам, как телохранители.

Бобры переступали лапками вначале очень медленно и осторожно и очень часто присаживались, словно высматривая, нет ли поблизости хищников. Было очень занятно наблюдать их осторожность. А когда они приблизились к озеру, то вдруг ускорили шаг, побежали мелкой рысцой, потом поскакали галопом и — бух! — шлепнулись в воду. Потом сейчас же обратно, на берег, словно испугались, что так много воды. Но скоро они опять были в воде и плавали, ныряли, визжали, плескались, усиленно работая хвостами.

«Совсем как настоящие бобры!» — подумала Саджо.

Очень скоро они принялись сгрызать молодые побеги и, спрятавшись в высокой прибрежной траве, сдирали с них кожицу. Весело было на озере: бобры боролись, бегали взад и вперед по берегу, догоняли своих хозяев, бросались в воду и выскакивали оттуда.

Чикени и Чилеви совали свои носы в каждую ямку и, наконец, обнаружили на берегу под водой пустую нору мускусной крысы. Это убежище пришлось им как раз по вкусу. Бобрята залезли в норку и начали рыть. Работа кипела. Земля летела во все стороны, расплывалась в озере темным облаком. Сквозь взбаламученную воду ничего нельзя было разглядеть.

Малыши долго не появлялись. Шепиэн не мог понять, что это значит, стал шарить рукой под водой, нащупывая норку, но бобрят там не оказалось.

— Саджо! — закричал он.— Они пропали!

Дети не на шутку забеспокоились, обыскали все тростники на берегу... когда вдруг услышали позади себя жалобные, испуганные всхлипывания: Чилеви и Чикени бежали за ними вдогонку с быстротой, на которую только способны были их коротенькие ножки. Дело вышло так: наработавшись вдоволь, они поплыли под взбаламученной водой и, никем не замеченные, вышли на берег в каком-то другом месте.

А теперь они устали. И вот, усевшись, скребли, вытирали и приглаживали свою шерстку. А когда кончили прихорашиваться, пошли рядышком очень важно по тропинке прямо к хижине. И, получив по ломтику хлеба, отправились в свою берестяную каморку, взобрались на подстилку, прижались друг к дружке и крепко заснули. Так

Они выстроили потешную бобровую хатку.

кончился для бобрят первый чудесный день на воле.

С тех пор стоило только открыть дверь хижины, они бежали к озеру. Часами они возились, откапывая какую-то старую бочку, которую им посчастливилось найти. В бочке не было дна; бобрята оттащили ее в сторону: видно, это место казалось им безопасным — и тут установили ее стоймя в воде на уровне с берегом, так что получилось что-то вроде нырялки. К огромному удовольствию Саджо и Шепиэна, они построили над этой бочкой потешную бобровую хатку. Вот и обзавелись бобрята своим домиком с подводным входом, тоннелем и нырялкой. Все как следует быть! Правда, домик был не слишком устойчив и плохо обмазан, но, все равно, это было отличное убежище.

Потом бобрята набрали всяких прутиков, побегов тополя и ивы и устроили крошечную кормушку напротив подводного входа в хатку, как это делают большие бобры.

Саджо и Шепиэн, неразлучные спутники своих маленьких четвероногих товарищей, помогали им в работе, и стоило детям прикатить камень или набрать прутиков, бобрята сейчас же тащили их к себе на стройку. Иногда маленькие строители вылезали на берег, с ног до головы покрытые грязью, заигрывали с детьми и лезли к ним на колени. И вот начиналась потеха.

Шепиэн построил вигвам на берегу, у самой воды, и в нем отдыхали и прятались от зноя не только дети, но и бобры. Особенно Чикени был частым гостем у ребят: он все искал свою Саджо и подолгу оставался рядом с ней.

Зато Чилеви, маленький искатель приключений и ужасный проказник, бывало, заглянет только и опять исчезнет: он все время где-то пропадал. Его непрерывно искали и находили в самых неожиданных местах. То вдруг он окажется у Шепиэна в вигваме, когда думали, что там уже никого нет, или же в каморке под кроватью, когда предполагали, что он в вигваме; то он прятался в бобровой хатке, то под пиро́гой. где нередко заставали его спящим. А только найдут его, он усядется на задние лапки, загнув хвост вперед, начнет раскачиваться всем телом, вертеться волчком и кивать головой, словно пляшет или радуется, как ловко всех провел.

Если случалось какое-нибудь неожиданное происшествие, то виновником его неизменно бывал не кто иной, как Чилеви, и во всех скандалах голос сорванца-бобренка заглушал все остальные голоса.

* * *

Ломтики хлеба становились меньше и меньше. Большое Перо отправился за запасами и все не возвращался; мука вышла почти вся. Дети и бобры стали недоедать.

Но однажды, когда дружная четверка вернулась с прогулки, в хижине оказался Гитчи Мигуон.

Он выглядел очень озабоченным, хотя большой мешок муки и какие-то еще свертки с продуктами лежали на полу. Тут же стоял белый человек — незнакомец — с большим ящиком.

Большое Перо ласково приветствовал своего сына и дочь, только не улыбнулся им, как обычно бывало, и дети не могли понять, почему. Незнакомец тоже стоял молча. Что-то было неладно. Даже бобрята словно почуяли какую-то нависшую беду и стояли притихшие, будто выжидая.

Шепиэн понял, когда отец сказал гостю по-английски:

— Вот они. Какого вы себе выберете?

«Что это может значить? Что он хотел этим сказать?»

С тоской, внезапно защемившей сердце, взглянул Шепиэн на сестру. Она еще ничего не поняла.

— Дайте мне получше присмотреться к ним,— ответил незнакомец отцу.— Пусть побегают немного.

Это был толстый человек с багровым лицом и с жесткими голубыми глазами. «Как стекло или лед!» — подумал про себя Шепиэн.

В карих глазах Большого Пера засветилась грусть, когда он взглянул на детей.

— Саджо и Шепиэн, моя дочь, мой сын! — сказал Гитчи Мигуон по-индейски. — Я должен вам кое-что сказать.

Теперь Саджо уже поняла, что пришла какая-то беда. Она придвинулась к Шепиэну и робко взглянула на незнакомца:

— Почему... почему же он так уставился на бобрят?

— Дети! — продолжал отец. — Вот новый скупщик пушнины из поселка Пляшущих Кроликов. Он требует, чтобы я уплатил долг. Мой долг велик, и я не смогу его уплатить, пока не кончится зимняя охота. Старые хозяева всегда рассчитывались с индейцами весной, но эти не хотят ждать. Вы сами знаете: у нас нет никаких запасов дома. И теперь мы ничего не получим, пока я не уплачу свой долг. Что же делать? Мне придется вместе с другими индейцами нашего селения отправиться далеко на озеро Мускодейсинг, чтобы грузить товары для белых хозяев. Моя работа оплатит долг, но я не получу денег до своего возвращения. Чем же вы будете жить все это время? Я не могу бросить вас здесь голодными. Этот человек оставит нам провизию, — Большое Перо указал на мешок и другие свертки, — но взамен он хочет... он хочет взять одного из бобрят.

Отец замолчал. Никто не пошевелился.

— Живые бобры высоко ценятся, — продолжал Большое Перо. — Зверек останется в живых. Но мне тяжело за вас, мои дети, и... — он посмотрел на Чилеви и Чикени, — и за маленького бобренка, с которым нам придется расстаться.

Шепиэн стоял выпрямившись, безмолвно и в упор смотрел на белого торговца.

Саджо, не веря своим ушам, прошептала:

— Разве это правда? Нет, этого не может быть!

Но Шепиэн не проронил ни слова, только обнял сестренку и продолжал сурово смотреть на человека, который пришел, чтобы отнять у них радость. Он подумал о своем ружье, оно было заряжено и стояло совсем близко: в углу. Но можно ли ослушаться отца? Шепиэн не двинулся с места.

Торговец съежился под взглядом этого четырнадцатилетнего мальчика и, схватив одного из бобрят, поспешил посадить его в ящик. Кивнув головой Гитчи Мигуону, он сказал: «Значит, через два дня мы увидимся в поселке», — взял ящик подмышку и захлопнул за собой дверь.

Тогда Саджо тихо опустилась на колени возле брата и уткнулась лицом в его рукав. Торговец выбрал Чикени. А Чилеви вдруг стало очень страшно. Недоумевая, в чем дело, он спрятался в своем домике.

Саджо слышит голос матери

Наутро три пиро́ги отчалили от берега озера. В поселке Пляшущих Кроликов Большое Перо и семнадцать индейцев-односельчан должны были нагрузить пиро́ги и плыть дальше, к озеру Мускодейсинг, на заработки. Путь предстоял очень дальний — целый месяц, а может быть, и больше пройдет, пока туда доберешься. Саджо, Шепиэн и Чилеви остались одни в долине Лепечущих Вод.

Когда торговец захлопнул дверь, унося бобренка, Саджо показалось, будто и сердце ее унес он в своем ящике вместе с Чикени.

Все изменилось после этого: не слышно было веселых игр около вигвама, не звенели песни, не раздавался детский смех на озере, Чилеви не выкидывал больше своих шалостей, его пронзительный голос затих. Бобренок совсем перестал играть, забыл свою потешную пляску, а все бродил, понурый, взад и вперед вдоль озера, целыми днями искал Чикени.

Каждое утро, как будто с новой надеждой, он начинал свои поиски, заглядывал во все уголки вигвама, шарил в тростниках и траве, где они так часто боролись и рядышком грелись на солнышке и прихорашивались. Он плавал взад и вперед вдоль берега, обнюхивал все свои бобровые пристани, нырял через бочку в свою шаткую бобровую хатку.

Так и слонялся он в поисках целыми днями, пока не сдавал от усталости и не брел обратно по тропинке в хижину. Там он залезал в свою осиротевшую каморку и лежал совсем, совсем тихо. Бобренок оставил свои проказы: он очень тосковал.

Саджо и Шепиэн ходили за Чилеви по пятам и прикидывались, будто и они тоже ищут Чикени. Конечно, они знали, что поиски бесполезны, но так дети проявляли свое участие к осиротевшему зверьку. Отпечатки маленьких ног все еще отчетливо вырисовывались на илистом берегу у самой воды. Саджо все ходила и смотрела на них, и когда никого не было, она опускалась на колени, гладила землю и что-то шептала. Но вода смывала следы: они исчезали. Только в одном еще месте остался след лапки, девочка покрыла его березовой корой и каждый день приходила смотреть. Земля подсыхала, превращалась в пыль — след исчез. Тогда уже ничего не осталось от Чикени.

Чилеви стал скулить и метаться по ночам. И Саджо тоже не могла тогда спать. Она вставала со своей кровати, влезала в бобровую каморку, опускалась рядом с Чилеви на подстилку и рыдала над ним, пока сама не заснет.

Никогда уже больше в хижине не звенели веселые песни и счастливый смех Саджо.

Шепиэн просиживал молча часами, глядя на озеро, на уходившие вдаль холмы. И вдруг что-то подступало у него к горлу, душило, и он сурово глядел по сторонам, потому что никто не должен был знать, как трудно сдержать слезы. Как он ненавидел эти мешки и свертки, которые получены в обмен на Чикени! Как только не подумал он отдать торговцу свое ружье: это, наверное, спасло бы Чикени!

Саджо не расставалась теперь с осиротевшим бобренком. Часто она брала его с собой на далекие прогулки вверх по ручью, к

водопаду. Там девочка садилась под старую шумящую сосну и все думала и думала о том, как спасти Чикени. А Чилеви тем временем купался и нырял в маленьком зеркальном пруду поблизости. Саджо казалось, что Чилеви здесь уютнее чем в безбрежном, пустынном озере, раскинувшемся на много миль: маленький одинокий бобренок, должно быть, чувствовал там себя совсем потерянным.

И пока Чилеви купался или сдирал кожицу с ивовых прутиков или же, взобравшись к Саджо на колени, прихорашивался, девочка прислушивалась к шуму водопада. Он то ревел очень громко, то стихал и, казалось, совсем замирал. Иногда Саджо начинало чудиться, что она слышит чьи-то голоса — язык индейцев так сильно напоминает журчанье воды, вздохи ветра, шопот деревьев. И Чилеви часто сидел рядом с девочкой, совсем как будто он тоже к чему-то прислушивался, и, наверное, он слышал больше звуков чем Саджо: ведь слух у бобров гораздо острее чем у человека.

Саджо очень любила это место у водопада и давно уже стала ходить туда, когда ей бывало грустно или хотелось помечтать или подумать о чем-нибудь. Она ложилась в тени большой сосны и смотрела на темные узоры ее зелени. Лучи солнца скользили между веток, и очень красиво становилось тогда. Саджо чудилось, что над ней какая-то волшебная страна, населенная неведомыми существами.

Однажды, когда девочка сидела там с Чилеви на коленях и слушала сонный лепет водопада, она закрыла глаза и прислонилась к сосне...

Журчанье воды становилось все тише и тише, потом совсем замерло. Среди тишины отчетливо послышался чей-то нежный голос:

— Саджо, Саджо,
Ма-жан, ма-жан,
Саджо, Саджо,
Ден-на жа-дан.

Саджо, Саджо,
Иди, иди,
Саджо, Саджо,
В город пойди.

Голос все повторял и распевал эти слова; то громче, то тише звучали они, то замирали, словно журчанье водопада. И звуки вдруг стали такими отчетливыми, что девочка даже узнала голос: это был голос матери.

— Мама, я здесь! — воскликнула Саджо.— Говори, говори еще! — и девочка протянула руки навстречу звукам.

Она коснулась чего-то теплого, влажного. Саджо открыла глаза и увидела, что ее рука лежит на курносом носике Чилеви. Бобренок сидел у нее на коленях и тянул ее за шаль. Саджо поняла, что она задремала на минутку.

Слова снова затерялись в песне воды, водопад журчал и журчал как всегда. Саджо вскочила на ноги, подняла Чилеви и сказала ему:

— Чилеви, Чилеви, мы поедем теперь к Чикени! Мы поедем с тобой в город. Это мама сказала... Во сне... Ну так что же?

Саджо быстро побежала, подхватив на руки Чилеви.

Запыхавшись от бега, девочка остановилась около хижины. Шепиэн, обеспокоенный ее видом, поспешил выйти навстречу и спросил, в чем дело.

Саджо рассказала про свой сон и сказала, что надо собираться в город.

— Это неразумно, сестра,— ответил мальчик.— Город далеко, мы не знаем дороги, у нас нет денег, а без денег не получишь ни ночлега, ни пищи. А потом что нам делать с Чилеви, ведь и его придется взять. А что скажет отец?

— Отец? Он обрадуется, когда Чикени вернется. Сам знаешь, мы все стали несчастные с того дня.

Конечно, Саджо не могла дать никаких советов, как добраться до города и что делать там. Она только настаивала, что надо ехать.

Шепиэн смотрел на сестренку и не верил своим глазам — девочка как-то сразу ожила, повеселела, словно гнет упал с ее сердца.

Исполнить ее желание будет очень трудно, труднее всего, что ему до сих пор приходилось делать в жизни. Но отказать, даже не сделав попытки, он был не в силах: это убьет ее. И отец перед отъездом просил его сделать все, чтобы рассеять горе сестры. Выход был только один.

Выпрямившись, с твердой решимостью в голосе Шепиэн ответил:

— Да, мы поедем. Я тебя отвезу в город. Завтра!

И несмотря на свой гордый, мужественный вид Шепиэн совсем не знал, как предпринять этот трудный путь.

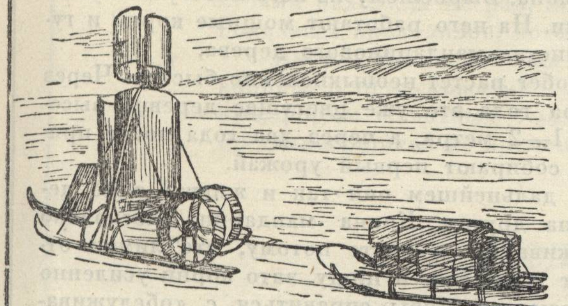
Саджо побежала домой с Чилеви на руках.

(Продолжение в следующем номере).

ЧТО НОВОГО В НАУКЕ

Полярный ветроход

В течение сотен лет единственным средством сообщения в Арктике были нарты с собачьей или оленьей упряжкой. Теперь на смену им пришли тракторы, аэросани, самолеты. Они несравненно сильнее и быстрее, зато требуют много горючего. А устраивать в Арктике большие запасы горючего не всегда легко и просто.

Вот если бы создать для зимовщиков полярных станций такие сани-самоходы, на которых можно разъезжать, не заботясь ни о каком бензине!

Изобретатель Н. Травин, работавший на севере Якутии, недавно спроектировал подобный «чудесный самоход». Травин решил «запречь» в свои сани ветер.

К сожалению, на суше это совсем не так просто сделать, как на воде. Судно имеет киль, не дающий ему двигаться боком. Поэтому оно может лавировать, т. е. двигаться в разных направлениях, даже против ветра. А сани под парусом пойдут не туда, куда надо, а туда, куда их погонит ветер.

Поэтому Травин решил поставить на свои сани не парус, а ветряной двигатель. Тут возникли новые трудности. Обыкновенный ветряк должен стоять против ветра. Меняется ветер — сейчас же за ним должен поворачиваться и ветряк. Это легко сделать на неподвижной установке, но очень трудно — на движущейся.

Такого недостатка нет у ротора, изобретенного лет десять назад гельсингфорсским инженером Савониусом.

Разрежьте полый цилиндр, раздвиньте слегка в стороны обе половинки, закрепите их так, чтобы все это могло вращаться вокруг вертикальной оси,— и вы получите ротор Савониуса. Поставьте его на ветер, и он начнет вращаться. Это от того, что ветер давит на половинки-лопасти с вогнутой стороны сильнее чем с выпуклой.

Проект полярного ветрохода изображен на рисунке. На трех полозьях помещена кабина водителя и двойной ротор. Ротор вращает два больших колеса, вроде тракторных, которые цепляют своими шпорами за снег и двигают ветроход вперед.

С какой бы стороны ни дул ветер, хотя бы прямо в лоб,— ветроход будет идти своим путем и тащить за собой груженые нарты.

Ветроход с ротором в 4 метра высотой и 2,5 метра шириной при среднем ветре будет развивать две лошадиных силы и тянуть нарты с силой пятерки оленей. Если опыт удастся, можно будет строить и более крупные и мощные ветроходы.

Разумеется, такие машины могут ходить не только по снегу, но и по льду, а с колесами вместо полозьев — и по земле. Применять ветроходы можно не только в Арктике. Но широкие просторы тундры, заснеженный лед морских заливов и великих сибирских рек — ровные пространства, открытые всем ветрам,— станут особенно хорошей дорогой для ветроходов.

Двухэтажные деревья

Научный работник Сухумского интродукционного питомника Н. Рындин предложил совершенно новый, необычайный способ выращивания у нас лимонов, которые, как известно, очень чувствительны к холоду.

Рындин создал двухэтажные деревья. Лимонные деревья выращиваются не на земле, а на вершине взрослого мандаринового дерева.

Для этого в вершину очень выносливого низкорослого мандарина сорта «умшиу» прививают почку лимона. Выросшему из него побегу не нужно развивать свои собственные корни. На него работают мощные корни и густая листва мандаринового дерева.

Побег растет необыкновенно быстро. Через полтора года это уже цветущее деревцо высотой в 1—2 метра, а через два года после прививки собирают первый урожай.

В дальнейшем они так и живут: одно дерево на другом. Крона мандарина несколько задерживается в росте потому, что лимон отнимает у нее свет и пищу, зато корни усиленно развиваются, чтобы справиться с «обслуживанием» двух деревьев.

И ежегодно с двухэтажного сада снимают два урожая: мандаринов и лимонов.

Уже это само по себе замечательно. Но еще важнее то, что рындинские лимоны лучше переносят морозы. Очень часто самый холодный воздух собирается внизу, у земли, а на высоте «второго этажа» бывает теплее. Кроме того давно замечено, что верхние, более сухие части кроны лучше переносят заморозки чем более сочные нижние. Тем более морозоустойчива крона лимона, поднятая на двойную высоту. Наконец, питаясь соками холодостойкого мандарина, лимон и сам становится менее чувствителен к холоду.

Теперь представим себе исключительно холодную зиму с такими сильными и продолжительными морозами, что вымерзнут все растущие в грунту лимоны, даже рындинские.

Для обычных лимонных насаждений такая зима будет катастрофой. Придется вырубать всю плантацию, а затем несколько лет ухаживать за молодыми насаждениями, не получая от них ни одного плода.

На двухэтажной плантации погибшие лимоны спилят и на их место привьют новые почки. Разросшиеся корни, привыкшие питать два дерева, дадут такую обильную пищу оставшемуся мандарину, что он сразу резко повысит урожай. Отсутствие лимонов сад возместит обилием мандаринов. А всего через два года начнут плодоносить и молодые лимоны.

Прошло три года с тех пор, как были заложены первые плантации мандаринно-лимонных двухэтажных деревьев. За это время обнаружилось еще одно их достоинство, не предусмотренное самим Рындиным. Выросшие на двухэтажных деревьях лимоны по виду и вкусу совершенно такие же, как и обычные, зато по величине и весу они превосходят своих собратьев в полтора, два, а то и в два с половиной раза.

Рогатый крокодил

Палеонтологическая экспедиция Чикагского музея естественной истории нашла редчайший экземпляр вымершего крокодила.

Когда этот крокодил был найден, никто не заметил самой замечательной особенности окаменелых остатков животного — его рогов. И лишь когда находка была привезена в музей и очищена,— только тогда бросился в глаза его необычайный вид.

— Рогатый крокодил,— заявил главный геолог музея,— более удивительное явление чем, скажем, была бы зубастая утка. Ископаемых птиц с зубами находили не раз, но никогда еще никто не слышал о животном из подкласса крокодилов, которое имело бы рога...

Американская находка поможет палеонтологам лучше разобраться в вопросе о происхождении крокодилов, она показывает, какие разнообразные формы животных были порождены этой вымирающей сейчас ветвью пресмыкающихся во времена ее расцвета.

Ледяные модели

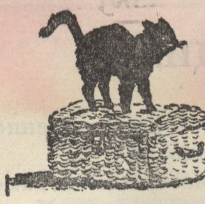
Прежде чем строить новый самолет, испытывают в аэродинамической трубе модели всей машины и ее отдельных частей. Перепробовав множество моделей разной формы, выбирают самую обтекаемую. Но, чтобы найти выгоднейшую форму, приходится делать очень много моделей и тратить массу драгоценного времени на «продувку» их всех.

Сейчас остроумный американский изобретатель Альберт Кремер придумал способ обходиться очень немногими или даже одной моделью и заставлять их самих менять форму и становиться все более и более обтекаемыми.

Он предложил делать модели не из металла, дерева или глины, а из льда или снега. Продувать их надо в трубе, где воздух охлажден до температуры чуть ниже нуля. При этом хорошо обтекаемые части модели останутся без изменений. Зато места, оказывающие воздуху более сильное сопротивление, подвергнутся более сильному трению. Около них возникнут завихрения, температура подымется — и неудачное место оплавится: модель сама примет более выгодную, более обтекаемую форму.

В некоторых случаях, может быть, удобнее применять вместо льда не тающие, а возгоняющиеся, т. е. испаряющиеся, твердые вещества: нафталин, иод, твердую углекислоту — «сухой лед». Тут потребовалась бы, конечно, другая температура в трубе.

Способ Кремера только что изобретен и еще не испытан на практике. Может случиться, что у него окажутся серьезные недостатки. А может быть, он позволит строить скорее чем раньше более быстрые и экономичные самолеты, автомобили, поезда и суда.

Черный кот

Рис. П. Кузьмичева

А. Шапиро

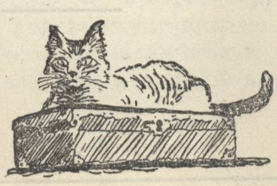
Был однажды сбор отряда,
Все вопросы шли как надо.
Вдруг, совсем перед концом,
Входит в комнату гражданка
С очень пасмурным лицом
И здоровается с Анкой.

Видим, Анка стала строгой,
Собирает всех ребят,
Говорит: «Ребята, Гога
Опозорил весь отряд.
Пусть сейчас расскажет сам,
Как случился этот срам».
И сказал, волнуясь, Гога:
«Говорить придется много.
Я, конечно, не хотел
Делать ничего плохого.
Я кота почти жалел,
Честное, ребята, слово!
Только кот был очень злой,
Он смеялся надо мной.
Цвет его был очень черный,
Кот, конечно, это знал
И дорогу мне упорно
Каждый раз перебегал.
А давно известно — это
Нехорошая примета:
Если я из школы шел,—
Значит, «плохо» приобрел.
Если в школу,— значит, знаю,
Безусловно, опоздаю.
Если я в кино собрался,—
Значит, скучно будет там.
Кот нарочно издевался,
Хвастался другим котам.
Я, бывало, чуть не плачу,
Говорю: «Не надо, кот,
Разреши решить задачу...»
Только разве ж он поймет?
Я кормил его сметаной,
Щекотал возле ушей,
Каждый вечер за диваном
Я ему ловил мышей.
Ничего не помогало:
Все злодею было мало.
Ну, тогда у нашей Нинки
Взял я полный пузырек,
Чтобы делаться блондинкой,
И сначала подстерег,
А потом поймал кота
И, зажав злодею лапы,
Я на шерсть ему накапал,
Чтоб исчезла чернота.
Я натер злодею спину,
Я натер ему живот,
И теперь он стал блондином,
Этот бывший черный кот.
А гражданка, что явилась,
Очень сильно рассердилась,
Потому что этот кот
У нее всегда живет».
Мы тогда сказали Гоге:
«Кошки вечно на дороге,
Никаких дурных примет
Тут на самом деле нет».
А гражданке мы сказали:
«Вы избавьтесь от печали:
Скоро кот начнет линять,
Станет черным он опять».

Пугачевский и Максимов

1000 метров

И. Рахтанов

Осечки не случилось: пистолет в поднятой руке стартера выстрелил — и широкая спина Максимова заколыхалась перед Пугачевским. Этой секунды Пугачевский ждал давно. И вот, наконец, они бегут, и нетрудная гаревая дорожка проплывает под ногами.

Сегодня много солнца. Оно всюду. Вот и спина Максимова освещена солнцем. Пусть его ведет бег! Тысяча метров, заключенная в двух с половиной кругах, лежит впереди. В беге надо лететь, шаг должен быть широким и ясным, как у Лядумега.

Пугачевский видел его полет над дорожкой несколько лет назад. Француз бежал с Денисовым, и тоже на тысячу метров. Мальчишки тогда выпустили голубей. Турмана, дутыши, египетские, трубачи колесом покатились в небо, разнося по Москве славу «летающего» парижанина. Пугачевский следил за ним сверху, со своего места в последнем ряду. Пугачевскому было 17 лет, он только что приехал из Воронежа. Тут у него не было голубей, но с радостью присоединил бы он своих, оставшихся дома, к тем, что воркуя и хлопая крыльями, взлетали к одинокому облаку, как и сейчас, на мгновенье закрывшему стадион от солнца.

После дистанции Лядумег не устал, не вспотел и, казалось, может пробежать еще столько же и так же свободно. Вот так бы и ему сегодня!

Главное увеличить шаг, когда Максимов начнет уставать. Тогда-то Пугачевский покажет всем, кто подписался на листе в Высшей школе тренеров против него. Они там составили лист и пустили его среди студентов школы. «Кто выиграет: Пугачевский или Максимов?» — было написано на бумажке. Десять подписались за него — замечательные ребята! И двадцать — за Максимова. Посмотрим на финише!

Приветственные крики шли по трибунам впереди Пугачевского. Его узнали в Москве; тут, как и в Воронеже, не оказалось человека, лучше чем он усвоившего урок Лядумега. Он бежал так, что со стороны казалось, будто ему вовсе ненужна дорожка. Он плыл в воздухе.

Облако ушло куда-то в сторону, и стадиону опять открылось солнце. По всей дистанции оно, как бы приветствуя, раскидало лучи.

— Ходу! Ходу, Максимов! — кричала публика.

Он ведет хорошо. Максимов привык принимать на себя сопротивление воздуха. Так бы и бежать за ним до самой ленточки.

Ни одного соревнования еще Пугачевский не обдумывал с такой тщательностью. На дорожке побеждают не только ноги и сердце. Тактика! Тактика и стратегия! Бег с заранее обдуманным намерением!

Первый круг бегуны прошли в пятьдесят семь и восемь десятых секунды. Громкий, усиленный мощнейшими радиорепродукторами голос диктора объявил об этом, но Пугачевский не слышал. Его мысли и его внимание бежали рядом с ним, спиралью они навертывались на круги.

На втором круге Пугачевский вышел вперед. Обтянутая майкой спина противника мешала ему. Все время видеть ее перед собой стало нестерпимо. Пугачевский повел бег. Ветер ударил в лицо. Бежать показалось труднее, приходилось придерживаться взятого темпа. Только вперед, вперед по кругам! Если быстрота будет предельной, Максимов выйдет на последнюю прямую без обычных своих сил, и тут его можно легко оставить сзади. Однако борьба предстоит сильнейшая. Максимов—один из тех бегунов, которые способны выложить на дорожке все, что имеют. Говорят, после окончания дистанции ему часто трудно бывает натянуть даже широкие тренировочные штаны, так он обессилен.

Вот сейчас он идет сзади. Пугачевский слышит громкое его дыхание, ощущает его на спине. Нет, Максимов еще не устал, и до ленточки еще далеко. Полтора круга прошли — шестьсот метров.

И на повороте Пугачевский опять увидел майку противника. Большое мокрое пятно темнело на ней. «Вспотел, вспотел!» — подумал Пугачевский, едва удержавшись, чтобы не закричать. Три или четыре десятых секунды он с удовольствием наблюдал за тем, как увеличивается пятно. Ветер перестал бить в лицо, после огромного напряжения приятно отдаться во власть темпа, предложенного Максимовым. Это очень большая скорость, но все же не такая, с которой вел бег Пугачевский. Для того чтобы собрать силы к финишу, он постарался задуматься о другом. Вспомнился город Воронеж, и высокий крутой берег светлой речки Воронеж, и паровозо-вагонный завод, где он учился на токаря. Там сдал он нормы на значок «Готов к труду и обороне», шел тогда тоже на тысячу метров. Так мысль снова прибежала к состязанию, к тысяче метров, от которых теперь оставалось не больше двухсот.

— Наддай, Пугачевский!

Крик перешел в рев. Ревел весь стадион. Но Пугачевский не слышал ничего. Перед ним мелькали пожелтевшие от втираний ноги Максимова, обутые в кожаные туфли с шипами. Теперь казалось, дорожка взбегала куда-то в гору. Последняя прямая! Вот когда пришло время увеличить шаг, начать полет Лядумега. Об этом Пугачевский не забывал всю дистанцию.

Он вдруг побежал легко и непринужденно, так, словно это было началом, а не концом пути. Он шел, не видя дорожки, не замечая публики. И только натянутая ленточка финиша манила его к себе. Он смотрел прямо на нее; белая, она сперва сливалась с воздухом, потом, по мере того как он приближался, ленточка яснела больше. Теперь он шел нога в ногу с Максимовым, с каждым пройденным метром увеличивая скорость, удлиняя свой гигантский маховый шаг.

Уже перед самой ленточкой Пугачевский рванулся вперед и грудью принял финиш. Еще несколько шагов, не в силах остановиться, он пробежал с ленточкой через плечо.

Громкий голос диктора, покрытый дружелюбным ревом стадиона, объявил результат соревнования: две минуты двадцать семь и четыре десятых секунды.

Около раздевалки Пугачевского ждали студенты Высшей школы тренеров. Их было тридцать. И все наперебой протягивали свои сильные руки для крепкого пожатия.

Два вопроса

Чему учит смерть зайца

В маленькую клетку посадили зайчонка. Ему было очень тесно: два заячьих шага — и мордочка упирается в решотку.

Зайчонок целыми днями лежал и лишь изредка поднимался на ноги, чтобы дотянуться до корытца с водой. Ему негде было бегать и прыгать, как это обычно делают молодые животные.

Через год зайчонок превратился в большого жирного зайца. Пришел служитель, перенес клетку на лужайку, огороженную проволочной сеткой, и открыл дверцу.

Несколько человек с интересом следили за зверьком. Он медленно прополз в дверку клетки, прижимаясь брюшком к земле, очевидно, боясь наткнуться на привычную решотку. Затем вскочил и понесся большими прыжками по лужайке.

— Сейчас упадет,— сказал пожилой мужчина.

— Почему? — возразил другой. — Заяц выглядит отлично.

Не успели прозвучать эти слова, как заяц, сделав огромный прыжок, упал. Его тело судорожно вздрагивало. Когда подошли люди, он был мертв.

Труп зайца отнесли в светлую комнату и положили на стол. Пожилой мужчина в белом халате вскрыл его острым ланцетом. Оказалось, что заяц погиб от разрыва сердца.

Этот опыт провел в Московском зоопарке проф. Мантейфель. Он также выращивал в очень маленьких клетках певчих птиц и тетеревов. Казалось, что они хорошо росли и развивались. Но стоило выпустить выросшую в клетке птицу на волю, как она, пролетев небольшое расстояние, падала мертвой. Тетерева, соловьи, как и заяц, гибли от разрыва сердца или крупных кровеносных сосудов.

Исследования показали, что у животных, лишенных в период роста возможности бегать, прыгать и летать, недоразвиты все внутренние органы и ткани организма. У них хрупкие кровеносные сосуды, дряблое сердце, слабые, ожиревшие мышцы, тонкие и непрочные кости.

Человеку также нужны энергичные движения. Без физических упражнений человеческий организм не может правильно развиваться.

В каком возрасте особенно необходимы гимнастика и спорт? Думаем, что на этот вопрос ребята сумеют ответить сами, вспомнив о зайчонке, лишенном возможности двигаться.

Вертящееся кресло

В кинофильме «Мужество» советского летчика под страхом смерти вынуждали лететь с диверсантом через границу. Враг сидел сзади безоружного пилота и угрожал ему револьвером. Но мужественный летчик спокойно вел машину к советскому аэродрому. Наконец, диверсант понял, что истребитель летит не туда, куда ему нужно.

Враг прицелился. Но выстрел не раздался. Аэроплан качнуло и начало бросать из стороны в сторону. Летчик закружил, выделывая фигуры высшего пилотажа. Почти потерявший сознание диверсант уронил оружие. Продолжая делать петли, штопоры, перевороты, взмывая к облакам и стремительно пикируя вниз, летчик упорно вел машину к нашему аэродрому. Там он сдал диверсанта сотрудникам НКВД.

Почему же враг потерял сознание, когда летчик попрежнему оставался свежим и бодрым?

Перенесемся в один из кабинетов Государственного ордена Ленина Центрального института физической культуры имени Сталина. В большой светлой комнате стоит странное кресло, немного напоминающее зубоврачебное. Оно быстро вращается на своей толстой ножке. Лицо сидящего на нем человека побледнело, глаза закрыты. Вращение замедляется, и, наконец, кресло останавливается.

— Встаньте,— говорит стоящий рядом врач.

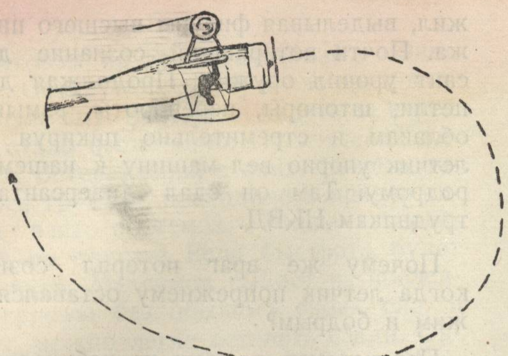
Человек пытается подняться и... опускается на четвереньки.

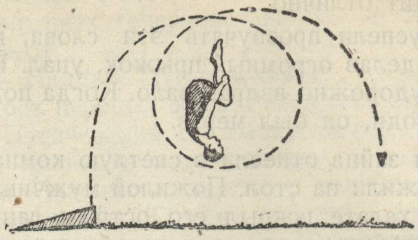
Ожидающие своей очереди школьники не могут удержаться от смеха. Человек покачивается, пробует встать на ноги и... тоже улыбается. У него все мелькает перед глазами, голова кружится.

— Смеяться рано,— обращаясь к ребятам, говорит врач.— Многие из вас от этого кресла тоже поползут...

Но предсказание врача не сбывается. Ребята один за другим подходят к креслу и, покружившись на нем, спокойно встают. Лишь некоторые отходят неверной, покачивающейся походкой. Все эти школьники регулярно занимались гимнастикой в детской спортивной школе.

Но разве гимнастика освобождает от головокружения? Оказывается, так. В полости уха у человека скрыты органы равновесия. Если эти органы хорошо развиты, то человек не испытывает головокружения, в каком бы положении ни оказалось его тело и как бы оно ни вращалось. Органы равновесия прекрасно развиваются гимнастикой. Особенно хорошо на них действуют упражнения, связанные с вращением, кружением, поворотами, кувырканиями. Таких упражнений в гимнастике имеется бесконечное количество. Взгляните на рисунки и сравните положения, за-

нимаемые летчиком в такой фигуре высшего пилотажа, как петля, и гимнастом, выполняющим сальто. Вы увидите, что в них много общего.

Опытные летчики не подвержены головокружению и обладают отличным физическим развитием. Без этих качеств они не смогли бы хорошо летать. Огромное значение для летчиков имеет гимнастическая и спортивная подготовка, которой они занимаются регулярно.

М. Черевков.

«Внимание, молот!..»

Этот мальчик пробует поднять молот. Да, именно так называется шар с металлическим прутом, который он держит в руках. Почему?

Дело было в горной Шотландии много веков назад. Однажды деревенские кузнецы собрались на поляне за деревней. Они пришли сюда в праздничных клетчатых юбочках. Это все были люди высокие и здоровые. Пришли они на состязание, каждый держал в руке свой рабочий молот. Послышался заунывный говор волынок, началось соревнование: кузнецы бросили свои молоты. В этом и заключалось состязание: молот нужно было закинуть как можно дальше. Спорт этот вскоре с шотландских гор спустился в английские долины, а оттуда моряки развезли его на кораблях по всему свету.

Постепенно молот изменил свой вид. Сперва к его деревянному длинному древку приделали ременную петлю, потом решили, что древко вовсе ненужно, его заменили прутом, а еще через какое-то время нашли, что молот нужно сменить на шар. Так молот перестал быть похожим на себя, но название сохранилось.

Сейчас на международных олимпиадах первенство по бросанию молота держат шотландцы. Они входят в трехстенные клетки, посередине которых расположен ивовый круг. Клетка открыта по тому направлению, куда полетит молот.

Человек становится в центре ивового круга и над головой начинает вертеть молот. Вскоре он сам превращается в спираль, он крутится все быстрее и быстрее, и, по мере того как нарастает быстрота, вес молота становится все тяжелее. И уже не восемнадцатифунтовую гирю спускает со своей руки метатель, а жужжащий снаряд весом в двести или триста килограммов. Он летит, рассекая воздух, и падает на землю.

У нас в Союзе лучше всех бросает молот тяжеловес Ляхов, вы видите его на фотографии. Это он показывает сыну, как нужно держать молот.

НАША библиотека

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Сказка — ложь да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

А. Пушкин.

Недавно Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил в свет небольшой сборник русских народных сказок. Сборник предназначен для детей младшего возраста, но его с удовольствием будут читать и перечитывать все, кто любит прекрасное. Народные сказки — это жемчужины нашей великой литературы. Ими восхищались и по ним учились писать многие наши поэты и писатели.

Сто с лишним лет назад, осенью, из ссылки, из села Михайловского, Пушкин писал брату в Петербург: «...После обеда езжу верхом, а вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Воспитанный на французской литературе, двадцатипятилетний Пушкин в Михайловском с жадностью набросился на все русское. Он слушал сказки крепостной няни Арины Родионовны, переодевшись крестьянином, ходил по ярмаркам, записывал русские народные песни, вслушивался в говор крестьян, всматривался в жизнь русского народа. И если Пушкину удалось потом написать с такой силой такие истинно народные произведения, как «Борис Годунов», последние песни «Онегина», «Капитанская дочка», то только потому, что он хорошо изучил жизнь русского народа. Сказки Арины Родионовны открыли Пушкину новый путь в литературе, и он смело пошел по этому пути.

Но в чем же сила сказок? В языке ли их, простом и прекрасном? В форме ли их или в их содержании? Конечно, и в том и в другом.

Сказка — как будто и ложь, выдумка, полная всяких нелепостей: тут и ведьмы, и черти, и бабы-яги, тут лягушка превращается в Василису Премудрую, Иванушка — в козленка, полотенце — в речку, гребень — в частый лес, — словом, всякие небылицы! Но за этими небылицами кроется быль, совершенно реальные мечты и мудрость русского народа, вековечная жажда справедливости, торжества ума над грубой силой, добра над злом.

Русскому крестьянству когда-то жилось чрезвычайно плохо: нищета, побои, поборы, обида! Беззащитный народ видел вокруг одну неправду и несправедливость, искал защиты, правды и честности и нигде не находил ни защиты, ни правды, ни честности. И вот, не видя выхода, он мечтал, складывал сказки-небылицы про «Бабу-ягу», про «Дочь и падчерицу», где добро торжествует над злом, складывал сказку «Об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке», про «Сивку-Бурку», где добросовестный, честный Иванушка-Дурачок, который и слывет-то дурачком, может быть, только потому, что он бесхитростен, прост, честен, торжествует над умными лентяями и обманщиками — старшими братьями.

В судах неправда, судьи — взяточники, они на стороне тех, кто богаче,— это в жизни, а в сказке «Семилетка» правда торжествует и судьи высмеиваются очень остроумно и тонко. В жизни поп — священная особа, мужики почтительно снимают перед ним шапку, а в сказках «Жадный поп», «Клад», «Похороны козла» народ срывает маску с этих жадных ханжей и лицемеров и уж без всякого почтения смеется над их жаждой обобрать мужика.

В жизни барин бил и сек мужика, брал с него последнюю копейку, а в сказках «Батрак», «Как мужик барина проучил», наоборот, мужик сечет и щелкает по лбу барина.

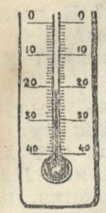
Пусть все это только мечта, сказка, но в этих мечтах скрыта горячая и непоколебимая вера в то, что правда должна победить неправду, добро — зло, ум — глупость, и тогда мужик щелкнет страшным мужицким щелчком по лбу и попа и барина. Эта вера веками жила в народе, помогала жить народу и не пропала даром.

Небылицы, мечты народные осуществились — правда победила неправду, и ум мужицкий одолел силу барскую. Это все теперь видят и знают.

Бор. ШАТИЛОВ.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

КАК СДЕЛАТЬ ХОЛОД

Смешайте 3 весовых части снега или толченого льда с одной частью обыкновенной соли. Такая смесь охлаждает поставленный в нее предмет до минус 21°. Большое охлаждение можно получить, смешав 2 весовые части хлористого кальция с одной частью снега. Эта смесь дает охлаждение до −42°.

ГДЕ ПУЛЬС

Положите второй, третий и четвертый пальцы правой руки на левую руку, около основания большого пальца, и вы легко ощутите отдельные удары, повторяющие биение сердца. Это и есть пульс.

Его считают в течение 20 секунд. Помножив найденное число на три, вы узнаете число биений сердца в одну минуту. Нормальное сердце делает 66—72 удара в минуту. Во время тяжелой работы, бега, физических упражнений и после них пульс учащается до 100 и более ударов. Но никогда не должно быть больше 140—150 ударов в минуту: это очень вредно для сердца.

ЧЕМ ВЫМЫТЬ ГРЯЗНЫЕ РУКИ

Смажьте руки каким-нибудь маслом, затем сотрите масло тряпкой и вымойте руки мылом и теплой водой. Грязь, сажа, смола, деготь легко отмоются.

ХРАНЕНИЕ РЕЗИНЫ

Чтобы футбольные камеры, трубки, резиномоторы не смешивались и не слипались, обязательно пересыпайте и пудрите их тальком.

Мягкие резиновые трубки, жгуты, полоски и нити, употребляемые для моделей, храните в банке с глицерином. Глицерин можно развести водой. Перед употреблением резину вынимают, дают стечь жидкости и вытирают ее насухо тряпкой.

КАК КЛЕИТЬ РЕЗИНУ?

Если вам надо поставить заплатку на калошу или на резиновый мячик, то сначала хорошенько очистите напильником или наждачной бумагой место склейки и заплату. Протрите их бензином, чтобы удалить остатки грязи и жира. Потом смажьте резиновым клеем место склейки и заплату и дайте клею подсохнуть. Так повторите несколько раз, чтобы получился более толстый слой клея. И только когда клей подсохнет, то есть минут через 10 — 15, соедините склеиваемые куски и крепко свяжите или сдавите их. К утру следующего дня склеенную вещь можно употреблять. Маленькие заплатки сохнут быстрее — часа за три — четыре.

МЕНДЕЛЕЕВСКАЯ ЗАМАЗКА

Если вам надо склеить стекло со стеклом, металл с металлом, стекло с металлом, возьмите менделеевскую замазку. Вот ее состав:

Канифоли в порошке	100 г.
Воска желтого	25 »
Мумии (краска)	40 »
Масла льняного	1 »

Воск распустите на слабом огне. Если на воске образуется пена, снимите ее. Если получится осадок, воск перелейте в другую посуду. К расплавленному воску добавляйте толченую канифоль, непрерывно помешивая. К нагретой смеси прибавьте прокаленную, то есть сильно нагретую на сковородке мумию, затем влейте льняное масло. Полученную замазку переливают в формы и хранят в виде плиток. Перед употреблением замазку подогревают, пока она не станет вязкой.

СПОСОБ РАЗРЕЗЫВАНИЯ БУТЫЛОК

В том месте, где хотите разрезать бутылку, обмотайте ее толстой ниткой. Намочите нитку керосином, и зажгите ее. Помните, что бутылка должна быть совершенно сухой. Когда пламя потухнет, быстро опустите бутылку в холодную воду. Бутылка большей частью трескается при этом по намеченной линии.

Можно применить и другой способ. Линию разреза надпилите осторожно на бутылке напильником. Возьмите потом отожженную железную проволоку и изогните ее по форме бутылки, чтобы она охватывала примерно половину окружности бутылки. Затем накалите проволоку докрасна и приложите к намеченной линии. Когда стекло треснет, снова накалите проволоку и приложите ее дальше, чтобы трещина пошла в нужном направлении.

СКЛЕИВАНИЕ ПЛАСТИНКИ

У вас разбилась патефонная пластинка. Смажьте края излома обыкновенным щеллачным лаком, положите пластинку на гладкое стекло, составьте обломки, проверьте с помощью лупы, правильно ли совпадают звуковые бороздки, покройте другим ровным куском стекла и положите груз. Через сутки пластинка готова. Этот способ годится для склейки пластинок, разбитых на 2—3 части. Пластинки, разбитые на мелкие куски, склеивать бесполезно.

ЧЕМУ РАВНА СЕКУНДА

Спокойно, не торопясь скажите: «Двадцать один»,— это как раз одна секунда, считая «Двадцать один, двадцать два...», вы можете считать секунды.

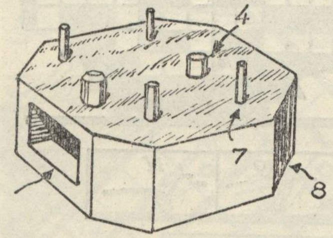
Наборы для шитья

В таком наборе помещается все, что нужно для шитья.

Все части набора, включая фигуру птицы, изготовляются из сплошных деревянных дощечек. Для основания берется квадратный кусок доски размером в 100 миллиметров на 100 миллиметров и толщиной в 35 миллиметров. У этого квадратного основания спиливаются все четыре угла так, чтобы основание приняло вид, изображенный на рисунке.

В передней части основания выдалбливается долотом, стамеской или другим острым инструментом прямоугольное углубление для ящичка. Длина этого углубления равна 75 миллиметрам, ширина — 50 миллиметрам и высота — 22 миллиметрам. Самый ящичек также выдалбливается из прямоугольной колодочки соответствующих размеров. На переднюю часть ящичка наклеивается дощечка со скошенными углами, как показано на рисунке. В центр этой дощечки ввинчивается круглая ручка.

В основание вставляются 6 стерженьков: 4 стерженька диаметром в 5 миллиметров, которые служат ося-

ми для надевающихся на них катушек с нитками, один стерженек потолще, на который наклеивается фигура птицы, и, наконец, толстый короткий стержень для наперстка.

Фигура птицы выпиливается лобзиком или очень тонкой пилочкой из сплошной доски толщиной в 30 миллиметров. В голове птицы просверливается сквозное отверстие диаметром в 15 миллиметров. В

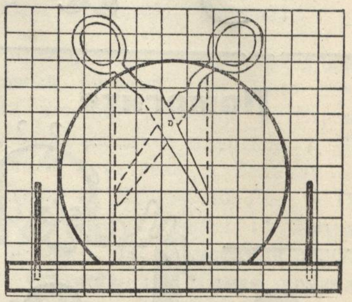
это отверстие впоследствии вставляются небольшие ножницы, как показано на рисунке.

На хвосте птицы укрепляется подушечка для булавок. Конструкция подушечки ясна из рисунка. Сначала в хвосте просверливается отверстие. Затем вытачивается стерженек со шляпкой. Из кусочка бархата делается круглая подушечка вокруг этой деревянной шляпки и набивается чем-либо мягким, например ватой или шерстью. Затем стерженек, торчащий из подушечки, вклеивается в отверстие в хвосте птицы. Перед окраской или лакировкой все деревянные поверхности надо тщательно отшлифовать стеклом и наждачной бумагой.

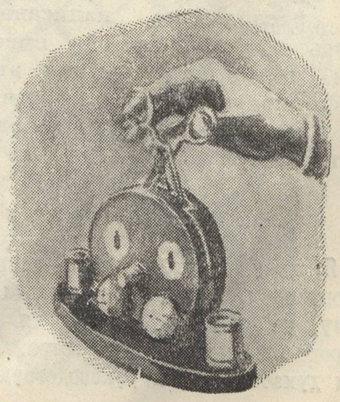
Глаза и крылья у птицы надо тщательно наметить и закрасить черным лаком.

Чертеж набора для шитья в форме головы кошки приведен на сетке. Начертите сетку, каждый квадрат которой равен 13 миллиметрам, и по ней нарисуйте очертания головы кошки. Передняя часть головы представляет собой правильный круг и выпиливается из дощечки мягкого дерева толщиной в 10 миллиметров. Диаметр этого круга равен 10 сантиметрам. Задняя часть головы — точно такой же круг той же толщины, но, как видно на рисунке, в нем делается прямоугольное углубление, обозначенное на чертеже пунктирными линиями. Это углубление служит для раскрытых ножниц (см. рисунок). Передняя часть скрепляется с задней при помощи клея и маленьких гвоздиков. На место носа кошки прикрепляется кусочек деревянного стерженька диаметром в 15 миллиметров, заструганный на конус. На этот стерженек-нос надевается наперсток.

Подушечки для булавок, приклеиваемые по обеим сторонам носа кошки, изго-

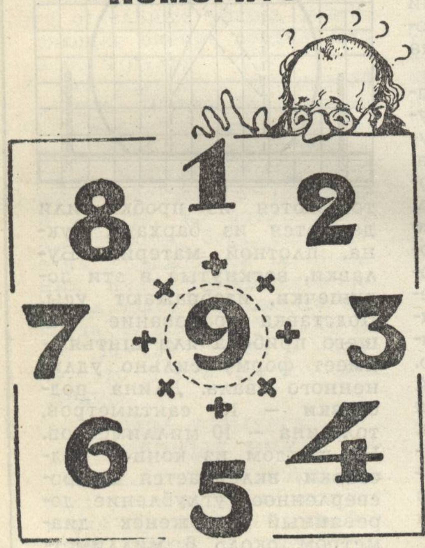
товляются из пробки или делаются из бархата, сукна, плотной материи. Булавки, воткнутые в эти подушечки, изображают усы. Подставка — основание нашего прибора для шитья — имеет форму сильно удлиненного овала. Длина подставки — 15 сантиметров, толщина — 10 миллиметров. На каждом из концов подставки вклеивается в просверленное углубление деревянный стерженек диаметром около 6 миллиметров. На эти стерженьки можно надевать катушки с нитками.

Загадки

Помогите

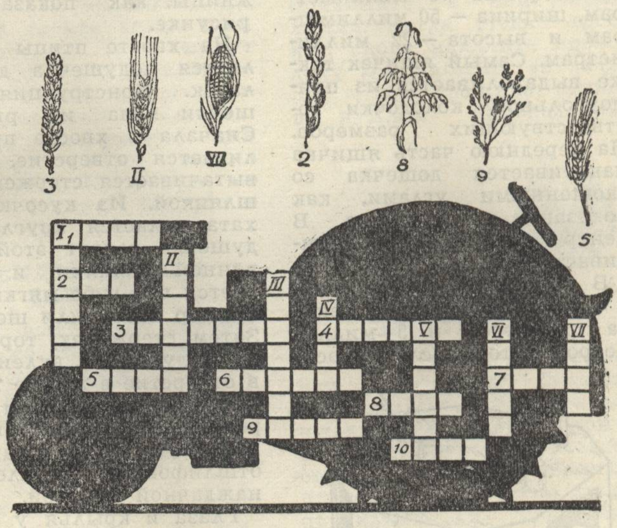

Этот старик просит вашей помощи: он тщетно пытается расположить написанные здесь цифры по три вместе так, чтобы от сложения этих цифр по горизонтали, вертикали и диагонали получалась одна и та же сумма.

Замерзшие окна

Я живу в квартире с печным отоплением. Зимой, не выходя из дому, по замерзшим окнам я мог определить направление ветра. Как вы думаете: чем я руководствуюсь?

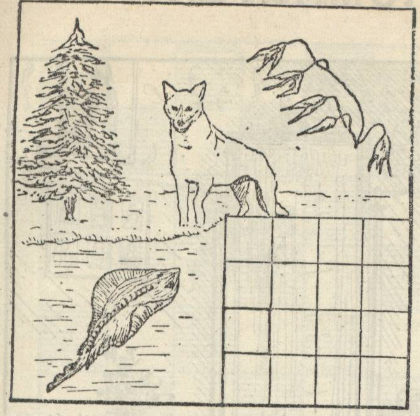
Кроссворд

Значения слов и рисунков обозначены по горизонтали арабскими цифрами, по вертикали — римскими. Рисунки каждой серии, обозначающие злаки и сельскохозяйственные орудия, расположены в порядке их появления, культивирования и использования человеком.

Загадочный квадрат

По горизонтали и вертикали читаются одни и те же слова. Что они обозначают, нарисовано здесь же.

РЕБУС

КТО Я?

(Прислал Витя Васильев из города Ленинска-Омского).

Если я без буквы «з», — мех находится на мне. А когда я с буквой «з», то меха лежат во мне.

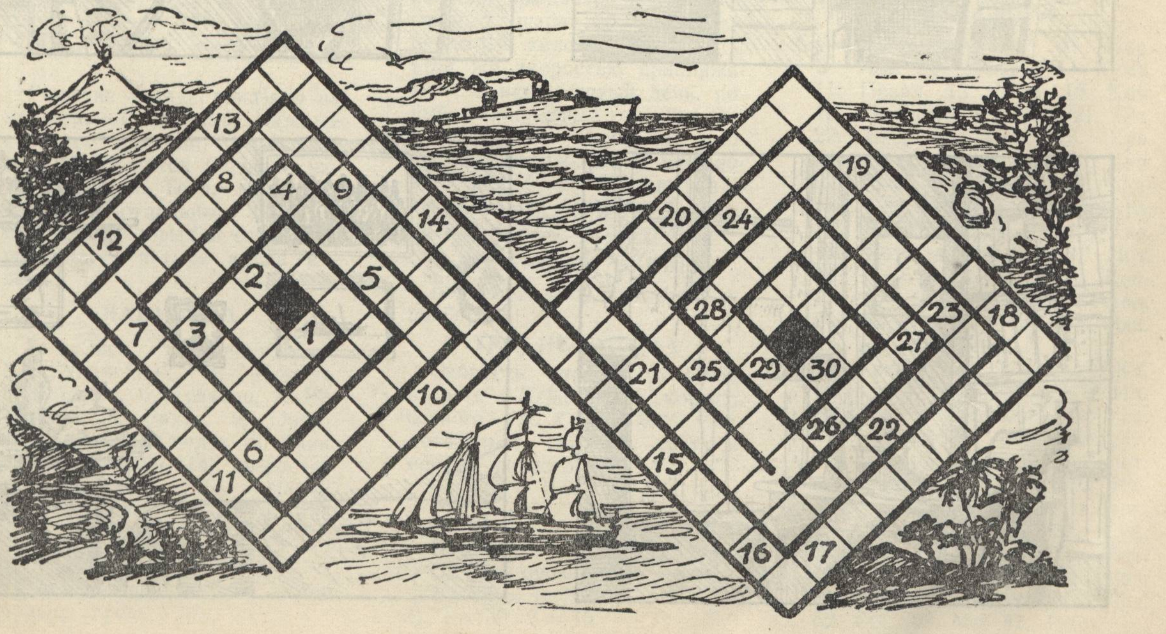
ПРОСТАЯ ЗАДАЧА

У Пети и Сережи мать уезжала в Москву. Они помогли ей нести чемодан. Для того чтобы не обидеть друг друга, они через каждый километр чередовались. На двух последних километрах они так заговорились, что Петя забыл передать, а Сережа забыл взять чемодан. Поэтому Петя пронес его вдвое большее число километров чем Сережа. Сколько раз они чередовались?

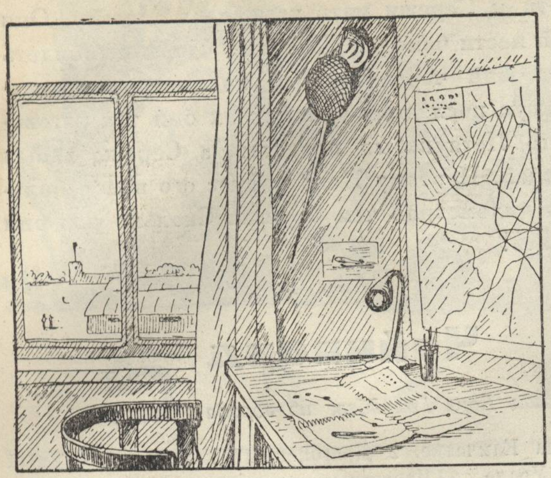
Чайнворд

(Прислал Боря Гольдберг из города Рогачева)

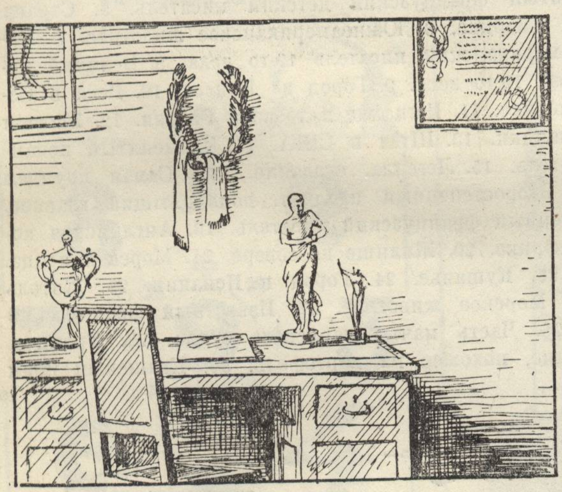
1. Вулкан на Камчатке. 2. Драгоценный камень, находимый только на Урале. 3. Известный русский поэт 19-го века. 4. Знаменитый французский детский писатель. 5. Страна в Средней Америке. 6. Южноамериканское животное. 7. Известный американский писатель 19-го века. 8. Великий немецкий поэт 19-го века. 9. Город на Енисее. 10. Река в Северной Америке. 11. Изгнание в древней Греции. 12. Жители Новой Зеландии. 13. Штат в США. 14. Знаменитый испанский писатель. 15. Легенда, сказание. 16. Самая крупная жаба. 17. Второстепенный предмет, дополняющий главное. 18. Современный французский писатель. 19. Английская колония в Африке. 20. Жилище на севере. 21. Морская птица. 22. Рыба. 23. Кушанье. 24. Город в Испании. 25. Житель севера. 26. Морское животное. 27. Известный французский писатель. 28. Часть мачты парусного судна. 29. Тропическое растение, похожее на картофель. 30. Квашеный корм для скота.

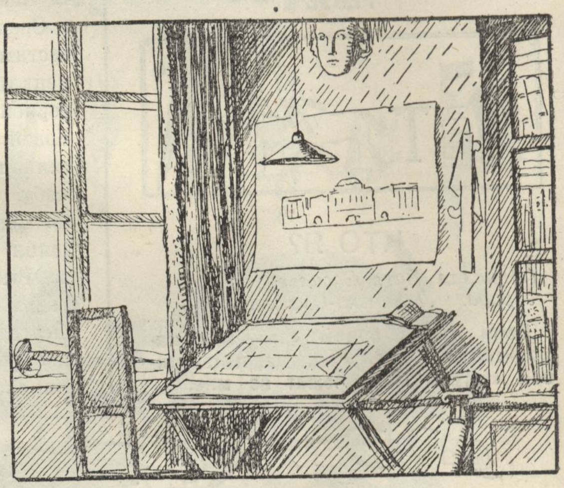

Кто живет в этих комнатах?

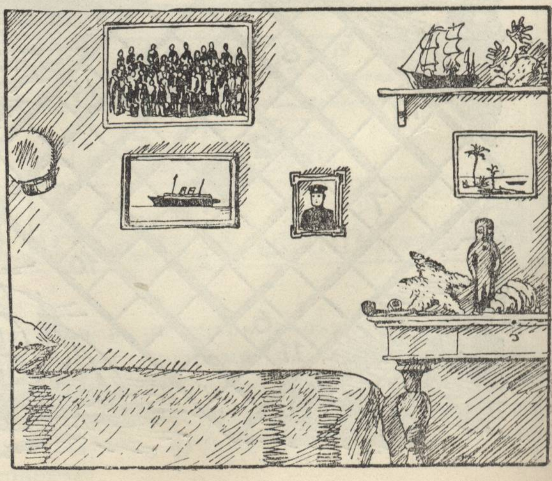

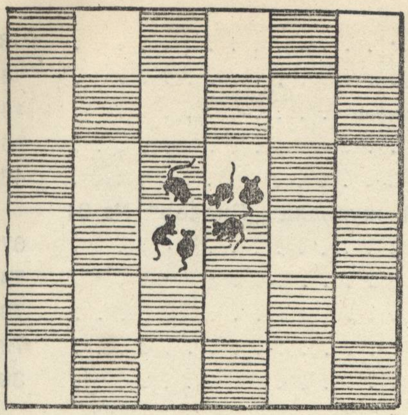

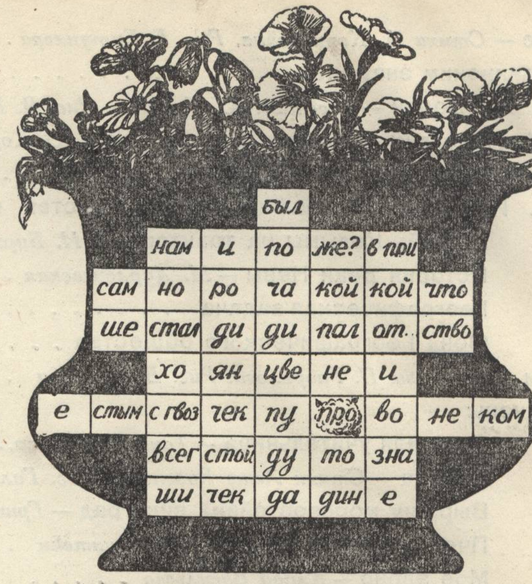

ШЕСТЬ МЫШАТ

Шесть мышат сидели рядом на паркете. Услышав шум, они бросились бежать в разные стороны, но скоро остановились, случайно расположившись так, что по горизонтали, по вертикали и по диагонали паркета было расположено не более одного мышонка. Как они расположились?

ЧЬЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

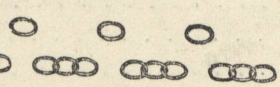
Ходом шахматного коня начиная со слога, отмеченного розой, прочтите начало стихотворения, укажите, кто написал его.

Ответы на задачи № 8

ТРИ ГРУЗОВИКА

Куб—две тонны, пирамида—одна и цилиндр — три.

ПОРВАННАЯ ЦЕПОЧКА

Решение задачи показано на прилагаемом рисунке. Каждые из трех звеньев, составляющих пятый кусок цепочки, надо разрезать. Тогда мы получаем три отдельных звена, с помощью которых и соединяем оставшиеся четыре куска цепочки.

ЧАЙНВОРД

1. «Зис». 2. Секундомер. 3. Рукомойник. 4. Компас. 5. Самолет. 6. Трактор. 7. Револьвер. 8. Радио. 9. Орган. 10. Насос. 11. Скелет. 12. Танк. 13. Керосинка. 14. Аэростат. 15. Телескоп. 16. Паром. 17. Микроскоп. 18. Противогаз.

ШУТОЧНЫЙ РЕБУС

Чем дальше в лес — тем больше дров.

СКОРОСТЬ МЕСЯЦА

Так как длина окружности земного шара для параллели Москвы около 22 500 километров, то любая точка этой параллели вращается вокруг оси земного шара со скоростью около 940 километров в час. С этой же скоростью приближаются к нам и новый день, новый месяц, новый год. Так как в часу 3 600 секунд, то скорость приближения к нам нового дня будет 260 метров в секунду, или примерно 1 километр в каждые 4 секунды.

ПОСТАВЬТЕ БУКВЫ

Бородин, абордаж, Выборг, прибор.

ТРИ ПЕШЕХОДА

Скорость третьего — 100%, второго — 80%. Тогда скорость первого — $80 \times 1{,}5 = 120\%$. Следовательно, скорость третьего меньше первого на:

$$\frac{120-100}{120} = 15{,}6\%$$

ПРО ОРЕХИ

По 15 орехов. 1) $1+1+ +1-30=1$; 2) $1+1=30$; 3) $1=30:2=15$.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЧАЙНВОРД

1. Кавказ. 2. Зона. 3. Атлас. 4. Сура. 5. Америка. 6. Абакан. Путешественник—Колумб.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Икс. 3. Лов. 6. Миф. 9. Кума. 11. Пенал. 13. Луза. 16. Кон. 18. «Ася». 19. Гонорар. 21. Тит. 22. Бас. 25. Пар. 26. Ура. 24. Сад. 28. Зуб. 30. Сап. 32. Ком. 34. Апатит. 35. Фураж. 36. Сапог. 37. Кобура. 38. Зов. 39. Лик. 41. Кар. 43. Рот. 44. Вал. 45. Лот. 46. Тая. 47. «Нос». 49. Жонглер. 52. Сом. 53. Бак. 54. Атом. 56. Карат. 57. Лоза. 58. Яик. 59. Таз. 60. Тон.

По вертикали: 1. Имя. 2. Ка. 3. Лен. 4. Онон. 5. Вар. 7. Ил. 8. Фут. 9. Картина. 10. Уса. 11. Подарок. 12. Лазарет. 14. Зис. 15. Атакама. 16. Капот. 17. Орава. 19. Гараж. 20. Рупор. 23. Акула. 24. Сорок. 25. Паз. 26. Уил. 27. Сук. 29. Бот. 31. Пол. 33. Мат. 40. Кот. 42. Игра. 44. Воз. 48. Соя. 50. Нат. 51. Лаз. 52. Сон. 55. Ми. 57. Ло.

СОДЕРЖАНИЕ

Украине — *Стихи А. Копштейна. Рис. Е. Бургункера* . . . 3
Под Сталинским знаменем . . . 4
Рыцарь революции — *Рассказы Ю. Германа. Рис. В. Константинова* . . . 14
В октябрьские дни — *Повесть В. Гвайта. Рис. Ю. Коровина* . . . 26
Лермонтов в Грузии — *И. Андроников* . . . 48
Компас. Известия Географического общества читателей журнала „Пионер" № 31
В глубь Колымы на тракторах — *И. Бирюзов* . . . 67
История реки Невы — *М. Дурденевская* . . . 73
Географическая задача . . . 78
Фонд Географического общества . . . 79
Луганцы — *Рассказы П. Гаврилова. Рис. В. Щеглова* . . . 80
Наша жизнь:
Любимая учительница — *Таня Паченцева, Люба Сморгонская, Оля Кильдишева* . . . 93
Звезда — *Стихи Лены Розенберг. Рис. Гали Коджаянц* . . . 94
Выращу морозостойкий виноград — *Гриша Зайденшнер* . . . 95
Пчелы на выставке — *Рая Бронштейн* . . . 96
Мое звено — *Клава Васильева* . . . 98
Арбуз — *Рассказ Юры Шелкопляса* . . . 100
Кем мне быть? — *Письмо Игоря Кириллова* . . . 103
Письмо Игорю — *Герой Советского Союза Марина Раскова* . . . 103
Саджо и ее бобры — *Серая Сова. Перевела и обработала Алла Макарова. Рис. Серой Совы* . . . 105
Что нового в науке . . . 113
Черный кот — *Стихи А. Шапиро. Рис. П. Кузьмичева* . . . 116
Будем физкультурниками.
Тысяча метров — *Очерк И. Рахтанова* . . . 117
Два вопроса — *М. Черевков* . . . 118
„Внимание, молот!" . . . 120
Наша библиотека . . . 121
Полезные советы . . . 122
Самоделки . . . 123
Загадки . . . 124

На обложке — картина художника И. Танчика „Урок музыки"

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 822, телефон Д 3-30-73

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная.**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази.**

Сдано в набор 2/IX 1939 г. Подписано к печати 17 X 1939 г. Изд. № 915

Уполномоченный Главлита № А — 18039. 82 × 110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2825. Тираж 90 000

Цена 1 руб. 50 коп.